

Библейско-богословская коллекция
СЕРИЯ “БИБЛЕИСТИКА”
Святоотеческая библеистика

**Блаженный АВГУСТИН,
епископ Иппонский**

**ХРИСТИАНСКАЯ НАУКА,
или
Основания священной герменевтики
и церковного красноречия**

© Сканирование и создание электронного варианта: издательство “Аксион эстин” (www.axion.org.ru) при участии проекта “Синай” (www.sinai.spb.ru). Санкт-Петербург, 2004.

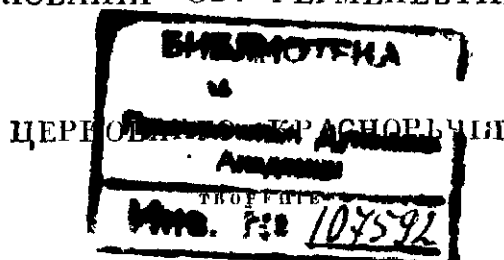

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2004

ХРИСТИАНСКАЯ НАУКА

ИЛИ

ОСНОВАНИЯ СВ. ГЕРМЕНЕВТИКИ

БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

ЕПИСКОПА

ИППОДІЙСЬКАГО.

КИЄВЪ.

Въ Типографіи Кієво-печерской Лавры,

1855.

Ошъ Санкт-Петербургскаго Комитета для Цензуры
Духовныхъ Книгъ позволено.

Июль 31 дня 1835 года.

Цензоръ Санкт-Петербургской Семинаріи Ректоръ

Архимандритъ Макарій.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ

Издаателямъ хотѣлось дать занимающимся изученіемъ Св. Герменевтики и Гомилетики какую-либо книгу для чтенія въ семь родъ изъ временъ Отчеческихъ;— и мысль ихъ остановилась на *Христіанской Науки* Блаж. Августина: не только потому, что въ ней заключающіяся правила, какъ изъяснять Св. Писаніе и какъ преподавать оное народу; но и потому, что другихъ подобныхъ книгъ не дошло до насъ изъ древности Христіанской, которая любила болѣе исполнять правила, нежели писать ихъ.— Съ сей стороны Христіанская наука Августинова давно извѣстна въ ученомъ мірѣ, по частнымъ указаніямъ на нее, и даже по цѣлымъ опривкамъ, приводимымъ изъ ней

въ Учебникахъ Герменевтическихъ и Гомилетическихъ : но занимающійся сими науками долженъ знать ее всю и исполнѣ , какъ драгоценный сборникъ Отеческихъ понятий и правилъ , руководствовавшихъ прежде и нынѣ могущихъ руководствовать къ правильному разумѣнію слова Божія и успѣшнѣйшему преподаванію онаго другимъ. Впрочемъ, Наука Августина можетъ бытъ полезна не для однихъ тѣхъ , кои занимающіеся духовными науками, а и для всякаго Христіанина, ищущаго свѣта и назиданія: пбо Христолюбивый Епископъ Иппонійскій, преподавая въ ней правила, какъ находилъ подлинный смыслъ Писанія и съ успѣхомъ передавалъ его другимъ, входилъ при семъ во многія прекрасныя размышленія о томъ, какъ содѣлаться истиннымъ Христіаниномъ, какъ познать и возлю-

бить Бога, отвергнувшись міра
и его похотей, дабы съ вѣрою и
унованіемъ стремиться къ едино-
му, вѣчному и высочайшему бла-
гу.—Мы уже неговоримъ о той зани-
мательности, которую наспо-
ящее твореніе Августиново долж-
но имѣть для любителя древно-
стей, по множеству любопытныхъ
сказаній о состояніи древняго міра
языческаго въ отношеніи Религіоз-
номъ, ученомъ и житейскомъ, и
по тѣмъ сужденіямъ, которыя со-
провождаются онѣ у Августина,
весьма хорошо знавшаго всю языче-
скую мудрость, ему современную.—

Составленіе своей Науки Блаж.
Августинъ началъ еще около 393
года, вскорѣ послѣ того, какъ
сдѣлался Епископомъ Викаріемъ
Валерія, при коемъ былъ сперва
проповѣдникомъ, — и довелъ оную
до 36-го § третьей книги; а

послѣднія спашьи ея и вся четвертая книга написана имъ уже около 427-го года. Такимъ образомъ отъ начала сочиненія до окончанія протекло болѣе 50 лѣтъ: новое ручательство за зрѣлость мыслей и общепользность труда!

При такомъ совершенствѣ *Науки* Августиновой и при такой цѣли къ преложенію ея на Отечественный языкъ, само собою разумѣется, весьма желалось бы, чтобъ это преложеніе было какъ можно совершеннѣе и достойнѣе подлинника;—и занимавшіеся симъ дѣломъ постоянно спарались о томъ со всею искренностію. Если, не смотря на сіе, найдутся помѣшанъ неисправности, то благолюбивый читатель вспомнитъ, какъ нелегко языкъ мертвый обращать въ живой,—особенно языкъ такого Писателя, каковъ Бл.

Августинъ , — тонкаго , остроумнаго , богатаго игрою словъ и противуположностей , а потому и неудобопереводимаго. Слѣдствіемъ сего было то , что игра словъ подлинника замѣнена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простымъ изложеніемъ мыслей и чувствъ ; — нѣкоторыя обороты , свойственные только Латинскому языку , приспособлены къ свойству языка Русскаго ; — словесная связь мыслей нѣдѣ опущена , а нѣдѣ увеличена , безъ нарушенія впрочемъ во всѣхъ сихъ случаяхъ духа и смысла подлинника.

Необходимое признаніе сіе Издатели починаютъ за долгъ заключить усерднѣйшимъ желаніемъ , чпобы *Христіанская Наука* Бл. Августина нашла себѣ между чинашелями своими учениковъ не сколько по буквѣ , сколько по духу , коего сила и дѣйствитель-

послѣ не ошѣ мертвѣго писъме-
ни зависипѣ, и копирый несмотрѣ
на виѣшнюю, грубую оболочку,
самъ собою сидѣнь воодушевипи
многихъ и къ многому, истинно
полезному и спасительному.

Давидъ

Подпись

Копія, и
театр, и (а) и
в сою. Н. Д. Малочис

ВСТУПЛЕНІЕ.

1.) Есть извѣстные правила ;
особствующія къ уразумѣнію смысла
. Писанія; вижу на опытъ, что ихъ
безъ пользы можно преподашь лю-
дямъ слова Божія, дабы сіи люди не
лько съ успѣхомъ могли читать пол-
вашей Св. Писанія, но и сами объ-
няли бы оное другимъ . Сіи-то
правила рѣшился я изложить для
лающихъ и могущихъ принимать на-
ставленія,—если только Господь благо-
воитъ перо мое счастливо раскрытъ
ѣ мысли , кои Онъ обыкновенно
ушаетъ мнѣ въ минуты моего раз-
мшенія о Св. словѣ Его . Но пре-
де , нежели приступлю къ моему
едмену , почишаю за нужное опи-
сшествовать шѣмъ изъ моихъ чита-

пелей, кои захопѣли, или жѣ захопѣли бы порицашь меня, когда бы я предварительно не успокоилъ ихъ. Если и послѣ эшого найдутся люди, кои стануть упрекать меня, по крайней мѣрѣ они не успѣють другихъ соблазнить, и не отвлекутъ ихъ отъ полезнаго занятія къ невѣжественной праздности; а это могли бы они сдѣлать, если бы нашли ихъ беззащитными и не готовыми къ отвѣту.

II.) Одни будутъ порицать настоящій трудъ мой потому, что не поймутъ хорошо преподаваемыхъ мною правилъ. Другіе, понявши ихъ, захопѣли воспользоваться, и на основаніи сихъ правилъ стануть дѣлать опыты изъясненія Писанія; но не успѣвъ открыть и изъяснить то, чего желали, попытася заключить, что я трудился напрасно, и что трудъ мой никому не принесетъ пользы по тому только, что они не умѣли имъ воспользоваться. Третій родъ криптиковъ моихъ составится изъ такихъ людей, кои или въ самомъ дѣлѣ хорошо объясняютъ Писаніе, или только такъ думаютъ о себѣ.— Если сіи люди приобрѣли способность (истинную или мнимую) изъяснять Писаніе безъ пособія тѣхъ правилъ, кои я намѣренъ

изложишь; то будущъ вопіять, что мои правила ни для кого не нужны, и что все, въ нихъ преподаваемое касательно изъясненія темныхъ мѣстъ Писанія, можетъ быть узнано и постигнуто при посредствѣ одного Божественнаго дара— свыше.

III.) Всѣмъ моимъ кришикамъ въ многихъ словахъ отвѣщающую слѣдующее: не понимающіе насъющаго моего сочиненія, конечно, не меня должны порицать за то, что не понимаютъ его; такъ же точно, какъ не въ правѣ были бы они сердиться на меня въ такомъ случаѣ, когда бы имъ хотѣлось, напр., увидѣть новую луну, или какую—нибудь не ясную звѣзду, и я съ своей стороны пальцемъ указывалъ бы имъ на оныя, а у нихъ между тѣмъ не доставало бы оспрошъ зрѣнія не только для луны и звѣзды, но даже для того, чтобы хоть перстъ мой увидѣть.— Тѣ, кои узнають и хорошо поймутъ мои наставленія, а между тѣмъ при помощи ихъ изъясняешь темныя мѣста Писанія будущъ не въ состояніи, тѣ пусть заключаютъ изъ сего, что у нихъ есть способность только на то, чтобы видѣть одинъ перстъ мой, но не достаешь силъ на то,

чтобы усматривать звѣзды, эшимъ перстомъ указуемая. Апосему какъ шѣ, такъ и другіе должны удержаться отъ невыгодныхъ сужденій о моемъ шрудѣ, и для озаренія очей своихъ должны испрашивать Божественнаго свѣща свѣше. Ибо я могу двигать перстомъ моимъ для того, чтобы указывать извѣсныя предметы, но опшюдь не въ состояніи дать человѣку глазъ на то, чтобы онъ ясно могъ видѣть и средство, копорымъ я указываю, и предметъ, копорый хочу указать.

IV.) Наконецъ чтобы смягчить не-удовольствіе противъ меня людей, по-хваляющихся Божественнымъ даромъ, и самонадѣянно усвояющихъ себѣ способность разумѣть и объяснять Писаніе безъ такихъ правилъ, какія здѣсь бу-душъ преподаны, и потому готовыхъ начинать шрудъ мой излишнимъ,—я могу и долженъ сказать эшимъ людямъ, что хотя они имѣють право восхи-щаться великимъ даромъ Божиимъ, но не должны забывать, что они по крайней мѣрѣ азбукъ научились не отъ Бога, а отъ людей, и учась ей, ни сколько недо-умали, что поступаютъ худо, непода-рая примѣру Антонія великаго, Египет-скаго инока, о коемъ рассказываютъ, будто онъ вовсе безъ науки, по од-

ной наслышкѣ, зналъ все Писаніе на память, и при помощи одного здраваго размышленія совершенно разумѣлъ оное;— или примѣру одного благочестиваго раба изъ Варваровъ, копорый, по недавнимъ извѣстіямъ, полученнымъ мною отъ почтенныхъ и достойныхъ вѣроятія людей, ни у кого не учился грамотѣ, а только молилъ Бога, да открыетъ ему разумѣніе писменъ, и получилъ полное свѣдѣніе въ оныхъ; такъ что послѣ шридневной молитвы, къ удивленію присутствовавшихъ, вдругъ началъ ясно и скоро читать принесенную ему Библію.

V.) Если послѣднее покажется кому-либо несовершенно вѣроятнымъ, я не буду упорно прекословить, ибо не вижу никакой нужды въ томъ. Для моей цѣли довольно, что имѣю дѣло съ Христіанами, кои хвалясь возможностью знать Писаніе безъ руководства человѣческаго, и кои неоспоримо обладаютъ въ семъ отношеніи великимъ благомъ, если только въ самомъ дѣлѣ обладаютъ имъ. Какъ бы ни судили таковыя, но необходимо должны согласиться со мною по крайней мѣрѣ въ томъ, что каждый изъ насъ отъ самаго дѣтства

научился своему природному языку чрезъ поспоянную привычку слышать оный отъ другихъ,— научился и еще какому-либо языку, напр. Греческому, Еврейскому и ш. п. или пакъ же по наслышкѣ, или при помощи извѣснаго наставника,— не Бога, а просто чело-вѣка. Спрашиваю: зачемъ мы поступили и поступаемъ такимъ образомъ? Почему имѣя въ виду, что Апостолы, по сошествіи Св. Духа, въ одно мгновеніе не учась заговорили языками всѣхъ народовъ, давно не начинаемъ совѣщавать всѣмъ Братіямъ, чинобы они не учили дѣшей своихъ ни своему, ни чужому языку,—въ ожиданіи чуда?— А съ кѣмъ не послѣдуешь тогоже чудеснаго событія, какое было съ Апостолами: толпъ въ слѣдствіе сего пусть не почитаешь себя полнымъ Христіаниномъ, или по крайней мѣрѣ долженъ сомнѣваться въ полученіи Св. Духа! Недумаю чинобы, кто-либо согласился съ сими мыслями.— Пусть же каждый безъ гордости учился у чело-вѣка тому, чему должно учиться отъ людей: равнымъ образомъ и наставляющій другихъ пусть безъ гордости и зависти преподаетъ то, что самъ приобрѣлъ. Не станемъ искушать , Того, въ Кого мы увѣровали, дабы лукавый не обольстилъ насъ своею хи-

простію и злобою до такой степени, что мы незахочемъ ходить и въ храмы Божіи даже для слушанія и изученія самаго Евангелія; не захочемъ читатьъ Св. кодексъ; не захочемъ вниматьъ чпущему или проповѣдающему доброду чловѣку, въ напрасномъ ожиданіи, что вопъ восхипяшъ насъ до шретьяго неба, *аще въ тѣлѣ, аще кромѣ тѣла*, какъ говоритъ Апостоль (а), и что тамъ услышимъ мы неизреченные глаголы, *ихѣ же не лѣтъ есть теловѣку глаголати*, или увидимъ Господа Іисуса, и будемъ слушать Евангеліе лучше ошъ Него самаго, нежели ошъ чловѣка.

VI.) Будемъ, говорю, осперегаться сихъ чрезъ мѣру надмѣнныхъ мыслей, какъ весьма опасныхъ искушеній. Помыслимъ, что и самъ Ап. Павелъ, хотя первоначально повергнушъ на землю и наславленъ былъ Божесипвеннымъ гласомъ съ неба (б), но въ послѣдствіи посланъ къ чловѣку для принятія таинствъ и соединенія съ Церковію. Вспомнимъ, какъ Корнилій Сотникъ, хотя былъ извѣщенъ ошъ Ангела, что молишвы его слышаны и милосшыня принята,

(а) 2 Кор. XII, 2. (б) Дѣян. IX, 7,

однакожь посланъ былъ къ Петру, не только для принятія тайнствъ, но и для наученія тому, чему должно вѣровать, чего надѣяться, и что любить. Нѣтъ сомнѣнiя, что и всякой способъ наученiя могъ и можетъ совершаться чрезъ Ангела; но въ такомъ случаѣ участъ челоуѣчества была бы весьма низка, если бы Богъ не благоволилъ сообщать людямъ слова Своего чрезъ людей же. Какимъ образомъ оправдалось бы изреченiе Писанiя: *храмъ Божiй святъ есть, иже есте вы* (а); если бы Господь не открывалъ воли своей изъ сего храма, а все, нужное для наученiя челоуѣка, сообщалъ бы съ неба и чрезъ Ангела? Самая любовь, связующая людей союзомъ единства, не имѣла бы ближайшаго средства къ тѣснѣйшему соединенiю и, такъ сказать, взаимному прелiянiю и сраспворенiю душъ, если бы люди ничему не научались отъ людей же.

VII.) Упоминаемый въ Ап. Дѣянiяхъ Евнухъ, который читалъ Пророка Исаю, не понимая его, былъ посланъ Апостоломъ не къ Ангелу, и не чрезъ Ангела, не чрезъ внутреннее озаренiе

(а) 1 Кор III, 17.

открыто ему то, чего онъ не понималъ; но Божественнымъ внушеніемъ приведенъ былъ къ нему Филиппъ, который зналъ Пророка Исаію, — который сѣлъ съ нимъ, и изъяснилъ ему человѣческими словами непонятное для него пророчество Съ Моисеемъ не самъ ли Богъ бесѣдовалъ? Однакожь Моисей безъ гордости принялъ совѣтъ шестія своего, — иноплеменика, касательно управленія многочисленнымъ народомъ Іудейскимъ: ибо зналъ, что кто бы ни подалъ истинный и полезный совѣтъ, его должно относить не къ лицу совѣтующаго, а къ Тому, Который есть самая истина, — къ предвѣчному Богу.

VIII.) Наконецъ, положимъ, что тотъ правильно думаетъ, кто почитаетъ себя въ состояніи объяснять темныя мѣста Писанія безъ человѣческихъ правилъ, съ помощію одного Божественнаго дара; ибо въ самомъ дѣлѣ такая способность, если есть, не есть собственная — естественная его способность, а сообщенная Богомъ, особенно если онъ ищетъ славы Божіей, а не собственной. Но читая и понимая Писаніе, за чѣмъ онъ самъ старается объяснять оное другимъ, а не предославляешь ихъ Богу,

дабы и они, подобно ему, были нас-
павлены въ Писаніи не челоѣкомъ,
а непосредственно самимъ Богомъ?
За шѣмъ, конечно, что спрашившея
услышатъ отъ Господа: *лукавый рабе
и лѣнивый, подобаше тебѣ сребро мое
вдати торжникомѣ* (а)! Такимъ об-
разомъ, если эти люди успію или
письменно сообщаютъ другимъ то,
что сами знаютъ; то и я не за-
служиваю порицанія, намѣреваясь
сообщить другимъ не только то, что
имъ нужно знать, но и то, какъ
послупать въ приобретеніи познанія
извѣстныхъ предметовъ: хотя, само
собою разумѣется, никто изъ насъ
не долженъ хвалиться чѣмъ-либо, какъ
своею собственностію, исключая, мо-
жетъ быть, одной только лжи. Ибо
все истинное происходитъ отъ То-
го, Который сказалъ о Себѣ: *Азѣ есмь
истина* (б). И что мы имѣемъ, чего
бы не получили? А если получили,
то что хвалишься, какъ будто не
получали (в)?—

IX.) Кто читаетъ слушающимъ
что-либо, написанное, тотъ показы-
ваетъ, что онъ умѣетъ читать;
напротивъ, кто учить самымъ пись-

(а) Матѣ. XXV, 27. (б) Иоан. XIV, 6. (в) 1 Кор. IV, 7.

менамъ, шопъ передаетъ другимъ умѣнье читать;—хотя шопъ и другой сообщаетъ только то, что самъ приобрѣлъ отъ другихъ. Равнымъ образомъ, кто излагаетъ слушателямъ то, что онъ понимаетъ въ Писаніи, шопъ какъ бы читаетъ имъ письма, ему извѣстныя: но кто научаетъ, какъ понимать Писаніе, шопъ подобенъ обучающему самымъ письмамъ. Какъ. умѣющій читать не имѣетъ нужды въ другомъ человѣкѣ для прочтенія написаннаго въ книгѣ: такъ и знакомый съ правилами, кои я намѣренъ преподавать, не будетъ имѣть нужды въ другомъ для уразумѣнія какого-либо темнаго мѣста Писанія; но самъ, какъ бы по готовымъ уже слѣдамъ, безъ всякой погрѣшности, дойдетъ до смысла, скрывающагося въ словѣ Божіемъ; по крайней мѣрѣ никогда не впадетъ въ нелѣпость какого-либо ложнаго и вреднаго мнѣнія.—Заключаю: наспоющее твореніе мое само можетъ достаточно показывать, справедливы ли, чѣмъ бы то нибыло, возраженія противъ труднаго предпріятія, на которое рѣшаюсь. Между тѣмъ, мнѣ не показалось излишнимъ помѣстивъ здѣсь предувѣдомленіе, дабы съ одной стороны дать въ немъ при-

личный, по моему мнѣнію, отвѣтъ
нѣкоторымъ изъ самыхъ упорныхъ
критиковъ моихъ, — съ другой, что-
бы сдѣлать оное началомъ пуня, на
который въ слѣдующей Книгѣ я на-
мѣреваюсь всупить.

КНИГА ПЕРВАЯ.

О ПРЕДМЕТАХЪ ВООБЩЕ, ОГЛАВНОЙ
ЦѢЛИ СВ. ПИСАНІЯ И ГЛАВНОМЪ
ПРАВИЛѢ КЪ УРАЗУМЬННО ЕГО.

І.) Два главныхъ предмета, кои должно имѣть въ виду, занимаясь ученымъ образомъ Св. Писаніемъ: 1), способъ находить истинный смыслъ онаго, и 2), способъ сообщать, или излагать сей смыслъ другимъ. Посему и я сначала буду разсуждать о томъ, какъ находить смыслъ, а послѣ о томъ, какъ сообщать оный.

Рѣшаясь на сіе великое и трудное дѣло, боюсь, не безразсудно ли предпріемлю его, когда соображаю, какъ не легко мнѣ выполнить это. — Точно не легко, если надѣяться на одни собственныя силы! Но, я всю надежду совершить мой трудъ возложилъ на Того, Кто благоволилъ уже много

внушилъ мнѣ благихъ испинъ въ мину-
шы моего размышленія о Его Св. словѣ:
живо помню сіи испины, и не чего
бояться мнѣ, чтобы Господь спалъ
опказывашъ и въ прочихъ необходи-
мыхъ для меня свѣденіяхъ, если толь-
ко я благоразумно начну употреблять
на пользу другихъ то, что мнѣ уже
дано отъ Него. Ибо если вещь такова,
что чрезъ раздѣленіе ея съ другими
людьми ни сколько не оскудѣваетъ;
то если намъ дають ее, а мы на-
прошивъ имѣемъ, и не даемъ ея дру-
гимъ,—мы пользуемся сею вещію не на-
лежащимъ образомъ. Господь сказалъ:
илицеицъ дано будетъ (а). Слѣд. Онъ
дастъ имущимъ. т. е. такимъ людямъ,
кои съ любовію употребляютъ на
пользу другихъ то, что сами получили
отъ Него,—умножишь и преумножишь
дары свои. Упоминаемыхъ въ Еванге-
ліи (б) хлѣбовъ было только пять, а въ
другомъ случаѣ только семь, пока ихъ
не начали раздавать алчущему народу;
а какъ скоро начали, то сими хлѣба-
ми насытилось нѣсколько тысячъ чело-
вѣкъ, и сверхъ того наполнено было
немало корзинъ и мѣшковъ. Вѣрую,
что какъ хлѣбъ чудесно умножился
въ тѣ пору, когда его преломляли,

(а) Матѣ. XIII, 12. (б) Тамже XIV, 17. и XV, 34.

пакъ и мои свѣденія, дарованныя мнѣ Господомъ для предпринимаемаго мною сочиненія, Его же всемогущею силою умножашся, когда я спану иждивашъ ихъ на пользу ближнихъ,— и настоящее служеніе мое не окажется скуднымъ, а ушѣшитель меня и моихъ брашій чудеснымъ изобиліемъ.

II.) Всякая наука занимается либо предметами, либо извѣстными знаками, предметы выражающими. Нѣтъ сомнѣній, что всѣ предметы мы вообще познаемъ посредствомъ знаковъ, оныя представляющихъ; но здѣсь предметомъ или вещью (res) собственно я называю то, что само по себѣ не упошребляется къ означенію чего либо другаго, напр: дерево, камень, животное. Надобно однакожь замѣшитель, что иногда одни и шѣже предметы служатъ вмѣстѣ и знаками для выраженія другихъ предметовъ, какъ напр: то древо, коимъ, по Писанію, Моисей усладилъ горкія воды Мерры (а),— шотъ камень, который Іаковъ положилъ себѣ въ возглавіе (б),— то животное, которое Авраамъ принесъ вмѣсто своего сына на жертву (в). Съ другой стороны есть знаки (signa,) коихъ

(а) Исход. XV, 25. (б) Быт. XXVIII, 11.

(в) Быт. XXII, 13.

все употребленіе именно соспоишѣ только въ означеніи или выраженіи предметовъ: таковы наши слова и вообще языкъ человѣческій; ибо слова употребляемъ мы только для того, чѣмбы выразить и означить ими извѣстный предметъ. Отсюда видно: что такое называю я знаками? Именно то, что употребляется къ означенію предметовъ. Впрочемъ, въ смыслѣ привлеченномъ, всякой знакъ есть вмѣстѣ и предметъ,— ибо что не есть предметъ, то собственно есть ничто,— но не всякой предметъ есть знакъ. Различая такимъ образомъ *предметы* и *знаки*, я при разсужденіи въ послѣдствіи о предметахъ, буду говорить такъ, что хотябы нѣкоторые изъ нихъ могли вмѣстѣ служить и знаками другихъ предметовъ, то это не помѣшаетъ главному раздѣленію моего изслѣдованія на двѣ части, по коему въ одной буду разсуждать я о самыхъ предметахъ, а въ другой о знакахъ. Пусть только читатель твердо помнитъ что въ первой части моего Трактата мнѣ слѣдуетъ разсматривать, что такое *предметы сами въ себѣ*, а не что они *могутъ* еще означать *кромѣ самихъ себя*.

III.) Предметы вообще сутьъ про-
якаго рода: одними изъ нихъ должно
наслаждашься, другими пользова-
ться, а иными и наслаждашься и пользо-
ваться вмѣстѣ. Тѣ, коими должно
наслаждашься, дѣлають насъ блажен-
ными, а тѣ, коими— пользоваться, по-
могають намъ достигать блаженства,
т. е. вспомошествоють къ достиже-
нію такихъ вещей, кои дѣлають
насъ блаженными, и къ тѣснѣйшему
соединенію съ ними. Что касается
до насъ, наслаждающихся и пользующих-
ся, то, будучи поставлены какъбы въ
серединѣ между тѣми и другими пред-
метами, мы затрудняемъ свое шествіе,
если начинаемъ наслаждашься тѣми
изъ нихъ, коими только должно пользо-
ваться, а иногда и совсѣмъ совращаемъ
ся такимъ образомъ съ пути своего,
такъ что обладаніе вещами, коими
должно наслаждашься, замедляется,
или и вовсе уходитъ отъ насъ, по
причинѣ любви нашей къ другимъ,
низшимъ предметамъ.

IV.) *Наслаждаться* значить не иное
что, какъ сильно любить известную
вещь, для нея самой; *пользоваться* же ве-
щью, значить употреблять оную сред-
ствомъ къ достиженію иного, что лю-
бимъ, если впрочемъ оно достойно

любви: ибо не дозволенное и незаконное употребленіе есть злоупотребленіе, а не употребленіе. Такъ напр: еслибъ кто-нибудь изъ насъ былъ странникъ, немогущій жить благополучно нигдѣ, кромѣ ошечества, и еслибы, желая окончить бѣдственное свое странствованіе, онъ рѣшился возвратиться въ ошечество: то для него въ такомъ случаѣ нужны были бы колесницы, или корабли, коими надлежало бы ему пользоваться, дабы возвратиться въ ошечество для наслажденія въ немъ щасливою жизнью. Но если бы пріятности пущи и самое движеніе колесницъ заняли его такъ, что онъ спалъ бы наслаждаться тѣмъ, чѣмъ надлежало только пользоваться, и не думалъ уже о скорѣйшемъ окончаніи своего пущи: то, занятый превратнымъ удовольствіемъ, онъ ошчуждился бы отъ своего ошечества, пріятности коего однѣ могли доставить ему истинное блаженство. Равнымъ образомъ и мы, странствующие въ удаленіи отъ Господа въ наспоющей смертной жизни, если желаемъ возвратиться въ ошечество, гдѣ можемъ быть блаженными,—должны пользоваться симъ міромъ, а не наслаждаться, дабы невидимое Божіе видимо было для насъ сквозь

созворенныя вещи, и. е. дабы посредствомъ видимыхъ и чувственныхъ вещей приобрести намъ познаніе о вѣчномъ и духовномъ.

V.) То, что долженъ быть предметомъ нашего наслажденія, есть Отецъ, Сынъ и Духъ Св.—достопокланяемая Троица, составляющая одинъ нѣкій высочайшій предметъ, общій для всѣхъ наслаждающихся Ею,—если впрочемъ можно назвать Ее предметомъ, а не причиною всѣхъ предметовъ, хотя и сіе послѣднее названіе ниже Ея. Ибо не легко найти имя, приличное толикому Величеству, какъ развѣ сказать только: Трїединный Богъ, изъ Котораго все, чрезъ Котораго все, и въ Которомъ все; Отецъ, Сынъ и Духъ Св.—Каждый Богъ, и Всѣ вмѣстѣ—единъ Богъ; каждый полное Существо, и всѣ вмѣстѣ—Одно Существо. Отецъ не есть ни Сынъ, ни Духъ Св.; Сынъ не есть ни Отецъ, ни Духъ Св.; Духъ Св. не есть ни Отецъ, ни Сынъ: но Отецъ есть только Отецъ, Сынъ—только Сынъ, Духъ Св.—только Духъ Св.—Всѣ три равно вѣчны, равно неизмѣняемы, имѣють одинаковое величіе, одинаковую силу. Въ Отцѣ единство; въ Сынѣ равенство; въ Духѣ Св. согла-

сіе единства и равенства: и Сіи при—
Всѣ Едины ради Отца, всѣ равны
ради Сына, Всѣ соединены ради Св.
Духа.

VI.) Говоря такимъ образомъ, ска-
заль ли я однакожъ, что-нибудь до-
стойное Бога? Нѣтъ; вполнѣ чув-
ствую, что я хотѣлъ только ска-
зать: если же сказалъ, то сказалъ
не то, что хотѣлъ. Это я знаю
потому, что Богъ неизглаголанъ, а
сказанное мною, еслибъ было неиз-
глаголанно, то и не было бы сказа-
но. По сей причинѣ Бога даже неиз-
глаголаннымъ нельзя называть; ибо
уже говорится о Немъ нѣчто, когда
говорится, что Онъ неизглаголанъ.—
Отсюда происходитъ, незнаю, какое-
то противорѣчіе въ словахъ: ибо,
если неизглаголанымъ называется то,
о чемъ и говорить нельзя; то нельзя
уже называть неизглаголанымъ то,
о чемъ по крайней мѣрѣ можно ска-
зать, что оно неизглаголанно. Противо-
рѣчіе это лучше, можетъ быть, пред-
отвращать благоговѣйнымъ молчані-
емъ, нежели примирять на словахъ.
Впрочемъ Богъ, хотя о Немъ ничего
нельзя сказать достойно Его, благово-
лилъ, чтобы Ему служило слово чело-
вѣческое, и что бы мы на похвалу Его

отверзали наши уста и употребляли нашъ языкъ. Въ слѣдствіе сего самаго Онъ и Богомѡ названъ. Звукъ сего слова, конечно, далеко не даетъ намъ истиннаго понятія о Немъ; однакожъ всякой, знающій нашъ языкъ, услышавъ оный звукъ, потѣчась представляеть въ умѣ своемъ нѣкое Существо Высочайшее и Безсмертное.

VII.) Въ самомъ дѣлѣ, когда представляется въ умѣ Оный Единный Богъ боговъ, то даже тѣ, кои признають и почитаютъ другихъ боговъ на земли, или на небѣ, спараются представить Его высочайшимъ и превосходнѣйшимъ всего, что—ни-есть. Поелику люди плѣняются двоякаго рода благами,—частію относящимися къ чувствамъ, частію же принадлежащими душѣ и уму; то преданные благамъ чувственнымъ почитаютъ Богомъ боговъ или самое Небо, или то, что есть блистательнѣйшаго на небѣ, или наконецъ самый міръ.—Если же простирають взоръ свой за предѣлы міра: то представляютъ Бога чѣмъ-либо свѣплымъ, и припомъ или безпредѣльнымъ, или заключеннымъ въ самую прекрасную Форму.—напр: предпочитающіе всѣмъ прочимъ видъ человѣческій представ-

ляють Его въ образъ челоѣка. Если же не признають Одного Верховнаго Бога, а допускають многихъ и безчисленныхъ боговъ равнаго достоинства: то представляють всѣхъ ихъ въ томъ видѣ, какой кажется имъ самымъ лучшимъ. Что касается до тѣхъ, кои идутъ къ познанію Бога путемъ ума; то они представляютъ себѣ Бога выше всѣхъ существъ, не только видимыхъ и тѣлесныхъ, но и невидимыхъ и духовныхъ, — превыше всего измѣняющагося и временнаго. Всѣ единогласно защищаютъ превосходство естества Божія, и никто не почиаетъ за Бога то, что не есть самое лучшее. Богъ, по признанію всѣхъ, есть Существо самое совершенное.

VIII.) Далѣе, поелику всѣ размышляющіе о Богѣ представляютъ Его существомъ живымъ; то тѣ только не могутъ имѣть нелѣпыхъ и недостоинныхъ понятій о немъ, кои имѣють точное понятіе о *самой жизни*; кои, въ какомъ бы видѣ ни представлялось имъ тѣло, опличаютъ живое тѣло отъ неживаго, и первое предпочитаютъ послѣднему; — кои понимаютъ, что и живое тѣло, сколько бы ни было оно свѣтло, величественно-

но и красиво, все же есть не то, что самая жизнь, которая возвращается оное плѣло, и что сія послѣдняя несравненно превосходитъ массы, ею одушевляемой и возвращаемой; наконецъ—кои различаютъ самую жизнь; т. е. жизни расширительной, живущей безъ чувства, какова напр: въ дѣревахъ, предпочитаютъ жизнь чувствующую, какова въ животныхъ, жизни чувствующей — жизнь разумную, усматриваемую въ людяхъ, и опять жизни разумной — измѣняемой предпочитаютъ разумно—неизмѣняемую, т. е. такую, которая не по временамъ только разумна, а есть сама въ себѣ Премудрость (*ipsa sapientia*). Ибо мудрый умъ, т. е. достигшій мудрости, прежде нежели достигъ оной, не былъ мудръ; но Премудрость сама въ себѣ, то-есть, высочайшая Премудрость и не была и не будетъ никогда немудрою. Если бы нашъ умъ не провидѣлъ такой мудрости, то не предпочиталъ бы съ такою увѣренностію жизнь вѣчно мудрую жизни измѣняющейся въ мудрости. Самый законъ истины, въ силу коего первая рѣшительно почитается лучшею, умъ нашъ, находя неизмѣняемый, гдѣ находитъ его такимъ? гдѣ-то въ и выше нашей природы:

ибо себя самихъ мы всѣ находимъ
измѣняемыми .

IX.) Нѣтъ ни одного такъ без-
смысленнаго человѣка , который бы
спалъ спрашивать: откуда ты зна-
ешь , что жизнь вѣчно мудрая дол-
жна быть предпочитаема не вѣчно
мудрой? Ибо то самое , о чемъ онъ
спрашивалъ бы меня, — откуда я знаю, —
есть всѣмъ общій и неизмѣнно для
всѣхъ данный предметъ вѣденія и
созерцанія . Кто этого не видитъ;
топъ подобенъ слѣпцу среди дня ,
которому блескъ лучей солнечныхъ
прямо падаетъ на то мѣсто, гдѣ у
него должны быть глаза, но безъ вся-
кой для него пользы: а кто видитъ,
и закрывается , чтобъ не видеть;
топъ , явно , злонамѣренно ослабля-
етъ остроту умиаго взора своего
вракомъ чувственнаго . Развращенные
нравы, точно какъ прошивные вѣтры,
прогоняютъ людей отъ собственнаго
ихъ опечеснѣва; — и потому они увлека-
ются предметами гораздо худшими
и низшими нѣхъ , кои — по ихъ же
свободному признанію — несравненно
лучше и возвышеннѣе .

X.) Такимъ образомъ, если суще-
ственный предметъ наслажденія для
нашей души должна быть та Истина,

которая вѣчно живешь, — Богъ въ Троицѣ, Творецъ и Зиждитель вселенныя, и Промыслитель всѣхъ вещей: то мы необходимо должны очистишь душу свою отъ мрака чувственности, дабы можно было намъ зрѣть сей небесный Свѣтъ, и погружашься въ немъ — въ этомъ Свѣтѣ совершенномъ. Мы должны почиташь се очищеніе какъ бы нѣкимъ путешествіемъ, нѣкимъ корабельнымъ плаваніемъ къ нашему опечесъву; ибо до Вездѣсущаго можемъ мы достигашь не переходомъ съ мѣста на мѣсто, но благочеспивымъ рвеніемъ и постепеннымъ усовершеніемъ нравственности нашей.

XI.) Таковое внутреннее очищеніе было бы для насъ во все невозможно, если бы сама Премудрость (Сынъ Божій) не благоволила снизоиди и, пакъ сказашь, умѣришь себя до нашей слабости; если бы Она не предспавила намъ въ Самой Себѣ образца жизни, содѣлавшись для сего сама человѣкомъ, пошому что и мы всѣ человѣки. Когда мы идемъ къ сей Премудрости, то мы мудро дѣлаемъ: когда напротивъ Она къ намъ пришла; то люди гордые возмнили, что Премудрость посшупила немудро (stulte.) Когда мы

къ ней идемъ, — дѣлаемся сильными; а когда Она пришла къ намъ: по почли ее немощною. Но бже Божіе премудрбе теловѣкъ есть; и немощное Божіе крѣпѣе теловѣкъ есть (а)! Поелику Она сама естъ истинное Ошечество: по и содѣлала Себя пущемъ для насъ къ Ошечеству. Наконецъ поелику Она вездѣ присуца только здравому и чистому оку сердца: по для шѣхъ, у коихъ внушреннее око сіе слабо и омрачено, Она благоволила явишь себя и чувствственнымъ очамъ. Понеже въ премудрости Божіей не разумѣ мїръ премудростію Бога, благоволи Богъ бѣствовѣи проповѣди спасти вѣрцующихъ (б).

ХІІ.) Не чрезъ пространство мѣстъ пришла къ намъ Премудрость, но чрезъ принятіе на себя смертной плоти нашей: пришла туда, гдѣ была; ибо Она въ мїръ бѣ, и мїръ Ею бысть (в). Но поелику люди пожелали наслаждаться, вмѣсто Творца, тварію: по преданные мїру, и опъ того справедливо названные мїромъ, не познали Ее. Посему-то Евангелистъ сказалъ: и мїръ его не позна. По сему-то въ премудрости

(а) 1 Кор. I, 25. (б) Тамже I, 21. (в) Иоан. I, 10.

Божіей не разумѣ миръ премудростію Бога. Но, за чѣмъ Она пришла, будучи прежде здѣсь, если не за тѣмъ, что благоугодно было Богу спасти вѣрующихъ буйствомъ проповѣди? Какимъ образомъ пришла, если не такъ, что Слово плоть бысть, и вселися въ ны?— Какъ при разговорахъ, мысль, существующая въ глубинѣ души нашей, облекается въ извѣстные звуки голоса, бываетъ словомъ, изреченіемъ самой себя, дабы въ этомъ состояніи переселиться въ душу слушателя, падая на внѣшній, тѣлесный слухъ его; между тѣмъ сія мысль, обращаясь въ звуки, не поглощается оными, напрошивъ сама въ себя пребываетъ цѣлою, не прикосновенною, и только принимаетъ форму слова, необходимую для дѣйствія на внѣшній слухъ, ни мало не измѣняя своей сущности: такъ и Богъ— Слово опниудъ не измѣнилось, а только содѣлалось плотию, да вселился въ ны.

XIII.) Какъ средство къ исцѣленію есть врачеваніе: такъ и воплощеніе Слова есть средство врачеванія, предложенное для исцѣленія и возстановленія грѣшниковъ. И обыкновенные врачи, перевязывая раны, не поспуцающъ безъ разбору, а при-

способляются къ ранамъ , дабы въ перевязяхъ была соединена польза съ нѣкоторою пріятностію: такъ и врачевство Премудрости, принявшей на себя человѣчество, приспособлялось къ нашимъ ранамъ , однѣ изъ нихъ врачуя противоположными , другія— подобными средствами. Какъ тѣлесный врачъ употребляетъ иногда противоположныя средства, напр: въ простудныхъ болѣзняхъ горячищельныя , въ мокротныхъ— изсушающія мокроту и т. п., а иногда подобныя, напр: къ круглымъ ранамъ прикладываетъ круглыя чашпички полонна, къ продолговатымъ— продолговатыя , и вообще не одну и ту же употребляетъ перевязку для различныхъ членовъ , а соображается съ свойствомъ и различіемъ каждаго члена порознь: такъ поступила и Премудрость Божія при врачеваніи человѣка , будучи сама и врачомъ и врачевствомъ . По велику человѣкъ палъ чрезъ гордость,— Она употребила врачевствомъ смиреніе. Мы обманушы лукавою мудростію змія; а спасаемся буйствомъ Божиимъ. Какъ хитрость змія прослыла мудростію у людей прошивляющихся Богу, хотя она есть совершенное безуміе: такъ напротивъ буйство Божіе почищается высочайшею премудростію у людей,

побѣждающихъ Діавола, хотя ошъ міра и называется буйствомъ. Мы во зло употребили безсмертіе, чшобъ умереть; Христошъ во благо употребилъ смершь, чшобъ мы ожили. Поврежденная душа жены произвела въ міръ болѣзнь; изъ неповрежденной плоши ~~женъ~~ произникло здравіе. Къ симъ же прошивоположнымъ средсшвамъ ошносится и то, чшо наши пороки врачующся примѣромъ добродѣтелей Христовыхъ. Съ другой стороны, кромѣ средсшвъ прошивоположныхъ, употреблены и подобныя средсшва, какъ бы нѣкоторыя перевязи, соошвѣтствующія поврежденію нашихъ членовъ, какъ напр: обольщенныхъ женою освободилъ Родившійся ошъ ~~женъ~~; смертныя исцѣлены смертію; люди спасены Человѣкомъ. Прилѣжныя изыскашели, не имѣющіе нужды, подобно мнѣ, спѣшишь совершеніемъ предпринимаго труда, легко могутъ найши во врачевницѣ Христіанской (*medicina Christiana*) много и другихъ служащихъ къ назиданію средсшвъ, какъ прошивоположныхъ, шакъ и подобныхъ.

XIV.) Но я немогу здѣсь неупомнущъ о воскресеніи Господа изъ мертвыхъ и вознесеніи Его на небо,— двухъ важнѣйшихъ событіяхъ, обшиспавшихъ

Вѣру нашу великою надеждою. Оба сіи событія ясно показывають, съ какою свободою положилъ душу свою за насъ Топъ, Кпо имѣлъ полную властѣ паки пріяти ю. Послѣ сего, какъ сѣдосѣно утѣшаеѣся надежда вѣрныхъ, въ живомъ упованіи помышляющихъ,—Кпо и что поперѣлъ за насъ, еще невѣровавшихъ! Съ другой стороны, мысль, что Судія живыхъ и мерпвыхъ паки пріидетъ на землю,—заставляетъ спрашпться безпечныхъ, и побуждаетъ ихъ къ бодрствованію, дабы они паче желали Его пришествія, шворя дѣла правыя, нежели спрашились онаго, шворя зло. Но какими словами выразишь, или какою мыслию объяшь можно эту награду, которую Онъ дастъ въ скончаніе вѣка, если шеперь, для облегченія нашего спранствованія, Онъ споль много даль намъ ошъ Духа Своего, дабы въ несчастіяхъ жизни не оскудѣла въ насъ вѣра и любовь къ Тому, Котораго еще невидимъ, и сообщилъ дарованія, каждому довлѣющія, для назиданія Церкви своей, дабы мы, члены сея Церкви, шворили повелѣнное не только безъ ропнанія, но съ охотою и наслажденіемъ?

XV.) Ибо Церковь, по ученію Апостольскому, (а), есть тѣло Господа, и называется невѣстою Его. Посему члены своего тѣла, опправляющіе различныя должности, Господь связуетъ союзомъ единства и любви, составляющей здравіе для нихъ. Впрочемъ Онъ укрѣпляетъ и очищаетъ Церковь свою на земли и нѣкоторыми горькими врачевствами, дабы освободивъ ее отъ узъ міра сего, соединишься съ нею на вѣки, какъ съ невѣстою, *неимущою скверны, или порока, или нѣкто отъ таковыхъ* (б).

XVI.) Далѣе, поелику мы находимся на пути къ вѣчной жизни, который измѣряется не пространствомъ мѣстъ, а расположеніями сердечными, и который загражденъ былъ прошедшими грѣхами нашими, какъ бы нѣкою тернистою оградой: по можно ли сдѣлать что-либо челоуѣколюбивѣе и милосердѣе того, что сдѣлалъ для насъ Господь, благоволившій содѣлаться нашимъ путемъ? Онъ простилъ обратившимся всѣ грѣхи ихъ, и Крестомъ своимъ разрушилъ преграды, останавливавшія насъ на пути обращенія нашего.

(а) Ефес. I, 25 - Рим. XII, 4. (б) Еф. V, 25.

XVII.) Для сего-то и далъ Онъ Церкви своей ключи царствія, да все, разрѣшаемое ею на земли, будетъ разрѣшено и на небеси (а), и все, связываемое ею здѣсь, будетъ связано и тамъ, т. е. чтобы всѣ невѣрующіе въ опущеніе своихъ грѣховъ не получали прощенія въ нихъ, — напрошивъ вѣрующіе и исправляющіеся, будучи приняты въ союзъ съ Церковію, по сей самой вѣрѣ, сопровождаемой исправленіемъ, исцѣлялись бы. Ибо кѣмъ невѣруетъ, что грѣхи его могутъ быть опущены, потѣ чрезъ отчаяніе дѣлается худшимъ: сомнѣваясь въ плодахъ своего обращенія, онъ думаетъ, что ему ничего неоспается лучшаго, какъ только быть злымъ.

XVIII.) Какъ оставленіе прежней грѣховной жизни и нравовъ, совершаемое покаяніемъ, есть нѣкошорая смерть для души; такъ разрѣшеніе отъ ветхой живопности (*pristinae animationis*) нашей есть смерть для тѣла: и какъ душа, послѣ покаянія умерщвляющая прежнія худыя склонности, дѣлается лучшею: такъ должно вѣришь и надѣяться, что и тѣло послѣ смерти, коей грѣхъ подвергнулъ всѣхъ насъ, содѣлается лучшимъ, — въ день

(а) Мате. XVI, 19.

Воскресенія, дабы не плоть и кровь наслаждавали царствіе Божіе (что невозможно), но плѣнное сіе плѣло облеклось бы въ неплѣніе, и смертное въ бессмертіе,— и такимъ образомъ, чуждое всякихъ спрасшей (ибо nebudeшь имѣть никакихъ недоспапковъ), спокойно было бы управляемо святою и блаженною душою.

XIX.) Напрошивъ чей духъ не умираешь для вѣка сего, и не начинаешь сообразоваться съ истиною; пошъ чрезъ смерть плѣла подвергнешся ппгчайшей смерти, и оживешь не для небснаго жптельства, а для мученія. Ибо вѣра внушаетъ намъ— да пакъ и должно быть,— что ни душа, ни плѣло человека не уничтожаются совершенно; но нечеспивые воскреснутъ для несказанныхъ мукъ, а праведные для вѣчнаго живопа.

XX.) Такимъ образомъ изъ всѣхъ вообще предметовъ только плѣми должно наслаждаться, кои выше назвалъ я вѣчными и не измѣняемыми; прочими же должно только пользоваться какъ средствами, способствующими къ доспженію наслажденія первыми. Но и мы,— люди, наслаждающіеся и пользующіеся предметами,— мы сами по себѣ соспавляемъ

поже предметъ. Мало сего: человекъ, созданный по образу и по подобію Божию, есть нѣчто весьма великое и важное, — не въ томъ отношеніи, что имѣетъ смертное тѣло, но въ томъ, что разумною душою своею онъ превосходитъ всѣ прочія животныя. Отсюда вытекаетъ важный вопросъ: наслаждаешься ли собою должны люди, или только пользоваться, или наслаждаешься и пользоваться вмѣстѣ? Намъ заповѣдано любить взаимно другъ друга; но спрашивается: должны ли мы любить человека для него самаго, или для чего-либо другаго? Если для него самаго, то мы наслаждаемся имъ, т. е. полагаемъ въ немъ свое блаженство; еслижъ для другаго чего, то пользуемся. — Мы кажемся, что не должно любить человека для него самаго: ибо что мы любимъ ради его самаго, въ томъ поставляемъ свое блаженство, коимъ утѣшаемся въ сей жизни, если не на самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ надеждою: но тогда прокляты, кто полагаетъ надежду свою на человека (а)!

XXI.) Если зрѣло разсудишь, то увидишь, что и самимъ собою никто не долженъ наслаждаться для себя самаго: поелику никто не долженъ любить себя ради себя самаго, но ради того, Коемъ наслаждаться должно. Тогда только человѣкъ истинно великъ и превосходенъ, когда онъ всею жизнію своею стремился къ неизмѣняемой жизни Божіей, и всѣмъ сердцемъ прилѣпляется къ ней: напрошивъ, если человѣкъ любить себя ради себя, то онъ стремится не къ Богу, но обращаясь къ себѣ самому, очевидно, обращается къ предмету измѣняемому, непостоянному. Посему онъ и наслаждается собою въ такомъ случаѣ съ чувствомъ нѣкотораго недостатка; ибо онъ совершеннѣйшимъ бываетъ только тогда, когда всецѣло прилѣпляется къ неизмѣняемому благу, а не тогда, когда отворачивается отъ него къ самому себѣ. Итакъ, если ты долженъ любить и самаго себя не ради себя, но ради Бога, который есть истинный предметъ любви швоей: то пусть не гнѣвается на тебя ближній швой, когда ты любишь и его ради Бога. Ибо вошь правило любви, свыше постановленное: возлюбиши ближняго твоего яко само

себе (а), Господа же— всѣмъ сердцемъ, всею душою, всею мыслию: *т. е. всѣ мысли, всю жизнь твою, все разумѣніе твое посвящай тому, который далъ тебѣ все сіе. Слова: всѣмъ сердцемъ, всею душою и всею мыслию* объемлютъ собою все существо наше, такъ что для наслажденія другою какою-либо вещію уже не оспаривается въ насъ никакого мѣста. Посему, кто любитъ ближняго своего надлежащимъ образомъ, тотъ долженъ стараться о томъ, чтобы и сей ближній любилъ Господа всѣмъ сердцемъ, всею душою, всею мыслию. Ибо истинно любящій ближняго какъ самаго себя, всю любовь, и свою и его, полагаетъ въ той любви къ Господу, которая не любитъ испочать изъ себя пошлостей, умаляющихъ ея воды.

XXII.) Такимъ образомъ не все то должно любить, чѣмъ должно пользоваться; но только то, что или вмѣстѣ съ нами спремится къ Богу, напр: человекъ, Ангелъ и проч., или чрезъ насъ имѣетъ нужду въ благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ напр: наше плѣло. Такъ Мученики не любили без-

законоя своихъ мучишелей, однакожь воспользовались имъ для приобрѣшенія Господа . Посему чешыре предмета должны быть предметами любви нашей: одинъ изъ нихъ—выше насъ; другой—мы сами; третій—подль насъ, или равный намъ; послѣдній—ниже насъ . О второмъ и послѣднемъ не нужно давать заповѣди : ибо челоуѣкъ, сколько бы ни удалялся отъ истины, всегда по естеству любить самаго себя и шѣло свое . Душа, удалившаяся отъ вѣчнаго свѣта, Владыки и Правителя всяческихъ, только къ тому и спремится, чѣтобъ управлять самой собою и шѣломъ своимъ, а посему не можетъ не любить себя и шѣла своего .

XXIII.) Такая душа почишаетъ великимъ приобрѣшеніемъ, если удасться ей господствовать еще надъ другими людьми . Ибо въ поврежденной душѣ есть сильное желаніе, какъ должное, присвоивать себѣ то, что собственно принадлежитъ единому Богу . Но такую любовь къ себѣ справедливѣе назвать можно ненавистію . Ибо не справедливо желаніе, чѣтобы служили намъ низшіе насъ , тогда какъ мы сами опказываемся служить Высшему насъ . Весьма справедливо сказа-

но: *Любѣй неправду ненавиждѣ свою душу* (а), Посему - по и бываетъ такая душа немощна, и мучится смертно-стію плѣла своего: она любитъ его, а посему не можешь не спягошиться поврежденнымъ его соспояніемъ, но не въ соспояніи помочь ему: ибо, безсмертіе и неповрежденность плѣла зависящъ отъ здравія души, а душа бываетъ здрава тогда, когда самымъ плѣснѣйшимъ образомъ соединена съ совершеннѣйшимъ, ш. е. неизмѣняемымъ Богомъ. Спрямись же къ господствованію надъ равными себѣ по еспеству, ш. е. надъ людьми, естѣ несстерпимая гордость.

XXIV.) Чшо никто себя не ненавидишь, объ этомъ ни съ какою секшою и спора небыло. Но никто, равнымъ образомъ, не ненавидишь и плѣла своего, какъ справедливо сказалъ Апостоль: *никтоже когда возненавидѣ плоть свою* (б). Если нѣкоторые говорятъ, что они рѣшительно желаюшъ оспасться безъ плѣла; по они рѣшительно обманываются; ибо имъ не плѣло ненавистно, но его болѣзни и тяжестъ. Собственно имъ не того хочется, чшобъ не имѣть никакаго плѣла, а чшобъ имѣшь плѣло

(а) X, Псал. 5. (б) Евес. V. 29.

самое легкое и ничѣмъ не поврежденное; каковое шѣло, по ихъ понятію, не было бы уже шѣломъ, а было бы нѣкопорымъ образомъ самою душою. Чшо же касается до шѣхъ, кои удручаютъ шѣло свое воздержаніемъ и трудами, — и они, если только надлежащимъ образомъ поступають въ семь случаѣ, не шого домогающа, чшобы не имѣшь у себя шѣла, но шого, чшобы подчинить его своему духу, и содѣлашь способнымъ къ надлежащему образу дѣйствованія. Ибо, упражняя шѣло свое изнуришельными трудами, они стараются уничтожить въ себѣ не шѣло, а похоти, вредныя для шѣла, ш. е. привычки и наклонности къ наслажденію предметами низшими. Таковые люди не губяшь себя въ опношеніи къ шѣлу, какъ можешь подумашъ кшолибо, напрошивъ заботяща о истинномъ благосостояніи его.

XXV.) Но кто поступаетъ въ семь дѣлѣ превратнымъ образомъ: шощъ, очевидно враждуешь на шѣло свое, какъ бы на нѣкопораго врага своего. Въ шакое заблужденіе вводяшь нѣкопорыхъ слова Ап. Павла: *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другѣ другу противятъ*

ся (а). Между тѣмъ, слова сія про-
спо указываютъ на необузданныя плот-
скія склонности, противъ которыхъ
воспашъ духъ, не для того, чтобы
уничтожить плѣло, но чтобы чрезъ
укротеніе похотей его, ш. е. грѣхов-
ныхъ склонностей, подчинить оное
себѣ, чего требуетъ и естественный
порядокъ вещей. Ибо, если по воскре-
сеніи, плѣло будешь наслаждаться
бессмертіемъ не иначе, какъ, будучи
совершенно подчинено духу : то
еще въ настоящей жизни должно
заботиться о томъ, чтобы чув-
ственные склонности были, сколько
можно, лучшими, и не противоборс-
тали духу. До извѣснаго времени,
почто плѣть похотѣшвуешь на духа,
духъ же на плѣть; но духъ противо-
борсшвуешь плѣти не по ненависти,
а по праву своего первенства : любя
свое плѣло, духъ естественно же-
лаешь подчинить оное себѣ, какъ
лучшей части природы человѣче-
ской. И плѣть противоборсшвуешь
духу такъ же не по ненависти, а по
несчастной привычкѣ, которая будучи
занята отъ родителей вмѣстѣ съ
бытіемъ, обращается попомъ чрезъ по-
влореніе въ натуру. Посему, укрощая

тѣло, духъ нашъ дѣйствуетъ только въ помѣ намѣреніи, чтобы разорвать, такъ сказать, незаконный договоръ со злыми навыками плоти, и заключить миръ съ добрыми. Впрочемъ я увѣренъ, что и тѣ, кои, по ложнымъ понятіямъ, совершенно гнушаются тѣломъ своимъ, безъ крайней необходимости не согласившись добровольно лишиться даже одного глаза, хотя бы сіе лишеніе могло совершиться безъ всякой боли, и хотябы въ другомъ глазѣ столько же осталось способности и удобства видѣть, сколько было въ обоихъ. Отсюда видна всѣмъ, безприспременно ищущимъ истины, достоверность словъ Ап. Павла: *Никтоже когда возненавидѣлъ плоть свою, но питаетъ ю и ерветъ, якоже и Христосъ Церковь.*

XXVI.) Итакъ должно предписывать человѣку только способъ любви къ самому себѣ, т. е. показывать, какъ онъ долженъ любить себя, чтобы сія любовь была ему полезна: а по несомнѣнно, что человѣкъ всегда любитъ себя, и не желаетъ себѣ вредить. Далѣе, должно показывать способъ, какъ надобно любить свое тѣло, дабы умѣвъ надлежащимъ образомъ заботиться о немъ: а по опять

несомнѣнно, что человѣкъ естественнѣе любитъ свое тѣло и заботится о сохраненіи его благосостоянія и цѣлости. Можно нѣкоторыя вещи любить болѣе, нежели сколько мы любимъ здоровье и цѣлость своего тѣла; ибо есть примѣры, что многіе добровольно подвергались и болѣзнямъ, и лишенію нѣкоторыхъ членовъ, для достиженія того, что они любили болѣе тѣла. Но отсюда не слѣдуетъ, что плотъ не любитъ здоровья и благосостоянія своего тѣла, кто любитъ нѣкоторыя вещи болѣе, нежели тѣло свое. Такъ скупой, хотя весьма любитъ деньги, и спарается о умноженіи ихъ, однакожь покупаетъ себѣ хлѣбъ, попому что деньгамъ предпочитаетъ здоровье своего тѣла, которое подерживается пищею.—Излишнимъ считатьъ входитъ здѣсь въ болѣе пространное разсужденіе объ этомъ, весьма извѣстномъ всякому предметѣ, хотя впрочемъ заблужденія безразсудныхъ людей очень часто дѣлають необходимымъ такое разсужденіе.—

XXVII.) Итакъ, поелику намъ не нужна заповѣдь о томъ, чтобы каждый любилъ себя и свое тѣло,—ш. е. поелику

себя самихъ и то, что ниже насъ, — но принадлежишь намъ — наше плѣло, — мы и безъ заповѣди любимъ, по непреложному закону самой природы, который простертъ даже на животныхъ (ибо и животные любящъ себя и свое плѣло): но намъ оспивалось принять заповѣдь только о томъ, что выше насъ, и о томъ, что подлѣ насъ. Посему Спаситель и сказалъ: *Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею, и: возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе. Въ сію обою заповѣдью весь Законъ и Пророцы висятъ* (а). Предметъ сей заповѣди есть любовь, и любовь только двоякая: къ Богу и ближнему. Но, если ты здѣсь будешь разумѣть и самого себя всецѣло, т. е. и плѣло и душу свою; если будешь такъ же разумѣть припомъ и ближняго всецѣло, т. е. душу и плѣло его (ибо человекъ состоитъ изъ души и плѣла): то найдешь, что въ этихъ двухъ заповѣдяхъ Господа не опущенъ ни одинъ родъ предметовъ, которые должны быть любимы. Поелику любовь къ Богу предшесвуешь здѣсь, какъ нечто главное, и явно предписанъ самый об-

(а) Маттѣ. XXII, 37.

разъ ея, такъ чпо любовь ко все-
му другому сливается съ нею: то,
кажешся, чпо о любви къ тебѣ самому
здѣсь ничего не сказано; но, — если
сказано: *возлюбиши ближняго твоего,*
яко самъ себе; то симъ самымъ сказа-
но и о швоей любви къ себѣ самому.

XXVIII.) Праведно и свяшо живетъ
тотъ, кпо всѣ предметы цѣнитъ
надлежащимъ образомъ, по ихъ до-
стоинству; кпо имѣетъ ко все-
му любовь правильную, основан-
ную на слѣдующемъ порядкѣ: не
любитъ того, чего не должно лю-
бить; любя то, что должно быть
любимо, не любитъ много того, чпо
надобно любить мало; не любитъ въ
равной мѣрѣ то, что должно быть
любимо болѣе, или менѣе, и на
оборотъ, не любитъ того болѣе
или менѣе, чпо по существу своему
должно быть любимо въ равной сте-
пени. Всякой грѣшникъ, поколику
грѣшникъ, не долженъ быть любимъ;
но всякой человѣкъ, поколику чело-
вѣкъ, долженъ быть любимъ ради
Бога, Богъ же — ради Его Самаго.
Если Богъ долженъ быть любимъ
болѣе всякаго человѣка: то каждый
долженъ любить Бога болѣе самаго
себя. Равнымъ образомъ и ближній

нашъ долженъ быть любимъ болѣе нашего шѣла; ибо хотя оба сіи предметы мы должны любить только для Бога, но ближній нашъ можетъ и самъ вмѣстѣ съ нами наслаждаться Богомъ, а шѣло не можетъ; поелику оно живетъ не само посебѣ, а душою, посредствомъ которой мы наслаждаемся Богомъ.

XXIX.) Всѣ люди, какъ люди, должны быть любимы въ равной степени. Но, поелику ты не можешь быть полезенъ всѣмъ; по промыслий преимущественно о шѣхъ, кои, какъ бы нѣкимъ жребіемъ, шѣсны соединены съ тобою либо временемъ, либо мѣстомъ, или другими какими-либо обстоятельствами. На примѣръ; положимъ, что ты имѣешь въ чемъ нибудь изобиліе, и хочешь подѣлишься онымъ съ неимущимъ, но не можешь дать двоимъ: въ такомъ случаѣ, при встрѣчѣ съ двумя человѣками, имѣющими равное право на швое подаяніе, ты ничего справедливѣе не можешь сдѣлать, какъ рѣшишь жребіемъ, кому изъ двухъ отдашь то, чего обоимъ дать нельзя. Такъ же точно и по отношенію къ людямъ вообще: всѣмъ помогаешь ты не можешь; — помогай шѣмъ изъ нихъ, кои находятся бли-

же къ тебѣ по времени и обстоятельству : въ семь случаевъ временная пѣснѣйшая связь швоя съ ними будетъ для тебя вмѣсто избирательнаго жребія .

XXX.) Изъ людей, кои вмѣстѣ съ нами могутъ наслаждаться Богомъ, мы обыкновенно любимъ частію пѣхъ, коимъ сами помогаемъ, частію пѣхъ, кои намъ помогаютъ, частію пѣхъ, коимъ и мы помогаемъ, и они намъ, частію же наконецъ— пѣхъ, коимъ мы нисколько не помогаемъ, и онѣ ихъ не надѣемся никакой помощи . Но, мы должны желать, чтобы всѣ люди, безъ изысканія, вмѣстѣ съ нами любили Бога, и чтобы къ этой одной цѣли все было направляемо,— помогаемъ ли мы кому, помогаемъ ли намъ кто . Ибо, смотри, какъ бываетъ на зрѣлищахъ мірскихъ ! Кто полюбилъ извѣстнаго актера, коего искусствомъ онъ услаждается, какъ великимъ, или даже высочайшимъ благомъ; тогда любятъ и пѣхъ, кои любятъ этого шуца, и любятъ не ради ихъ самихъ, но ради того, кого они любятъ . И чѣмъ сильнѣе любовь его къ актеру, тѣмъ усиленнѣе онъ старается, всеми возможными способами, собрать какъ можно большее число почтшаще-

лей вокругъ своего любимца . Онъ указываетъ на него всѣмъ; ежели находишь кого холоднымъ къ нему,—спраеаешься воспламенить его похвалами комедіаншу; если находишь пропивника ему, пишаешь къ сему пропивнику величайшую ненависть за ненависть къ любимцу своему, и всячески силишься уничтожить ее . Какихъ же не обязаны мы употреблять усилій къ тому, дабы всѣ участвовали въ любви Господа , наслажденіе Коимъ составляешь блаженство жизни нашей; отъ Котораго любящіе Его получаютъ все—и то, что они суть, и то, что они любящъ Его;—за Котораго нечего намъ бояться, чтобы Онъ могъ кому-нибудь неправиться;—Который желаетъ быть любимымъ не для того, чтобы Себѣ приобрести что-либо отъ насъ, но чтобы предложить Себя Самаго въ вѣчную награду любящимъ Его?—Отсюда слѣдуетъ, что мы должны любить и враговъ своихъ,—не по страху, ибо они немогутъ опиять у насъ того, что мы любимъ,—а изъ состраданія къ нимъ; потому что они, чѣмъ болѣе ненавидящъ насъ, тѣмъ болѣе удаляются отъ Того, кого мы любимъ . Если бы они обратились къ Нему, то, по необходимо-

спи, возлюбили бы и Его, какъ высочайшее благо, и насъ, какъ участниковъ въ семь благъ.

XXXI.) Здѣсь рождается немало-важный вопросъ объ Ангелахъ. Явно, что они блаженны, поколику уже наслаждаются шѣмъ же Богомъ, которымъ мы шолько еще желаемъ наслаждаться, предвкушая сіе наслажденіе въ этой жизни, якоже зеркаломъ, въ гаданіи, впрочемъ шакъ, что чемъ больше предвкушенія, шѣмъ легче спановится для насъ настоящее спранспвованіе наше, и сильнѣе желаніе окончить оное. И шакъ спрашивается: заключается ли въ двухъ вышеозначенныхъ заповѣдяхъ о любви къ Богу и ближнему и любовь къ Ангеламъ?—

Что изъ сихъ заповѣдей ни одинъ человекъ не исключенъ Господомъ, повелѣвшимъ любить ближняго, это показалъ и самъ Господь въ Евангельской припчѣ, и Апостоль Павелъ. Когда законникъ, коему изречены были заповѣди о любви къ Богу и ближнимъ, какъ сущность всего Закона и Пророковъ,—спросилъ Господа: *кто есть ближній мой* (а)? то Го-

(а) Лук. X, 29.

сподѣ предложилъ ему припчу о нѣ-
комъ чловѣкѣ, шедшемъ изъ Іеруса-
лима въ Іерихонъ, на пути впадшемъ въ
руки разбойниковъ, израненномъ, из-
битомъ и брошенномъ замертво. Сею
припчею Спаситель научилъ насъ,
что ближній этого несчастнаго есть
попъ, кто оказалъ ему милосердіе,
поднявши его, и приложивъ спара-
ніе объ его излеченіи, — въ чемъ со-
знался и самъ законникъ, когда въ
свою очередь вопрошенъ былъ Госпо-
домъ. Въ заключеніе припчи Спа-
ситель сказалъ Законнику: *Иди и
ты твори также*. Сими словами
Онъ даетъ намъ разумѣть, что ближ-
ній нашъ есть такой чловѣкъ, ко-
торому поспѣшь надобно оказывать
долгъ милосердія, когда онъ дѣй-
ствительно имѣетъ нужду въ немъ,
а если не имѣетъ нужды, то по крайней
мѣрѣ быть готовымъ къ оказанію
ему помощи. Отсюда же слѣдуетъ,
что и попъ чловѣкъ равнымъ об-
разомъ есть ближній нашъ, который
обязывается оказывать намъ долгъ
милосердія: ибо самое выраженіе—
ближній показываетъ взаимность, и
ближнимъ нельзя быть безъ близости
по какому бы то ни было отношенію.
Еслиже такъ, то ближній намъ
есть всякой чловѣкъ; ибо кто спа-

нешъ сомнѣваешься въ шомъ , что долгъ любви и милосердія простирается на всѣхъ людей безъ исключенія , когда самъ Господь простеръ долгъ сей даже на самыхъ враговъ нашихъ , заповѣдуя намъ: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ* (а)?

XXXII.) Такое же ученіе о любви преподаетъ и Апостоль Павелъ , говоря: *Еже бо не прелюбы сотвориши, не убіеши, не украдеши, не лжесвидѣтельствыши, не похощеши, и аще кая ина заповѣдь, въ семъ словеси совершается: во еже возлюбиши искреннаго твоего, яко же самъ себе. Любы искреннему зла не творитъ* (б). Если кто думаетъ , что въ сихъ словахъ Апостоль предписалъ заповѣдь не окаждомъ чловѣкѣ: шомъ по необходимости долженъ дойти до того, весьма нехорошаго и ошвращительнаго заключенія, что Апостоль не почиталъ за грѣхъ, ни прелюбодѣянія съ женою , либо не Христіанина , либо врага своего, ни умерщвленія сего послѣдняго , ни преступнаго желанія завладѣть его вещію . Поелику же , повшоряю , заключаешь такимъ образомъ свойственно только глупцу : шомъ , очевидно, по заповѣди Апостоль-

(а) Матт. V, 44. (б) Рим. XIII, 9.

ской, каждого челоѣка должно почитать ближнимъ своимъ; ибо никому не должно дѣлать зла: *Любы искреннему зла не творитѣ*.

XXXIII.) Инакъ, если ближній нашъ есть не только шопъ, кому мы должны помогать, но и шопъ, кпо намъ обязанъ оказывать долгъ милосердія: шо явно, чшо заповѣдь о любви къ ближнему проспирается и къ Св. Ангеламъ; поелику они, какъ видно изъ многихъ мѣстъ Писанія, весьма многія оказываютъ намъ дѣла милосердія.

Въ семъ отношеніи и самъ Богъ Господь нашъ благоволилъ называть Себя нашимъ ближнимъ. Ибо І. Христосъ Себя разумѣлъ подъ именемъ Самарянина, который оказалъ помощь челоѣку едва живому, лежавшему на пуши, израненному разбойниками. И Пророкъ говоритъ: *яко ближнему, яко брату нашему, тако цгаждахѣ* (а). Но поелику Божественная природа несравненно превосходнѣе и выше нашей; шо заповѣдь о любви къ Богу отлична отъ заповѣди о любви къ ближнему. Ибо Богъ оказываетъ намъ милосердіе по своей собственной благо-

(а) Псал. XXXIV, 14.

спии; а мы помогаемъ другъ другу ради Его, а не ради своей благоспии: м. е. Онъ милосердуешь о насъ для того, чѣмъ мы Имъ наслаждались; а мы милосердуемъ другъ о другъ для того, чѣмъ опять Имъ же, а не собою наслаждаешься.

XXXIV.) Замѣчу здѣсь: когда мы говоримъ, что наслаждаемся такимъ только предметомъ, который любимъ ради его самаго, что тѣмъ только предметомъ должно наслаждаться, который дѣлаешь насъ блаженными, а прочими должно пользоваться; то отсюда выходить нѣкоторая двусмысленность. Ибо и самъ Богъ любитъ насъ, какъ весьма часто говоришь о семъ Св. Писаніе. Но для чего любитъ? Для того ли, чѣмъ наслаждаешься нами, или для того, чѣмъ пользоваться? Если для того, чѣмъ наслаждаешься; то Онъ имѣетъ нужду въ нашемъ благо, чего ни одинъ здравомыслящій не скажетъ; ибо все наше благо или въ Немъ, или отъ Него И кто можетъ думать, чѣмъ свѣтъ имѣть нужду въ блескѣ веней, имъ освѣщаемыхъ? Пророкъ весьма ясно говоришь: *рѣхѣ Господеви: Богѣ мой еси Ты, яко блженхѣ моихѣ не тре-*

бцещи (а). Ипакъ Богъ не наслаждается нами, а пользуется, т. е. употребляетъ насъ какъ средство: ибо, если онъ и не наслаждается и не пользуется нами; то я не могу понять, какимъ же образомъ Онъ любитъ насъ.

XXXV.) Впрочемъ, Онъ и пользуется не такъ, какъ мы: ибо мы, пользуясь предметами, имѣемъ цѣлю наслаждение благоспiю Божіею; а Богъ пользуется нами по собственной благоспiи. Поелику Богъ благо (*bonus*): то мы существуемъ; и поелику существуемъ, пошоліку и мы хороши (*boni*). Далѣе, поелику Онъ Правосуденъ, то мы не безопасны, если худы; и въ какой степени мы худы, въ такой существуемъ, можно сказать, меньше надлежащаго. Одинъ только Богъ въ высочайшей степени существуетъ, ибо опъ вѣка въ вѣкъ неизмѣняемъ; Онъ только могъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ сказать о Себѣ: *Азъ есмь Сый, тако речеши сыноиъ Израилевыиъ: Сый посла Мя къ вамъ!* (б). Всѣ прочія существа опъ Него только могли получить бытіе свое, и пошоліку хороши, поелику опъ Него получили бытіе. — Такимъ образомъ употребленіе, какое

(а) Псал. XV, 1. (б) Исход. III, 14.

мы приписываемъ Богу въ разсужденіи насъ, бываетъ у Него не для своей, а для нашей пользы,—для своей только благоспи. Мы же, хотя благодѣтельствуемъ для пользы того собственнo, кому благодѣтельствуемъ, и смотримъ на одну его выгоду; но, не знаю какъ это случается, только слѣдствуемъ нашего благодѣнія другимъ всегда бываетъ и собственная наша польза; ибо Богъ никогда не оставляетъ безъ награды ту помощь, которую мы оказываемъ нуждающимся. Высочайшая же польза и награда для насъ всегда есть одна—наслаждаешься самимъ Богомъ, и въ Немъ наслаждаешься взаимно другъ другомъ.

XXXVI.) Если мы внѣ Бога наслаждаемся чѣмъ-либо; то оспаемся неподвижны напуши къ небу, возлагая въ такомъ случаѣ, или на человѣка, или Ангела надежду своего блаженства. И гордый человѣкъ, равно какъ и гордый Ангелъ, съ охотою восхищаются у Бога сію чesть; ибо любящъ, чтобы на нихъ надѣялись. Напрошивъ свящій человѣкъ и св. Ангелъ, хотя любящъ доставляющъ помощь и покой упрѣжденному человѣку, но не оспанавливаютъ его на самихъ себѣ, а, доставивъ ему опраду и опдохновеніе

тѣми способами, кои они, для насъ ли, или для самихъ себя получили, (только получили) побуждають попомъ бѣднато, но ободреннаго челоуѣка обращаться и продолжашь шествіе къ Тому, наслаждение Коимъ соспавляемъ общее блаженство всѣхъ. По сей по причинѣ и Апостоль восклицаетъ : *Еда Павелъ распятъ по васъ, или во имя Павлово креститесь?*— *Ни насаждай есть что, ни напай, но возвращай Богъ* (а). По сей же причинѣ и Ангелъ повелѣлъ нѣкогда челоуѣку, поклонившемуся ему, поклонись паче Тому, подъ владычествомъ Кого онъ самъ находился (б).

XXXVII.) Но если будешь наслаждаться челоуѣкомъ въ Богъ : то будешь наслаждаться болѣе Богомъ, нежели челоуѣкомъ. Ибо будешь наслаждаться Тѣмъ, Который составляетъ твое блаженство,—будешь утѣшаться, что пришелъ къ Тому, въ Которомъ заключается твоя надежда, заспавлявшая тебя ишши къ Нему. Посему то и Апостоль говоритъ къ Филимону: *ей, брате, да наслаждаюсь тобою о Господѣ* (в)! Если бы онъ не прибавилъ: *о Господѣ*, а сказалъ бы только : *да*

(а) 1 Кор. I, 13. и III, 7. (б) Апок. XIX, 10.

(в) Филип. I, 20.

наслаждаюсь тобою; это значило бы, что онъ полагалъ въ Филимонѣ надежду своего блаженства .

Впрочемъ выраженіе *наслаждаться* можешь означать почти тоже, что и выраженіе *пользоваться съ удовольствіемъ* (*uti cum delectatione*) . Ибо , если предметъ, который мы любимъ, присущъ намъ: то онъ , по необходимости, приносить съ собою и *удовольствіе* . Если ты не смотришь на удовольствіе, какъ на цѣль, и относишь его къ предмету, на которомъ должно постоянно останавливаться; то ты *пользуешься* въ такомъ случаѣ *удовольствіемъ*, употребляя оное какъ средство къ чему-либо , а не наслаждаешься собственно . Если же напротивъ привязываешься и останавливаешься на самомъ удовольствіи , такъ что въ немъ именно полагаешь цѣль своихъ опрадь; то ты, въ собственномъ смыслѣ и дѣйствительно, *наслаждаешься* . Такое понятіе о наслажденіи ни гдѣ не должно осуществляться, кромѣ Св. Троицы, потому что Она одна есть Добро высочайшее и неизмѣняемое .

XXXVIII.) Смотри, какъ Св. Павелъ разсуждаетъ о семъ. Хотя Сама Истина, Слово, Ибо же вся быша , плоть

бысть, да вселится въ ны (а): однакожь Апостоль говоришь: *Аще и разцѣлхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому неразцѣлимъ* (б). Эшо значить: Христосъ восхотѣлъ принявъ плоть для того, чшобы не только доспигающимъ Его дать Себя Самаго въ обладаніе— но и грядущимъ къ Нему предложитъ Себя началомъ плушей, по оному слову Писанія: *Господь создалъ начало путей своихъ*,— (в) дабы оны сего начала начинали всѣ, желающіе иппи. Посему Апостоль, хотя находился еще на пупи, *непотитая себя достигшимъ*, и только что спремился къ Богу, зовущему къ награды вышняго званія: однакожь забывая заднее, и простираясь впередъ, онъ перешелъ уже *нагало путей* (г), т. е. уже не имѣлъ нужды задерживать себя тамъ, откуда впрочемъ должны начинать путь свой всѣ, желающіе достигнуть истины, и пребывать въ *вѣдомѣ животѣ*. Ибо Спаситель самъ говоришь о Себѣ: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (д),— т. е. только Мною можно иппи ко Мнѣ, ко Мнѣ приходишь, во Мнѣ пребывать. А приходя къ Нему, мы приходимъ и къ Отцу

(а) Иоан. I, 14. (б) 2 Кор. V, 16. (в) Приш. VIII, 22.
(г) Филипп. III, 13. (д) Иоан. XIV, 6.

(поелику чрезъ равнаго постигаемся и шопъ, кому онъ равенъ), и дѣйствіемъ Св. Духа связуемся и какъ бы спаиваемся (*vinciente et tanquam adglutinante*) съ Богомъ, дабы имѣть возможность намъ пребывать въ Немъ, какъ высочайшемъ и неизмѣняемомъ Благѣ. Отсюда очевидно, какъ никакой предметъ въ мірѣ не долженъ задерживать насъ на пути, когда и Самъ Господь, благоволившій содѣлаться путемъ нашимъ, даже Собою въ этомъ отношеніи не восхопѣлъ задерживать насъ на всегда, но желаетъ, чтобы мы переходили чрезъ него далѣе! Тѣмъ паче на событіяхъ и дѣйствіяхъ временныхъ, хотя для нашего же спасенія Имъ предпринятыхъ и совершенныхъ, не должно намъ, какъ совершенно немощнымъ, слишкомъ долго останавливаться. Напротивъ мы должны спѣшно шечи чрезъ оныя, дабы, идя—идя, наконецъ приши къ Тому, который освободилъ нашу природу отъ всего временнаго и спосадилъ ее одесную Отца.

XXXIX.) Заключаю: сущность доселѣ продолжаемаго мною изсѣдованія о предметахъ состоящихъ въ раскрытіи шой важной истины, что полнота и цѣль Закона и всего Св. Писанія есть

любовь, и именно: 1.) любовь къ тому единственному Предмету, копорымъ должно наслаждаться, 2.) любовь къ шѣмъ сущесшвамъ, копорыя вмѣстѣ съ нами могутъ онымъ предметомъ наслаждаться (ибо о любви къ самому себѣ заповѣдь не нужна). Къ сей цѣли, по есшъ, чшобы мы знали сше и могли сообразно тому дѣйсшвовашъ, Божесшвенный Промысль направилъ все временное свое о нашемъ спасеніи домостроительсшво, коимъ самимъ должны мы пользоваться не какъ постояннымъ (maioria) нѣкимъ предметомъ любви и наслажденія, но болѣе какъ преходящимъ распоряженіемъ (transitoria): должны, говорю, пользоваться подобно тому, какъ пользуемся пріятшостями обыкновеннаго пущи, — колесницами или другими какими-либо орудіями. — Однимъ словомъ, все што, что возводитъ насъ къ Богу, мы должны любить не само посебъ, а ради Того, къ Коему оно возводитъ.

XL.) Отсюда, — кшо при исполкованіи слова Божія думаетъ, что онъ уразумѣлъ Св. Писаніе, или нѣкоторую часшъ онаго, а между шѣмъ его разумѣніе никого не назидаетъ въ вышеизложенной двойкой любви къ Богу

и ближнему: шопъ еще не уразумѣлъ Писанія. Напрошивъ, кто извлечетъ изъ онаго мысли, полезныя для назиданія въ любви; шопъ, хотя бы иногда и не по именно говорилъ, что изъясняемый имъ Писатель хочешь сказать въ извѣстномъ мѣстѣ, однакожь ошибка его безвредна: онъ, конечно, обманывается, но не лжетъ. Ибо лжетъ шопъ, кто охотно и съ намѣреніемъ говоритъ ложь; почему и находимъ мы многихъ охотниковъ лгать, но обманываться—никого. Если первое дѣлають зная, а послѣднему подвергаются не зная: шопъ очевидно, что въ одномъ и томъ же случаѣ обманывающійся лучше обманывающаго. Лучше потерпѣть несправедливость, нежели сдѣлать оную; а всякій лжець именно дѣлаетъ несправедливость: и если кому кажется полезнымъ иногда солгать, шопу можетъ показаться полезнымъ сдѣлать иногда и несправедливость. Никогда лжець, когда лжетъ, не сохраняетъ вѣрности; ибо онъ желаетъ, чтобы вѣрили ему, а между тѣмъ, говоря неправду, самъ нарушаетъ вѣрность; всякій же нарушитель вѣрности есть несправедливый челоѣкъ. Слѣд., или несправедливость иногда полезна, чего бытъ не

можешь; или— ложь всегда бесполезна.

XLI.) Такимъ образомъ кно при истолкованіи Писанія выводимъ другой смыслъ, нежели какой имѣлъ изъясняемый имъ Писатель: шопъ, конечно, обманывается.—хотя виною сего обмана не Писаніе, которое никогда не обманывается. Но, если шопъ смыслъ, невѣрно извлеченный при изъясненіи, назидаетъ въ любви, которая есть конецъ закона: то изъяснитель обманывается точно такъ, какъ обманывается пунникъ, который по ошибкѣ, оставивъ прямую дорогу, идетъ полемъ, впрочемъ шуда же, куда ведетъ и самая дорога.

Само собою разумѣется, что ошибочнаго толковника надобно поправлять, ясно показывая ему, что несравненно выгоднѣе во все не сбиваться съ надлежащаго пуши, дабы привычка уклоняться съ дороги не завела его или въ слишкомъ дальнюю, или даже въ совершенно противоположную сторону. Ибо безразсудно утверждая такой смыслъ, какого нѣтъ у Св. Писателя, толковникъ, нерѣдко въ такомъ случаѣ воспрѣчаетъ у Писателя другія мысли, коихъ никакъ не можешь связать съ найденнымъ ошъ него смысломъ. Если ошъ чувствуешь,

что сіи послѣднія мысли въ полной мѣрѣ истинны и почвны: по чувствуюешь въ тоже время и то, что никакъ не можешь быть истиннымъ пошъ смыслъ, который онъ прежде нашель у Писателя. Отсюда, незнаю—Право, какимъ образомъ происходишь, только производишь то, что исполковашель, приспрасшившись къ собственному ошибочному смыслу, вдругъ начинаешь быть недовольнѣе и сердитѣе на слово Божіе, нежели на самаго себя. Это зло погубить его, если онъ допустить въ себѣ усилившися ему. Никогда не надобно забывать, что мы ходимъ здѣсь вѣрою, а не видѣніемъ; но ослабѣешь вѣрашамъ, гдѣ потеряешь уваженіе къ Св. Писанію: если же ослабѣешь вѣра,—ослабѣешь и самая любовь. Ибо кто теряетъ вѣру, пошъ по необходимости теряетъ и любовь: нельзя любить того, чему не вѣришь. Напротивъ, кто вѣритъ и любитъ, пошъ, шворя дѣла правды, и повинуюсь законамъ ея, пославляетъ себя въ состояніе несомнѣнной надежды, достигнушь нѣкогда того, что любишь. Посему вѣра, надежда и любовь составляютъ основаніе какъ всякаго истиннаго знанія вообще, такъ въ особенностяхи Науки изъясненія Св. Писанія.

XLII.) Но мѣсто вѣры заступитъ видѣніе, мѣсто надежды—самое блаженство; любовь же, и по упраздненіи ихъ, еще болѣе усилился. Ибо, если мы по вѣрѣ любимъ то, чего еще невидимъ: то не болѣе ли будемъ любить оное, когда спанемъ дѣйстви-тельно видѣть? И, если по надеждѣ любимъ то, чего еще не достигли: то не паче ли будемъ любить тогда, какъ достигнемъ? Между временными и вѣчными благами кромѣ другаго, та разность, что первыя мы любимъ болѣе тогда, когда еще не обладаемъ ими, по достиженіи же оныхъ, любовь наша къ нимъ охлаждаетъ; потому что онѣ не насыщаютъ души, предназначенной для вѣчности. Напротивъ, блага вѣчныя возбуждаютъ пламеннѣйшую любовь къ себѣ тогда, когда достигаемъ ихъ, нежели тогда, когда только желаемъ: ибо никто изъ желающихъ достигнуть вѣчныхъ благъ не можетъ представить ихъ себѣ такими, каковы онѣ сами въ себѣ, и сколько бы кто ни старался постигнуть ихъ мыслию, но получивши оныя, всегда найдешь въ нихъ болѣе, нежели сколько воображалъ.

XLIII.) Посему кто имѣетъ вѣру, надежду и любовь, и постоянно пребываетъ въ нихъ: *потѣ имѣетъ нужду въ самомъ Писаніи не столько для себя, сколько для того, чтобы назидать другихъ.* Такъ многіе живутъ въ пустынь, во все не имѣя у себя Библии, а вмѣсто оной руководствуются вѣрою, надеждою и любовью. Надъ нами, кажешся, уже исполнилось то, что сказала Апостоль: *Аще пророчества упразднятся, аще ли языцы умолкнутъ, аще разумъ испразднится (а).* Вѣра и любовь такъ умудрила сихъ людей, что держась совершеннаго, они уже не ищутъ того, что отстаетъ:— совершеннаго, говорю, пополику, поколику возможно эго въ настоящей жизни; ибо, въ отношеніи къ жизни будущей, никакой Праведникъ на землѣ не можетъ назваться совершеннымъ. Посему-то сказано: *нынѣ пребываютъ вѣра, надежда, любви, три сія; большіе же сихъ любви (б):* ибо, достигнувъ вѣчности, когда упразднятся вѣра и надежда, любовь наша содѣлаеши и полнѣе и совершеннѣе.

XLIV.) По сей причинѣ, кто совершенно постигнетъ, что цѣль Закона есть *любви отъ чиста сердца и*

(а) 1 Кор XIII, 8. (б) Тамже XIII, 13.

совѣсти благія, и вѣры нелицемерныя (а); и кто все разумѣніе Св. Писанія будетъ основывать на сихъ шрехъ добродѣтеляхъ: тогда смѣло приступай къ изъясненію Слова Божія. Ибо, когда Апостоль сказалъ: *любви отбиста сердца*; то симъ самымъ показалъ, что должно любить одно достойное любви. Къ чистому сердцу онъ присовокупляетъ *благую совѣсть*—для надежды: поелику тогда не можетъ надѣясь достигнуть предмета своей вѣры и любви, кто имѣетъ жудую, мяшущуюся совѣсть. Наконецъ онъ говоритъ: *и вѣры нелицемерныя*; ибо, если мы искренно вѣруемъ, то, съ одной стороны, не любимъ ничего такого, что не должно любить, — съ другой, проводя жизнь правильную, надѣемся твердо, такъ что надежда наша никоимъ образомъ не можетъ обманывать насъ.

Я сказалъ здѣсь о предметахъ относително вѣры сколько, сколько почишалъ нужнымъ сказать, по обстоятельству: подробнѣйшія же изслѣдованія объ этомъ можно найти въ иныхъ сочиненіяхъ, какъ мною,

(а) 1 Тим. I, 5.

пакъ и другими писателями написанныхъ. Теперь окончу первую книгу мою *о предметахъ*, и съ помощію Божіею начну изслѣдованіе *о знакахъ*.

КНИГА ВТОРАЯ.

О ЗНАКАХЪ И ЯЗЫКЪ ВООБЩЕ , О
КАЧЕСТВАХЪ, НЕОБХОДИМЫХЪ ДЛЯ
ИЗЪЯСНИТЕЛЯ СВ. ПИСАНІЯ , И О
ПРЕПЯТСТВІЯХЪ И ПОСОБІЯХЪ КЪ
ИЗЪЯСНЕНІЮ ОНАГО .

І.) Говоря о предметахъ, я предварительно замѣтилъ, что въ нихъ надобно искать только того, что они суть сами въ себѣ, а не того, что они еще могутъ означать. Приступая теперь къ изслѣдованію о знакахъ, я замѣчу на оборотъ, именно: здѣсь надобно смотрѣть не на то, что такое знаки сами въ себѣ, а только на то, что они суть знаки, и, е. что ими означается. Ибо знакъ вообще есть предметъ, который, сверхъ собственнаго вида (*species*) или формы, дѣйствующей на наши чувства, возбуждаетъ въ умѣ нашемъ представленіе другихъ извѣстныхъ предметовъ, — шакъ напр:

увидѣвши слѣдъ, мы предсавляемъ себѣ живошное, которое проложило этотъ слѣдъ; увидѣвши дымъ, воображаемъ огонь, произведшій его; услышавъ вопль живошнаго, заключаемъ о внутреннемъ состояніи его; услышавъ звукъ шрубы, воины уже знаютъ, что имъ дѣлать,—ишши ли впередъ, или онѣстунать, или что-либо другое производить, по правиламъ военной науки.

II.) Знаки вообще суть двоякаго рода: одни ешественные, другіе искусственные, (data). Ешественные знаки суть шѣ, которые, кромѣ предсавленія о себѣ, возбуждаютъ въ насъ понятіе о другой вещи, сами по себѣ, а не почьему-либо произволу, соединившему съ ними значеніе сей вещи: шакъ, напр., знакъ—дымъ, предполагающій огонь. Ибо не ошъ произвола челоѣческаго зависить то, что первымъ всегда предполагается послѣдній; но по опыту и наблюденіямъ люди узнали, что гдѣ есть дымъ, тамъ есть и огонь, хотя бы видѣнъ былъ одинъ шолько дымъ. Къ сему же роду знаковъ относится и слѣдъ проходившаго живошнаго, шакъ же—видъ челоѣка, разгнѣваннаго или опечаленнаго, безъ всякаго со

споронѣ его желанія обнаруживающій
внутреннее, скорбное состояніе его, и
другія движенія души, выражающіеся
на лицѣ нашемъ тогда, когда мы и
не думаемъ выражать ихъ. — Впро-
чемъ о знакахъ *естественныхъ* я не
замѣренъ теперь подробно рассу-
ждать, и коснулся ихъ здѣсь только
полному, что они вошли въ главное
раздѣленіе пракшапа моего, — почитая
достаточнымъ сдѣланное теперь объ
нихъ замѣчаніе.

III.) Знаки искусственные, или
условные сущѣ шѣ, которыми суще-
ства живыя, по взаимному согласію,
выражаютъ свои душевныя движенія,
чувствованія и мысли. Цѣль упо-
требленія ихъ состоитъ въ томъ,
чтобы посредствомъ ихъ передать
и напечатлѣть въ душѣ другаго то,
что находится въ умѣ челоуѣка,
дающаго знакъ. Сей-то родъ зна-
ковъ, поколику они употребляются
у людей, составляютъ предметъ
настоящаго моего разсужденія; ибо
и знаки, выше данныя, заклю-
чающіеся въ Писаніи, сообщены намъ
посредствомъ людей же, написав-
шихъ оныя. Есть и у животныхъ
нѣкоторыя знаки для взаимнаго вы-
раженія своихъ ощущеній. Такъ пѣ-

шухъ, когда найдешь пищу, голо-
сомъ даетъ знакъ курицѣ, ипти
къ нему; голубъ спенаніемъ прикли-
каетъ къ себѣ голубку, а голубка—
голубя.— Много есть и другихъ подоб-
ныхъ знаковъ у животныхъ; но какого
рода сіи знаки, шакъ ли они слѣдуютъ
у нихъ за душевнымъ ощущеніемъ,
какъ измѣненія въ лицѣ и въ голосѣ
огорченнаго человѣка, — безъ всякаго
со стороны его произвола и намѣре-
нія, или условно даются для выра-
женія извѣстныхъ предметовъ, — это
другой вопросъ, который къ моему
предмету не относится, и поному
осматривается здѣсь безъ разрѣшенія.

IV.) Знаки, употребляемые людьми
для взаимнаго выраженія своихъ чув-
ствованій, принадлежатъ — нѣкоторые
къ чувству зрѣнія, большая часть
къ чувству слуха, очень не многіе —
къ прочимъ чувствамъ. Такъ напр.,
когда мы рукою указываемъ на что-
либо, то даемъ знакъ однимъ только
глазамъ того, кого хотимъ сдѣлать
участникомъ нашей воли и мыслей.
Есть люди, кои многое означаютъ од-
нимъ движеніемъ рукъ; комедіанты дѣ-
лаютъ извѣстные знаки предъ знако-
ками движеніемъ всѣхъ членовъ, и
говорятъ какъ бы съ глазами ихъ; воен-

ныя знамена также глазамъ воиновъ сказываютъ волю вождей: всѣ сіи знаки суть какъ бы нѣкопорыя видимыя слова. Знаки, относящіеся къ слуху, составляютъ, какъ я сказалъ, многочисленнѣйшій классъ, и главнымъ образомъ состоятъ въ словахъ. Конечно, и военная труба, и флейша, и гитара издають не только пріятные, но и знаменательные звуки; но всѣ сіи знаки въ сравненіи съ словами составляютъ очень небольшое количество: слова, напрошивъ, служатъ у людей первымъ и главнѣйшимъ средствомъ для означенія всего, что чувствуетъ душа, и что желаетъ обнаружить другимъ. Правда и то, что самъ І. Христосъ далъ извѣстное знаменованіе драгоцѣнному миру, коимъ помазаны были ноги Его (а), далъ знаменованіе, какое Самъ благоволилъ, таинству вкушаемаго тѣла и крови Своей (б), не безъ знаменованія оспались и края одежды его, къ коимъ жена кровопочивая, прикоснувшись, исцѣлилась отъ болѣзни (в): но, несмотря на все сіе, безчисленное множество знаковъ преимущественно заключается въ словахъ, коими люди выражаютъ свои мысли. Ибо всѣ роды знаковъ, о

(а) Іоан. XII, 3, 7. (б) Матт. XXVI, 28. (в) Также IX, 21.

коихъ мною крашко теперь упомянуто, могъ я, если бы захотѣлъ, выразить словами, но словъ оными знаками выразить не могъ бы никакимъ образомъ .

V.) Но поелику слова, по сопряженіи воздуха, пошчасъ исчезають, и сполько же не продолжительны, какъ самый звукъ ихъ: по для овещесствленія ихъ успановлены буквы. Такимъ образомъ слова представляются глазамъ уже не сами собою, а чрезъ извѣстные свои знаки, ш. е. буквы. Сии послѣдніе знаки не могли однакожь бытъ у всѣхъ народовъ одни и тѣже, по причинѣ постояннаго нѣкоего раздора и зависти въ человѣчествѣ, по коей всякой народъ себѣ присвояетъ первенство изобрѣшенія писменъ. Разительнымъ памянникомъ подобной гордоспи человѣческой служить извѣстный сполъ на небо, возведшій нечестивыхъ, вмѣсто неба, къ тому, что они заслужили наказаніе, бытъ между собою разногласными не только въ мысляхъ, но и въ словахъ.

VI.) Отсюда послѣдовало, что и само Св. Писаніе, врачующее много-различныя болѣзни души человѣческой, и написанное на одномъ шакомъ языкѣ, на копоромъ оно весьма удобно могло

распространишься по лицу всей земли, — долженствовало потомъ быть перелагаемо на разные языки, дабы служилъ всѣмъ народамъ во спасеніе. Читающіе слово Божіе для своего спасенія ничего болѣе не жадаютъ, какъ только найти въ немъ мысли и волю шѣхъ, коими оно написано, а такимъ образомъ найти волю Божию, по которой говорили, какъ мы вѣримъ, всѣ Богодухновенные Писатели.

VII.) Между шѣмъ чипапели неразсудительные, чипая не надлежащимъ образомъ, поному самому часто обманываются, встрѣчая множество тьмоты въ Писаніи и обоюдности, неправильно пославляя одинъ смыслъ вмѣсто другаго, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во все не находя никакого смысла. (Такой мракъ представляющъ въ себѣ для таковыхъ людей нѣкоторые мѣста Писанія, темно-выраженныя!) Не сомнѣваюсь, что Промысль, допустивъ нѣкоторую тьмоту въ Писаніи, имѣлъ при семъ мудрую цѣль, — дабы трудностію въ изысканіи точнаго смысла его смирилъ гордосль человѣческую, и чтобы нашъ разсудокъ предостеречь отъ брезгливости, — эшотъ разсудокъ, который по большей части почиаетъ не важ-

нымъ то, что легко можно открыть. Доказательствомъ послѣднаго можетъ служить слѣдующій примѣръ: скажите слушателю, что весьма святы и совершенны тѣ люди, коихъ жизнь и нравственность служатъ для Христовой Церкви къ отсѣченію суевѣрія у людей, приходящихъ къ ней изъ иновѣрія, и чрезъ подражаніе добрымъ дѣламъ оныхъ святыхъ челоувѣковъ дѣлающихся дѣйствительными членами ея тѣла, — тѣ люди, кои, какъ благіе и вѣрные рабы истиннаго Бога, сложивъ съ себя заботы мірскія, пришли ко святой купели Крещенія, и, опродившись въ ней наиміемъ (conceptione) Св. Духа, постоянно даютъ попомъ плодъ сугубой любви, т. е. — къ Богу и къ ближнему; — скажите все это слушателю: вы увидите, что ваша рѣчь немного понравится ему. Но изъясните шуже самую мысль не совсѣмъ яснымъ мѣстомъ изъ Пѣсни пѣсней, гдѣ о Церкви, похвальной, какъ нѣкая прекрасная жена, сказано: *зубы твои яко стада остриженныхъ, лже изыдоша изъ купели, вса двоесплодны и неродящія нѣсть въ нихъ* (а): такое изъясненіе болѣе понравится. Ошъ чего же это? Неужели мысль,

(а) Пѣск. д. IV, 2.

выраженная подобіями и сравненіями, научаешь Слушателя другому чему, нежели даже мысль, выраженная самыми ясными и собственными словами? Совсѣмъ нѣтъ; а между тѣмъ, незнаю по чему, на святыхъ взираю я съ большею пріятностію, когда вижу, что они, какъ будто зубы Церкви, оплѣдняютъ и освобождаютъ людей отъ заблужденія, и смягчивши жестокость ихъ обращаютъ ихъ въ плѣо Церкви, какъ бы принятую и пережеванную пищу. Равнымъ образомъ особенно пріятными представляются мнѣ святыя, когда я взираю на нихъ, какъ на агнцевъ *остриженныхъ*, — заботы свѣта сбросившихъ съ себя, какъ агнчую волну, — *восходящихъ изъ купели*, т. е. отъ Св. Крещенія, — *двоеплодныхъ*, т. е. исполняющихъ двѣ заповѣди о любви; — *и нѣсть нерожденныхъ изъ нихъ*, т. е. лишенныхъ святаго плода любви.

VIII.) Почему изъясненіе, заимствованное въ Писаніи отъ подобія, кажется мнѣ гораздо пріятнѣе простаго раскрытія мысли, не смотря на то, что и предметъ и познанія объ немъ въ обоихъ случаяхъ сообщаются одинъ и тѣже? это трудно изъяснить, и это другой

вопросъ. По крайней мѣрѣ, никто не станешь сомнѣваться въ томъ, что есть предметы, кои гораздо охотнѣе познаешь, если они представлены въ подобіяхъ, и что тѣ истины вообще гораздо пріятнѣе, коихъ открытіе сопряжено съ нѣкоторою трудностію. Ибо, кто во все не находишь, чего ищешь, — тотъ помираетъ голодомъ; а кто нисколько не ищетъ, потому что все имѣетъ готовое, тотъ часто вянетъ отъ скуки и бездѣйствія. Въ обоихъ случаяхъ надобно опасаться совершеннаго изможденія силъ душевныхъ. По сей-то причинѣ Духъ Св. поступилъ достойнымъ его и благопovitрѣйшимъ для насъ образомъ, давъ Писанію такой видъ, что оно ясными мѣстами можетъ удовлетворять душевному гладу, а темными — истреблять гордость и небрежность людей. Ибо эта темнота почти ничего не скрываетъ въ себѣ такого, чтобы небыло открыто самымъ яснымъ образомъ въ другихъ мѣстахъ Писанія.

IX.) Посему для уразумѣнія воли Божіей, предписывающей, чего мы должны желать и чего удаляться, прежде всего нужно имѣть *страхъ*

Божій (а). [Сей спрахъ необходимо возбуждаешъ въ насъ мысли о нашей смертности и самой смерти; смирая плоть нашу, онъ пригвождаетъ, какъ бы къ древу крестному, всякое киченіе гордоси нашей.— Пошомъ должно содѣлаться кроткими, посредствомъ духа *благодетія*,— не противорѣчитьъ Божественному Писанію, поняшно ли оно, когда обличаетъ наши пороки, или (въ другихъ случаяхъ) не поняшно—такъ, что намъ казалось бы, будто мы сами можемъ лучше разсуждать и лучшія преподавать правила. Должно думать и вѣрить всегда, что все заключающееся въ Писаніи, хотя иногда темное для насъ, лучше и вѣрнѣе всѣхъ мудрованій нашихъ.]

Х.) За сими двумя степенями—Спраха Божія и Благодетія, слѣдуетъ третія, именно степень *знанія*, о которой я предположилъ говорить особенно. Ибо сей-по степени и долженъ домогаться всякой, изучающій Писаніе, ничего такъ неища въ немъ, какъ слѣдующихъ двухъ Заповѣдей: должно любить Бога для Бога, и ближняго такъ же для Бога: должно любить Бога всѣмъ сердцемъ,

Всею душою, всѣмъ разумѣніемъ, — а ближняго какъ самаго себя, т. е. чтобы всецѣлая любовь къ ближнему, равно какъ и къ себѣ самимъ, относилась пошомъ къ Богу. О сихъ двухъ Заповѣдяхъ любви я говорилъ въ предшествующей книгѣ, когда разсуждалъ о предметахъ (rebus). Теперь же скажемъ, что всякій, обращаясь къ Писанію, по необходимости прежде всего, по указанію его, находить въ себѣ привязанность къ настоящему міру, т. е. къ временнымъ благамъ его, — а вмѣстѣ съ симъ видитъ себя далекимъ отъ той любви къ Богу и ближнему, кою требуетъ Слово Божіе. Послѣ того духъ *Страха*, напоминающій о судѣ Божіемъ, и духъ *Благотѣсти*, побуждающій вѣрить и повиноваться ученію Писанія, заставляющъ человека плакать о самомъ себѣ. Ибо спасительный духъ введенія естественнаго располагаетъ къ скорбнымъ чувствамъ, а не къ шщеславію. Но, чтобы не быть жерпвою опчаянія, человекъ въ сіе время посредствомъ неусыпныхъ молитвъ испрашиваетъ себѣ утѣшеніе Божественной помощи, и поставляется на четвертой степені, коюрая есть степень *Силы*, или крѣпости, гдѣ онъ алчетъ и жаждетъ праведно-

спи. Въ семъ расположеніи сердца чловѣкъ оставляетъ всякое смертоносное наслажденіе преходящими благами: отъворачивъ отъ нихъ взоръ свой, онъ обращается къ любви вѣчныхъ благъ, по-есть, неизмѣняемаго единства въ Троицѣ.

XI.) Какъ скоро онъ, по возможности, узришь сію Троицу, какбы въ нѣкоей дали лучезарно сіяющую, и вмѣстѣ почувствуешь, что, по слабости своего зрѣнія, онъ не можетъ объять онаго свѣта: поспѣшается очистишь душу свою, недовольную на себя за желаніе недостойныхъ предметовъ и еще мянущуюся нечистыми помыслами, и дѣйствительно очищаетъ ее на пятой степени, по-есть, въ *Совѣтъ* милосердія. Здѣсь онъ уже со всѣмъ усердіемъ упражняетъ себя въ любви къ ближнему, и усовершеншается въ ней. Далѣе,—полный надежды, и крѣпкій силами, достигнувъ того, что бываетъ въ состояніи любить своего врага,—онъ восходитъ на шестую степень—*истоты сердца*, гдѣ очищаетъ у себя самое внутреннее око, способное видѣть Бога сколько, сколько могутъ видѣть Его всѣ, по возможности умиряющіе міру сему. Ибо Бога пошо-

лику можно видѣть, поелику мы умираемъ міру, и пошоліку нельзя видѣть, поелику живемъ для міра. Такимъ образомъ, по мѣрѣ удаленія отъ міра, видѣніе свѣта вѣчнаго начинаемъ казаться болѣе знакомымъ, и не только удобосноснымъ, но и приятнымъ; хопя сей свѣтъ видимъ бываетъ все еще шолько гадашельно, и какъ бы сквозь шусклое сшекло: ибо человекъ вообще ходитъ здѣсь болѣе въ вѣрѣ, нежели въ видѣніи, — поелику мы пришельцы въ сей жизни, и жишельство наше на небесѣхъ (а). — Ищущій мудрости на шестой степени шакъ очищаетъ око сердца своего, что не предпочишаетъ истины, и даже не равняетъ съ нею самаго ближняго своего, а слѣд. не равняетъ и себя самаго, — поелику не равняетъ шого, кого любить какъ самаго себя. Въ семъ сосшояніи, человекъ можно почишатъ уже свашымъ, если онъ шолько добръ и чистъ по сердцу своему, что не уклоняется отъ истины — ни изъ человекшугодія, ни изъ желанія избѣгатъ невыгодъ насшоящей жизни. И шакшй шолько сынъ Церкви достигаемъ *Мудрости*, которая сосшавляетъ седмшю и по-

(а) Филл. III, 20.

сѣднюю степень, и которою онъ наслаждается въ тишинѣ и мирѣ. — Такимъ образомъ начало мудрости есть страхъ Господень; пошому что доспигающъ мудрости не иначе, какъ начиная съ сего страха, и проходя чрезъ всѣ прочіа степени.

XII.) Но обратимся къ прешней степени; ибо мы объ ней предположили здѣсь особенно разсуждать и говорить, сколько Богъ поможетъ. Ревностнѣйшій испытатель Писанія, прежде всего долженъ прочесть и замѣнить все Писаніе, — то-есть, всѣ Каноническія книги, и такимъ образомъ ознакомишься съ ними, если еще не разумѣніемъ ихъ, по крайней мѣрѣ — однимъ чтеніемъ. Другія книги Писанія, не Каноническія съ безопасностію онъ можетъ читать послѣ, будучи уже озаренъ свѣтомъ истинной вѣры: — послѣ, а не прежде, изъ опасенія, чтобы онъ не предзаниаи собою неопытной души его, и чтобы, увлекши его нѣкоторыми пріятными по натурности, но не безопасными въ себѣ мыслями, не внушили ему вмѣсто истины — того, что противно здравому разумѣнію. Вразсужденіи же Каноническихъ книгъ Писанія испытатель онаго долженъ слѣдовать власпи и руко-

подспву Соборныхъ Церквей, и особенно тѣхъ, кои удостоились имѣть у себя Престолы самихъ Апостоловъ (sedes Apostolica) и получишь опъ нихъ Посланія. Вошъ главное правило, котораго должно держаться касашельно Каноническихъ книгъ: *„книги, принятыя всею вселенскою Церковію, должны быть предпологаемы не принятымъ нѣкоторыми изъ Церквей; книги, принятыя не всею, но принятыя многими и важнѣйшими Церквами, должны быть предпологаемы принятымъ не многими, и притомъ не столь важными Церквами . . .* Но если бы нашлось, что однѣ изъ книгъ принимающіяся множайшими, а другія—важнѣйшими Церквами, хошя это нелегко можешъ случишся, то такія книги, по моему мнѣнію, должно почишеть за Писанія одинаковаго достоинства.

XIII.) Весь Канонъ Писанія, которымъ должно преимущественно занимашся, сосшавляющъ слѣдующія книги: пять книгъ Моисеевыхъ—Бышя, Исходъ, Левитъ, Числъ, Второзаконія; одна книга Іисуса Навина; одна Судей; одна небольшая, извѣстная подъ именемъ книги—Руевъ, которая, кажешся, служишь началомъ книгамъ Царствъ; далѣ, чешыре

книги Царствъ, и двѣ книги Паралипоменонъ, составляющія не продолженіе, а повтореніе и дополненіе событій, изложенныхъ въ книгахъ Царствъ. Всѣ, доселѣ изчисленныя, книги содержатъ въ себѣ Исторію, излагающую событія и предметы въ связи и хронологическомъ порядкѣ. Но, кромѣ оныхъ, есть книги, которыя неимѣютъ подобнаго порядка и взаимной между собою связи, таковы: книга Іова, Товиша, Есѣири, Юдиѣ, двѣ книги Маккавейскія, и двѣ Ездры, которыя—кажется—суть продолженіе Исторіи, заключающейся въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ. Потомъ книги Пророческія, между коими одна книга Псалмовъ Давидовыхъ; три книги Соломона, а именно, книга Прищечей, Пѣснь пѣсней и Екклесіаспъ;—еще двѣ книги, изъ коихъ одна извѣстна подъ именемъ *Премудрости*, а другая подъ именемъ *Екклесіастика*. Написаніе сихъ двухъ послѣднихъ книгъ приписываютъ иные,—по нѣкоторому сходству въ слогѣ, Соломону; но болѣе посложное мнѣніе относительно сего то, что ихъ написалъ Іисусъ Сирахъ (а):

(а) Въ послѣдствіи Августинъ переименовалъ свое мнѣніе о писателѣ книги Премудрости и переслалъ приписывать ее Сираху. См. 2. *Retract.* 4.

какъ бы то ни было, только оны, какъ заслужившія уваженіе отъ Церкви, должны бытъ отнесены къ числу книгъ Пророческихъ. Прочія книги суть собственно Пророческія; и первыхъ— двѣнадцати Пророковъ, коихъ книги въ спискѣ находящіяся всѣ вмѣстѣ,— ибо никогда и не были отдѣляемы, а потому и почищаются какъ бы за одну книгу. Имена самихъ Пророковъ, написавшихъ оныя, суть: Осія, Іоиль. Амосъ, Авдій, Іона, Михей, Наумъ, Аввакумъ, Софонія, Аггей, Захарія, Малахія. За симъ четыре книги Пророческихъ— большихъ: какъ-то, Пророка Исаи, Іереміи, Даніила и Езекииля. Всѣ сіи сорокъ четыре книги составляютъ Велкій Заѣшь. Книги же Новаго Заѣша суть слѣдующія: четыре книги Евангелія— отъ Маттея, отъ Марка, отъ Луки, и отъ Іоанна;— четырнадцать Посланій Апост. Павла, а именно: къ Римлянамъ, два къ Коринѳянамъ, къ Галатамъ, къ Ефесеямъ, къ Филиппійцамъ, два къ Ѳессалоникійцамъ, къ Колоссянамъ, два къ Тимоѳею, къ Титу, къ Филимону, къ Евреямъ; потомъ два Посланія Апостола Петра, три Іоанна, одно Іуды, одно Іакова; одна книга, Дѣній Апостольскихъ, и наконецъ одна книга Откровенія Іоаннова (Апокалипсисъ).

XIV.) Вотъ всѣ каноническіе книги, въ коихъ люди крошкіе и большіеся Бога ищущъ воли Божіей. Но первое правило въ семъ святомъ дѣлѣ естъ— какъ я уже сказалъ,— предварительно узнать сіи книги, если еще не разумѣніемъ, по крайней мѣрѣ памятію— зашвердивъ ихъ чрезъ чтеніе; ибо совершенное невѣденіе о нихъ въ семъ отношеніи непростиительно. Потомъ надобно со всѣмъ шцаніемъ и ревностію углубляться въ познаніе того, о чемъ ясно говорятъ онѣ,— правила ли по жизни, или правила вѣры. Въ семъ случаѣ, чѣмъ кто способнѣе понимаетъ, тѣмъ болѣе найдетъ яснаго въ Писаніи: ибо все, относящееся къ вѣрѣ и нравамъ, т. е. надеждѣ и любви, о коихъ разсуждалъ я въ предыдущей книгѣ, слово Божіе предлагаетъ яснымъ образомъ. Наконецъ, ознакомившись сколько-нибудь тѣснѣе съ самымъ языкомъ Божественнаго Писанія, должно приступить къ открытію и разсмотрѣнію того, что въ немъ темно,— объясняя невразумительныя выраженія вразумительными, неизвѣстныя мысли— извѣстными. Въ семъ отношеніи очень много помогаетъ память, недоспашокъ копорой никакъ не могутъ замѣнить представленныя здѣсь правила.

XV.) Всякое сочиненіе бываетъ непонятно оиъ двухъ причинъ: или оиъ совершенной неизвѣстности нѣ-которыхъ словъ,—или оиъ обоюдности значенія ихъ. Слова же вообще имѣютъ значенія или собственныя, или переносныя. Собственное значеніе словъ бываетъ тогда, когда ими означаются именно тѣ предметы, для выраженія которыхъ онѣ изобрѣшены: такъ, напр., мы говоримъ—*волѣ*,—и разумѣемъ подъ симъ словомъ извѣстное животное, которое такъ называютъ всѣ, говорящіе нашимъ языкомъ (Латинскимъ). Переносное значеніе словъ бываетъ тогда, когда самые предметы, выражаемые собственными словами, употребляются для означенія чего-либо другаго: такъ, подъ словомъ *волѣ*, собственно мы разумѣемъ извѣстное животное, обыкновенно эпимъ словомъ называемое; но можемъ разумѣть и человека, занимающагося проповѣдію Слова Божія, котораго симъ именемъ назвало само Писаніе, по изъясненію Апостола, въ слѣдующемъ мѣстѣ: *да не заградиши устенѣ вола молотяща* (а).

(а) Кор. IX, 9, 10.

XVI.) Знаніе языковъ есть лучшее средство къ уразумѣнію неизвѣстныхъ, хотя и собственныхъ словъ. Людямъ, знающимъ языкъ Латинскій, для которыхъ и рѣшился я писать сіи правила, (кромя собственнаго языка, нужно для большаго уразумѣнія Божественнаго Писанія, знать еще два другихъ языка, — Еврейскій и Греческій: это для того, что бы въ случаѣ какого-либо сомнѣнія, пристоль различныхъ между собою Латинскихъ переводахъ, всякой могъ самъ прибѣгать къ подлинникамъ. Къ тому же въ переводахъ Св. Писанія мы часто находимъ нѣкоторыя слова Еврейскія не переведенными, каковы: *Аминь*, *Аллилуїа*, *Рака*, *Осанна* — и, можетъ быть, нѣкоторыя другія. Два первые, ш. е., *Аминь* и *Аллилуїа*, хотя могли бы быть переведены, но остаются доселѣ въ первоначальномъ своемъ видѣ, по причинѣ священнаго къ нимъ уваженія; а два послѣднія, ш. е. *Рака* и *Осанна*, даже какъ говорящъ, не могли быть переведены: ибо въ каждомъ языкѣ есть слова, которыя не могутъ быть переведены на другой какой-либо языкъ. Таковы особенно междометія, выражающія сильное чувство души, а не какую-либо обыкновенную мысль. Къ симъ междометіямъ отно-

сятъ нѣкоторыя и представленныя нами слова — *Рака* и *Осанна* : первое говорящъ выражаетъ чувство негодования, второе — радости. Впрочемъ не для сихъ только и подобныхъ симъ словъ нужно знаніе языковъ Еврейскаго и Греческаго; (подобныя слова можно замѣшивъ и спросивъ объ нихъ у другихъ): а нужно еще по причинѣ разности многихъ переводовъ. Число Греческихъ переводчиковъ довольно ограничено; но Латинскихъ — чрезвычайное множество. Ибо, еще съ первыхъ временъ Христіанства, всякой Латинянинъ, кому только доставалось имѣть въ рукахъ своихъ Греческій текстъ Писанія, и который сколько-нибудь сознавалъ себя свѣдущимъ въ языкахъ Латинскомъ и Греческомъ, — всякъ пошъ смѣло брался за переводъ Св. Писанія.

XVII.) Впрочемъ такое положеніе дѣла болѣе помогало бы, чѣмъ затрудняло разумѣніе Писанія, если бы только чишапели были не лѣнивы. Ибо, въ такомъ случаѣ одно простое сличеніе многихъ переводовъ легко можетъ объяснить многія темныя мѣста Писанія. Напр., одинъ изъ переводчиковъ перелагаетъ 7-й стихъ 67-й главы Пророка Исаи такъ: *Не*

презирай домогидцевъ сѣмени твоего ;
а другой шакъ : Не презирай плоти
твоей . Но оба сіи переводчика не
противорѣчаютъ одинъ другому ; ибо
каждаго изъ нихъ можно изъяснить—
одного другимъ : слово *плоть* можно
принять въ собственномъ смыслѣ , и
мысль будетъ такая : никто не дол-
женъ презирать шѣла своего ; а слова—
сѣмени твоего могутъ быть приняты
въ смыслѣ переносномъ , и означать
Хрисіанъ , которые рождены вмѣстѣ
съ нами отъ одного сѣмени Слова Бо-
жія . Такимъ образомъ , по снесеніи мы-
сли одного переводчика съ мыслию дру-
гаго , спавовишся достовѣрнѣйшимъ по-
мнѣніе , что здѣсь запрещается прези-
рать сродниковъ ; ибо по приложеніи
словъ : *которые одного сѣмени съ то-
бою къ словамъ : плоти твоей* , бли-
жайшимъ значеніемъ шѣхъ и другихъ
будетъ значеніе сродниковъ ; и мнѣ
кажется , что сіи слова выражаютъ
тоже , о чемъ говоритъ и Апостоль :
*Аще како раздражу мою плоть , и
спасу нѣкія отъ нихъ* (а) , т . е . не
увѣруютъ ли и они , возымѣвъ ревность
къ шѣмъ , которые уже увѣровали .
Здѣсь Апостоль , очевидно , подъ име-
немъ плоти своей разумѣешь Іудеевъ ,

(а) Рлм. XI, 14.

по родству своему съ ними.—Такимъ же образомъ различно переводящъ и слѣдующее мѣсто Пророка Исаи: 7, гл. стихъ 9,—одинъ переводчикъ: *если не повѣрите, не црзцудите*; другой: *если не повѣрите, не пребудете*. Хотя, не приобѣгнувъ къ подлиннику, нельзя знать кто изъ двухъ переводчиковъ точнѣе перевелъ мѣсто сіе: не смотря на то, умному чипашелю тошъ и другой переводъ сами по себѣ раскрываютъ очень многое; такъ какъ и вообще трудно найти такихъ переводчиковъ, кошорые не имѣли бы между собою вовсе никакого отношенія, и потому не научали бы чипашеля ничему. А именно, поелику полному разумѣнію мѣсто только тамъ, гдѣ постоянное видѣніе, а вѣрѣ напрошивъ свойственна питашъ насть, какъ бы млекою дѣшей, въ колыбели времени по немногу; и мы ходимъ теперь въ вѣрѣ, а не въ видѣніи, и, если не будемъ вѣровать, не достигнемъ видѣнія, кошорое не преходитъ, но постоянно продолжается въ чистомъ умѣ, при вѣчномъ соединеніи его съ истиною: то—въ семъ смыслѣ—одинъ могъ перевести означенное мѣсто такъ: *если не повѣрите, не пребудете*; а другой: *если не повѣрите, не црзцудите*.

XVIII.) Обоюдныя слова самаго Подлинника очень часто обманиваютъ переводчика, и онъ, не понявъ хорошо мыслей, даетъ имъ такое значеніе, которое вовсе не сообразно съ намѣреніемъ Писателя. Такъ, нѣкоторые перевели слѣдующее мѣсто въ книгѣ псалмовъ Давидовыхъ: XIII, 3.,— *ноги ихъ остры на пролитіе крови*. Греческое слово *εὐρύς* имѣетъ два значенія:—острый и скорый. Переведшій сіе слово вторымъ значеніемъ: *ноги ихъ скоры на пролитіе крови*, лучше понялъ мысль Писателя. Первые погрѣшили именно оупъ двузнаменательности слова, принявъ его здѣсь не въ надлежащемъ значеніи. Подобные переводы не шемны, а невѣрны, и ихъ надобно исправлять, а не понимать. Къ подобнымъ неисправностямъ въ переводахъ были поводомъ для нѣкоторыхъ слѣдующія слова Греческія: *Μοσχός* и *μοχεύματα*. *Μοσχός* значитъ *телецъ* (*vitulus*). Производя оба слова оупъ одного корня и не зная, что *μοχεύμα* значитъ—*сажаніе въ землю* (*plantatio*), переводчики дали и сему слову значеніе *теляца* (*vitulamen*), и ошибка сія вкралась въ столь многіе переводы, что едвали хотя одинъ можно найти правильный. Между тѣмъ, мысль здѣсь очень ясная

и послѣдующія слова открываютъ се въ полномъ свѣтѣ; ибо лучше сказать: *прелюбодѣйная насажденія не дадутъ коренія во слѣбину*, нежели: *прелюбодѣйные тельцы* и проч. Тельцы ходятъ только по землѣ, а не утверждаются въ ней корнемъ своимъ. Перевести слово *мохъура* въ значеніи сажденія заставляють и прочія, дальнѣйшія слова текста.

XIX.) Поелику не справляясь съ языкомъ подлинника, часто нельзя видѣть самой мысли переводчиковъ, которую они, каждый по своей способности и разумѣнію, спаракуясь передать намъ; и поелику переводчикъ, если онъ не вполне ученъ, сбившись съ прямого пути, опадается болѣею частію отъ самыхъ мыслей переводимаго имъ Писателя: по чипатель или долженъ спараться о познаніи шѣхъ языковъ, съ которыхъ перелагается Писаніе на языкъ Латинскій, или долженъ имѣть переводы болѣе буквальные:— не потому чтобы сіи переводы были вполне удовлетворительны, но потому что они могутъ чипателю показати исправность или погрѣшность державшихся въ переводахъ своихъ не столько словъ, сколько мыслей. Ибо въ буквальныхъ пере-

водахъ перелагаются не только всѣ слова, но даже частныя обороты рѣчи, которые не употребительны въ языкѣ латинскомъ, безъ нарушенія издревле установленныхъ правилъ рѣчи. Такіе переводы большею частію ничего не опнимають у ума, только оскобрляють вкусъ шѣхъ, для которыхъ пріятнѣе читать истины, выраженные чистымъ и правильнымъ языкомъ. Ибо такъ называемый, *солецизмъ* коимъ такіе переводы изобилуютъ, есть нечто иное, какъ только странное и неправильное сочиненіе словъ, противное тому, которому мы научились у людей, говорившихъ прежде насъ нашимъ языкомъ, и въ семъ отношеніи заслужившихъ себѣ уваженіе. Но для того, кто спарается узнать самую вещь, неважно, — скажутъ ли ему: *междъ людей* (*inter homines*), или: *между людьми* (*inter hominibus*). Подобнымъ образомъ и *барбаризмъ*, встрѣчающійся обыкновенно въ буквальныхъ переводахъ, есть не что другое, какъ погрѣшность пропиевъ правописанія, или произношенія словъ, установленнаго примѣромъ людей, такъ, а не иначе извѣстныхъ слова писавшихъ или произносившихъ. Но для того, кто молишь Бога о прощеніи грѣховъ своихъ, не важно знашь, какъ должно произносить

слово *ignoscere* (прощать),— сокращая ли третій слогъ сего слова, или продолжая: онъ только молилъ Бога о прощеніи, какимъ бы образомъ ни произносилъ слова молитвы своей. Да и что такое есть самая чистота языка, нарушаемая сими и подобными погрѣшностями, какъ не одно только подражаніе образу рѣчи древнихъ, заслужившихъ въ семь отношеніи себѣ уваженіе?

XX.) Нечистоплюю въ языкѣ люди оскорбляются, болѣе или менѣе, всегда почти смотря по тому, чѣмъ они малосвѣдущѣ;— а шѣмъ обыкновенно бывають малосвѣдущѣ, чѣмъ болѣе желаютъ казаться учеными,— не въ отношеніи къ познанію самыхъ, истинъ, которое назидаетъ, но въ отношеніи къ познанію одного языка,— при коемъ почти не возможно предохранить себя отъ нѣкаго надменія, когда и познаніе самыхъ истинъ нерѣдко надмеваетъ насъ, если мы не смиренны игомъ Господнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что вреда для испытующаго Писаніе, когда онъ читаетъ слѣдующее мѣсто переведеннымъ слово въ слово съ подлинника такъ: *Какова земля, на которой живутъ они (Хананеане) на ней, добра ли или зла,— и*

какомъ города, въ которыхъ обитаютъ они въ нихъ (а)? Такой переводъ, конечно содержитъ въ себѣ обороты свойственныя чуждому языку, а не нашему, но смыслъ отъ сего ненарушается нисколько. Такимъ же образомъ и то, что народъ поетъ въ словахъ: *на немъ же процвѣтетъ святыйя моа* (б)— (*floriet*— вмѣсто *florebit*,) и чего мы уже не можемъ воспрещить поющимъ, ни мало не нарушаетъ цѣлости мысли, хотя опытный въ языкѣ слушатель желалъ бы исправить *sic*, и слышать вмѣсто *floriet*— *florebit*. Такому исправленію ничто и не препятствуетъ, кромѣ одной привычки поющихъ. Но, подобные недоспапки въ переводахъ, какъ совершенно безвредныя для смысла, можно оставлять безъ вниманія тому, кто ищетъ не изяществу, а истинѣ. — Совсѣмъ иное переводъ слѣдующихъ словъ Апостола: *quod stultum est Dei, sapientius est hominibus; et quod infirmum est Dei, fortius est hominibus* (*Бже Божіе, премудрѣ теловѣкъ есть: и немощное Божіе, крѣпче теловѣкъ есть*) (в). Если бы кто, ближе держась Греческаго языка, представилъ слова сіи въ слѣдующемъ видѣ: *quod*

(а) Числ. XIII, 20. (б) Псал. CXXXI, — 18.

(в) Кор. I, 25.

stultum est Dei, sapientius est hominum; et quod infirmum est Dei, fortius est hominum, (а); по внимательный и разсудительный читатель нашелъ бы, конечно, въ сихъ словахъ насповающую мысль; но всякой другой, или бы вовсе не понялъ ихъ, или бы понялъ превратно. Ибо такой переводъ на Лашинскомъ языкѣ, при очевидной своей неисправности, былъ бы еще двусмысленъ; ибо изъ него можетъ выходить, яко бы безумное человеческое было мудрѣ Божіаго, и неможное—сильнѣ Божіаго. Да и первый переводъ: sapientius hominibus, (*мудрѣ теловѣковѣ*) хотя не заключаетъ въ себѣ соллещизма,—но также вѣсколько обоуденъ; ибо не понявъ мысли Писателя, нельзя знать, какъ разумѣть слово hominibus (*теловѣковѣ*):—означаетъ ли оно просто *теловѣковѣ*, или *у нѣкоторыхъ теловѣковѣ*. Посему слова Апостола лучше перевести можно было бы такъ: *мудрѣ, нежели теловѣки, и сильнѣ, нежели теловѣки*.

XXI.) Но о двусмысленныхъ (ambigua) знакахъ Писанія мы будемъ говорить послѣ: теперь же скажемъ о знакахъ неизвѣстныхъ, которые, если разу-

(а) На Русскомъ языкѣ нельзя выразить той обоудности, которую здѣсь находитъ Авторъ; и вообще всѣ замѣчанія его въ семъ мѣстѣ касающіяся только Лашинскаго языка.

мѣшъ подъ именемъ ихъ слова, сущъ двоякаго рода. Ибо, оспанавливаешъ чипашеля или одно какое-либо неизвѣстное слово, или цѣлое неизвѣстное изреченіе (*locutio*). Если сія неизвѣстность зависить отъ незнанія чужаго языка: то для разрѣшенія ея должно или спрашивать людей, знающихъ оный языкъ, или—самимъ учитьсѣ ему, когда позволяють по времени и способности, или наконецъ—совѣщоватъсѣ съ различными переводами, снося одни изъ нихъ съ другими. Но мы и въ своемъ языкѣ можемъ находить нѣкоторыя слова и даже цѣлыя реченія, неизвѣстныя для насъ:—въ такомъ случаѣ надобно старатъсѣ, какъ можно чаще встрѣчатъсѣ съ ними при чтеніи и въ разговорахъ. Ничего сполько не нужно зашверживатъ въ своей памяти, какъ сіи неизвѣстныя намъ слова и реченія; надобно всегда держатъ ихъ, такъ сказатъ, наготовѣ, дабы можно было пользоваться всѣми случаями къ узнанію ихъ истиннаго значенія, напр. спросить о нихъ, если встрѣшишьсѣ человѣкъ знающій, или найти такое мѣсто въ писаніяхъ другихъ, гдѣ значеніе оныхъ словъ ясно открывается изъ предыдущаго, или послѣдующаго, или изъ того и другаго мѣста. Ибо привычка учитьсѣ

на память имѣеть вообще такую силу, что, напр. люди, наученные Св. Писаніемъ, и воспитанные на немъ, скорѣе удивляются всѣмъ другимъ выраженіямъ и почишають ихъ менѣе Латинскими, нежели шѣ, копорыя они заучили изъ Писанія, хотя эти послѣднія во все не упопробишельны у Латинскихъ Писателей. Между шѣмъ во всякомъ случаѣ весьма полезно сносить между собою, какъ можно болѣе, различныхъ переводчиковъ, углубляясь въ ихъ разносипи: только при семъ должно упошреблять все раченіе, какъ бы не обмануться невѣрностію кодексовъ; ибо естѣ кодексы, которые нужно еще предварительно исправлять;— и желающій познать Божественное Писаніе долженъ обратитѣ на сіе обстоятельство особенное вниманіе, дабы, при самомъ разсмотрѣніи кодексовъ, вѣрнымъ изъ нихъ не предпочесть невѣрныхъ.

XXII.) Что касается самыхъ переводовъ, то должно предпочитать всѣмъ прочимъ переводъ Италійскій; потому что онъ и точнѣе и яснѣе прочихъ. Для исправленія же недостатковъ въ переводахъ Латинскихъ надобно прибѣгать къ переводамъ Греческимъ, между коими самый важ-

ный, что касается до Ветхаго За-
вѣта, есть переводъ седмидесяти
толковниковъ, кои, по мнѣнію всѣхъ,
болѣе знающихъ въ семь дѣлъ церк-
вей, когда перелагали Писаніе, тако-
го удостоены были вдохновенія отъ Св.
Духа, что имѣли какъ бы одни уста.
Если еще они, какъ говорятъ мно-
гіе не достойные вѣрояшія люди,
во время самаго перевода заключены
были каждый въ особую комнату, и не-
смотря на то, переводъ каждого
изъ нихъ нашелся согласнымъ съ пере-
водами другихъ не только въ словахъ,
но и въ расположеніи словъ: то кто
осмѣлился сравнивать съ столь важ-
нымъ переводомъ, а нѣмъ болѣе пред-
почитать ему какой-либо другой
переводъ? Если нѣкопорые, для про-
изведенія полнѣйшаго согласія въ мы-
сляхъ и для большаго единства въ
самыхъ выраженіяхъ, сравнивали уже
переводъ *Седмидесяти* съ другими; по
крайней мѣрѣ не должно и неприлично
кому-либо одному, въ надеждѣ на свою
опытность, покушаться исправлять
что-либо въ семь переводъ, утвержден-
номъ единодушнымъ согласіемъ столь
древнѣйшихъ и ученѣйшихъ мужей,
каковы семдесятъ толковниковъ. Да-
же, если бы въ переводъ ихъ нашлось
что-либо несогласное съ Еврейскимъ

подлинникомъ; то эшо, по моему мнѣнію, должно приписать особеннымъ намѣреніямъ Божиимъ, чрезъ нихъ совершившимся, п. е. чшобы книги, копорыхъ Іудеи нехощѣли открывать другимъ народамъ, — или изъ уваженія къ своей Религіи, или по ненависти къ симъ народамъ, — заранѣ, при посредствѣ и власши Царя Птолемея, сдѣлались извѣстными язычникамъ, имѣвшимъ просвѣщеніе върою въ Господа. Очень, то - есть, могло спасться, что семдесятъ толковниковъ, перевода Писаніе, соображались припомъ, помѣстамъ, съ сосполніемъ язычниковъ, — по волѣ Св. Духа, руководившаго ихъ и даровавшаго имъ уста единыя.

Кромѣ того, для большей ясности извѣстнаго мѣста, не безполезно, какъ я сказала выше, сносить и нѣхъ переводчиковъ, кои въ своемъ переводѣ держались самыхъ словъ подлинника. И что касается Латинскихъ переводовъ Ветхаго Заѣша то они, — если нужно, — должны бытъ исправляемы, какъ выше замѣчено, переводами Греческими, и особенно переводомъ семидесяти толковниковъ, кои, несмотря на свою многочисленность, перевели, какъ повѣстующъ, всѣ въодно слово. Подобнымъ

образомъ и въ книгахъ Н. Завѣша, если, по различію Лапинскихъ переводовъ, встрѣшится что-либо сомнительное; но безъ всякаго сомнѣнія, надобно прибѣгать къ подлинникамъ Греческимъ, а особенно принятымъ Церквами, болѣе въ семь дѣлъ опытными и разборчивыми.

XXIII.) Если въ Писаніи оспанавливають чипашеля какіе-либо переносные, неизвѣстные ему знаки; то для уразумѣнія ихъ нужно знаніе частію языковъ, а частію самыхъ предметовъ, ими означаемыхъ. Такъ купальня *Силоамъ*, гдѣ Господь повелѣлъ умыться слѣпому послѣ того, какъ помазалъ ему глаза брѣніемъ, изъ плаюновенія сдѣланнымъ, безъ сомнѣнія, имѣеть въ собственномъ своемъ знаменованіи нѣчто таинственное; но, таинственный смыслъ ея, при всей важности своей, оспавался бы неизвѣстнымъ, по причинѣ неизвѣстности значенія слова, если бы Евангелистъ не объяснилъ его. Подобнымъ образомъ многія слова Еврейскія, — необъясненныя самими Св. Писателями, — безъ сомнѣнія, весьма способствовали бы къ разрѣшенію многихъ тайнъ Писанія, если бы кто могъ изъяснить ихъ, какъ должно; и шѣ изъ знающихъ языкъ

Еврейскій не маловажную оказали услугу потомству, копорые уже изъяснили, что, наприм., значашъ слова: Адамъ, Евва, Авраамъ, Моисей,—или что значашъ: Иерусалимъ, Сіонъ, Иерихонъ, Синай, Ливанъ, Иорданъ—и многія другія. По отккрытіи значенія сихъ словъ дѣлаются ясными и многія фигуральныя реченія Св. Писанія.

XXIV.) Если мы незнаемъ свойства самыхъ предметовъ,—напр. извѣстныхъ живописныхъ, камней, правъ и другихъ вещей, употребляемыхъ въ Св. Писаніи по какому-либо сходству ихъ съ предметами высшими и духовными; то отъ сего, по необходимости, бывають для насъ темными и всѣ тѣ фигуральныя реченія Писанія, въ копорыхъ объ нихъ упоминается. Но какъ, напротивъ, (скажемъ для примѣра) дѣлается для насъ ясною мысль Спасителя, повелѣвающего намъ быть мудрыми, подобно змѣи (а),—когда мы знаемъ о змѣѣ, что онъ, для сохраненія головы своей, уступаетъ нападающимъ на него все шло свое,—или, пользуясь тѣсною своею пещерою, сбрасываетъ съ себя прежнюю кожу свою, и такимъ образомъ получаетъ новыя силы!

(*) Матт. X, 13.

Сіе повелѣніе Господа явно означа-
етъ то, что мы должны вопервыхъ
для сохраненія главы нашей, которая
есть Христосъ, предавать въ жертву
врагамъ шѣло свое,—нещадить его,
если сохраненіе сего шѣла ведетъ
насъ къ удаленію отъ Бога, и —
такъ сказать—убиваетъ въ насъ вѣру
Христіанскую; вопервыхъ,—подражая
мудрости змія въ послѣднемъ он-
ношеніи,—должны совлекаться, по
слову Апостола, вѣщаго человѣка и
облекаться въ новаго (а), то-есть,—
посредствомъ тѣсношны и скорбей,
какъ учитъ самъ Господь: *видите,*
говоритъ Онъ, тѣсными вратами (б)?
Такимъ образомъ, какъ полезно знать
свойства змія для уразумѣнія многихъ
несобственныхъ рѣченій Писанія, въ
которыхъ объ немъ упоминается;
такъ напротивъ неизвѣстность свой-
ства нѣкоторыхъ другихъ животи-
ныхъ, приводимыхъ Писаніемъ, по
нѣкоторому сходству ихъ съ пред-
метами высшими, очень часто за-
трудняетъ читателя. Нужно такъ
же знать свойство камней, правъ,
и вообще растений. Знаніе, наприм.,
карбункула, свѣтящаго во тмѣ,
способствуетъ къ разьясненію те-

(а) Евес. IV, 24. (б) Мат. VII, 13.

мныхъ мѣстъ Писанія , въ ко-
рыхъ объ немъ , для какого-либо подо-
бія, упоминаешься; а незнаніе вирилла
и алмаза немало иногда препяпшву-
ешь разумѣнію чипапеля. Подъ име-
немъ оливковой вѣлви, принесенной
голубицею въ ковчегъ (а), мы обык-
новенно разумѣемъ поспоянный миръ,
не почему другому , какъ по из-
вѣстности , что оливковое масло ,
при надлежащей бережливости , не
скоро порпится , а самое дерево
поспоянно зѣлено . Многіе , незя
иссопа,—какую силу имѣешь онъ очи-
щаешь легкія, или, какъ сказываютъ,—
проникаешь сквозь самые камни сво-
ими корнями,—и смопря на одно то,
что онъ—права малая и низкая, не
могутъ понять, почему сказано: *окро-
пиши мя иссопомъ, и огищуся* (б) .

XXV.) Темноша многихъ несобствен-
ныхъ и шамнственныхъ мѣстъ Писа-
нія часто зависишь еще опъ незна-
нія значенія числъ , въ немъ упоми-
наемыхъ. Умъ, испышующій, не можешь
быть равнодушнымъ, незя того, по-
чему Моусей, Илія и Самъ Господь по-
стпились *сорокъ* дней. Сіе споль знаме-
нашельное дѣйствіе не иначе можешь

(а) Быш. VIII, 11. (б) Псал. L, 9 .

быть понято и разрѣшено, какъ чрезъ разсмотрѣніе и познаніе свойствъ сороковаго числа.— Десятеричное число, взятое чепырежды, выражаетъ познаніе всѣхъ вещей во времени; ибо чепверичнымъ числомъ опредѣляется теченіе всякаго времени—суточное и годовое: потому что первое состоитъ, какъ извѣстно, изъ часовъ утреннихъ, полуденныхъ, вечернихъ и ночныхъ; а второе—изъ мѣсяцевъ весеннихъ, лѣтнихъ, осеннихъ и зимнихъ. Посему для вѣчности, въ кошорой желаемъ жить, мы, еще живя во времени, должны произвольно воздерживаться отъ приспрасія ко всему временному и такимъ образомъ постыгаться; хотя теченіе времени само по себѣ уже довольно учить насъ презирать все временное и желать вѣчнаго. Далѣе,—десятеричное число означаетъ познаніе Творца и швари: а именно, число тройственное—есть число Творца, седмеричное же—швари, принимая, по-есть, во вниманіе ея жизнь и шѣло. Ибо къ жизни относятся три—сердце, душа и разумъ;—почему и должно любить Бога всѣмъ сердцемъ, всею душою и всѣмъ разумѣніемъ;—къ шѣлу же относится послѣднее число—чепыре, кошорое явно означаетъ чепыре

спихи, необходимы въ составѣ тѣла. Ипакъ, десятиричное число, взятое чепыре раза, научаетъ насъ жить во времени не для времени,—по-есть, чисто, воздержно и безъ приспрасиѣ къ временному, а такимъ образомъ какъ бы поспишься 40 дней, по-есть, всю жизнь. Се-му учипъ насъ законъ—въ лицѣ Моисеѣ, учипъ пророчество—въ лицѣ Илїи, учипъ самъ Господь, копорый, какъ бы во свидѣтельство о себѣ Закона и Пророковъ, явившисъ на горѣ среди Моисеѣ и Илїи премеъ ученикамъ своимъ, привелъ ихъ въ воспоргъ опъ сего видѣнїѣ. Такимъ же образомъ можно изслѣдывать, какъ изъ чепыредесѣтичнаго числа происходитъ число пѣидесѣтъ, споль священное въ нашей религїи по причинѣ пѣидесѣтницы;—какъ сїе число, прижды взятое,—для означенїѣ прехъ временъ—до Закона, подъ Закономъ и подъ Благодатїю, или приспособишельно къ высшему предмету—самой Троицѣ, по-есть, Опцу, Сыну, и Св. Духу,—относисъ къ Таинствамъ Церкви не шолько земной, но и небесной; и далѣе, какъ ведетъ къ заключенїю, что въ Писанїи не незнаменательно и число спю пѣидесѣтъ при, ш. е. число

рыбъ , кошорыя , по воскресеніи Господа, пойманы были съѣхми, брошенными по правую спорону (а). Такимъ образомъ подѣ различными видами числа Св. Писаніе часто скрываетъ тайны , кошорыя недоспунны понятию чинапелей , не разумѣющихъ значенія самыхъ числъ .

XXVI.) Многое въ Писаніи бываетъ темнымъ и непонятнымъ для насъ тогда еще , когда намъ неизвѣстны нѣкошорые предметы , относящіеся къ музыкѣ . Нѣкто, напр. , довольно удачно открылъ немало знаменательнаго въ различномъ устройствѣ Псалтыри и арфы . И одесапиструнной Псалтыри не напрасно спрашиваютъ ученые: законъ ли какой музыки пребо-валъ шакаго числа струнъ, или, если не законъ, не шѣмъ ли болѣе оное число должно... быть для насъ священо ,— не указываепъ ли оно на десять заповѣдей Закона , гдѣ число десять явно должно имѣть какое-либо таинственное отношеніе къ существу Творца и швари, — или не имѣепъ ли оно того значенія, кошорое мы дали десятиричному числу выше? Такъ же число сорокъ шесть лѣпъ, въ продолженіи ко-

(а) Иоан. XXI, 11 .

порыхъ, какъ говоришся въ Евангеліи, спроился храмъ Іерусалимскій, опъзываешся чѣмъ-шо похожимъ на риѣмъ музыкальный. Примѣчательно, что отношеніе его къ составу тѣла Господня, для котораго и упомянуто въ Евангеліи о храмѣ, побуждаешъ нѣкоторыхъ ерешиковъ признашся, что Сынъ Божій воспринялъ на себя не одинъ только видъ тѣла, но истинное человѣческое тѣло. Вообще мы увѣрены, что Св. Писаніе во многихъ мѣстахъ упоминаешъ о числахъ и музыкѣ съ особенною знаменательностію, нисколько непочишай не приличнымъ, пользоваться ими.

XXVII.) Не надобно слушаешъ тѣхъ суевѣрныхъ Языческихъ бредней, по сказанію которыхъ девять музъ суть дочери Юпитера и Меморіи. Сказаніе сіе опвергъ еще Барронъ, съ которымъ, какъ мнѣ каженіся, едвали кто изъ язычниковъ можешъ сравнишся по учености и склонности къ изысканіямъ касательного подобныхъ предметовъ. Онъ говоришъ, что одинъ городъ (незнаю, какъ назывался онъ, да и не въ имени дѣло) поручилъ трѣмъ художникамъ сдѣлать по шри изображенія музъ, съ уговоромъ, купишъ для посвяще-

ніа во храмѣ Аполлоновомъ шѣ изъ нихъ, кои будутъ сдѣланы лучше. Художники кончили свою работу съ одинаковымъ успѣхомъ; девять изображеній равно понравились городу, и всѣ были куплены для предназначенной цѣли. А Пэзшъ Гезіодъ, въ послѣдствіи времени, далъ имъ имена. Такимъ образомъ, не Юпитерь родилъ девять музъ, а при художника, — каждый по при, — произвели ихъ. И городъ поручалъ каждому художнику сдѣлать по при изображенія не потому, чтобы музы въ такомъ числѣ являлись кому-либо во снѣ, или видимы были ошъ кого-либо не обыкновеннымъ образомъ; — но въ слѣдствіе всеобщаго, постоянного наблюденія, что всякій звукъ, какъ матерія пѣнія и музыки, по существу своему бываетъ прямокаго рода: а именно, издается или голосомъ, когда ш. е. поютъ горшанью, безъ всякаго инструмента; или посредствомъ дуновенія, когда, напр. играютъ на трубахъ и флейшахъ; или — чрезъ извѣстное удареніе, когда напр. играютъ на арфахъ, лилаврахъ и другихъ музыкальных орудіяхъ, копорыа издають звукъ, при удареніи въ нихъ.

XXVIII.) Справедливо ли оное погѣш-
ствованіе Варрона, или мѣтъ, шолько
мы, по причинѣ подобнаго суевѣрія
Язычниковъ, не должны презиратьъ музы-
ки, свѣденія о кошорой иногда могутъ
быть полезны къ уразумѣнію Писа-
нія, — не должны пренебрегатьъ и самы-
ми театральными вещами, когда,
при разсужденіи нашемъ объ арфахъ и
другихъ музыкальныхъ орудіяхъ, онѣ
могутъ открыть намъ что-либо,
способствующее къ познанію духов-
ныхъ вещей.) Иначе мы не должны
были бы учиниться Азбукъ, изобрѣшате-
лемъ коей Язычники почишаютъ
Меркурія; — не должны были бы любить
самой правды и добродѣтели, пошому
что Язычники правдѣ и добродѣтели
посвящали храмы, предпочитая чинить
въ камняхъ то, что наипаче должно
было обносишь и пишать въ сердцѣ.
Напрошивъ, добрый и истинный Хри-
стіанинъ долженъ знать, что истина,
гдѣ бы онъ нинаходилъ ее, есть доспо-
ніе его Господа: — исповѣдуя и призна-
вая ее въ Св. Писаніи, онъ долженъ оп-
вергатьъ одни суевѣрные вымыслы. —
долженъ оплакиватьъ и опасаться шѣхъ
только людей, кошорые, *разумѣвши Бо-
га, не яко Бога прославиша или благо-
дариша: но осуетишася помышленіи сво-
ими, и оиратися неразумное ихъ сердце.*

Глаголющеся быти мудри, оббюродѣша, и измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна чловѣка, и птицѣ четвероногѣ и гадѣ (а).

XXIX.) Но чтобы лучше раскрыть сіи слова Апостола, которыя очень важны, надобно обратишь вниманіе на два рода наукъ, извѣстныхъ у Язычниковъ, и тѣсно соединенныхъ съ самою нравственностію. Науки перваго рода имѣють предметомъ своимъ то, что изобрѣшено людьми; а науки втораго рода то, что не изобрѣшено, а въ слѣдствіе наблюденія, принято, какъ уже гипсовое, или свѣже учрежденное. Основанное на установленіяхъ чловѣческихъ, частію соединено съ суевѣріемъ, частію свободно отъ онаго.

XXX.) Дѣлають и почишають идоловъ, богошворить шварь или какую-либо чашь ея, совѣтовахъся и вхождишь въ ближайшія и тѣсныя сношенія съ злыми духами, къ чему способствуетъ Магія, о которой поэты впрочемъ болѣе упоминають, нежели говорятъ что-либо опредѣленное, — все таковое ученіе, основанное на установленіи чловѣческомъ, исполнено суевѣрія. Къ сему

разряду опносятся и различныя книги гадашелей по внушренности живописныхъ, и прорицателей по полету птицъ, которыя впрочемъ, при всей суешности ихъ, не столько еще предосудительны, какъ другія. Сюда же принадлежатъ и различныя перевязки и лекарства, — осуждаемыя самою Медициною, и состоящія въ заговариваніяхъ, или какихъ-либо знакахъ, кои называются *характерами*; — такъ же употребленіе различныхъ привѣсокъ, привязокъ и обершковъ, кои дѣлаются не для исправленія членовъ тѣла, а по причинѣ ихъ особенной какой-то силы и значенія, кои иногда содержатся въ тайнѣ, а иногда объявляются. Все это называютъ скромнымъ именемъ Физики, желая тѣмъ показать, что лечатъ какъ будто естественнымъ образомъ, а не по суевѣрію: такъ, напр., привѣшиваютъ серги на верхней части каждаго уха, совѣшуютъ имѣшь на пальцахъ кольца изъ костей Спроуса, держатъ во время икоты правою рукою большой палецъ лѣвой руки и пр.

XXXI.) Подобныхъ суевѣрныхъ замѣчаній чрезвычайное множество. Такъ еще, почитаютъ знаменательнымъ, если какой-либо членъ тѣла приходитъ въ необыкновенное движеніе и свербитъ;

если случится друзьямъ, идущимъ вмѣстѣ, увидѣть межъ себя лежащій камень, или—если между ими проходитъ собака, или дишя. Въ послѣднемъ случаѣ достойно сожалѣнія не столько то, что друзья попираютъ обыкновенно ногами своими оный камень,—какъ предвѣспникъ разрывающейся дружбы, сколько то, что они бьютъ и невинное дишя, пробѣгающее между ними. Но за дѣшею опмщаютъ часто собаки: нѣкошорые, по суевѣрію, бьютъ и собаку, проходящую между ними; но это не всегда проходитъ имъ безъ наказанія; собака иногда вдругъ опъ мнимаго лекарства препровождаетъ врага своего къ испинному медику.—Къ сему же роду суевѣрій относятся и слѣдующія: бить ногою объ порогъ, когда проходишь мимо своего дома; опять ложиться на постель, когда, обуваясь, начнешъ чихать; возвращаться въ домъ, когда, вышедъ изъ онаго, споткнешся на чтолибо; шрепешать опъ представленія будущаго несчастія, почти не сожалѣя онастоящей потерѣ,—когда мыши шочашъ платье. Посему послѣднему случаю прекрасно сказалъ Катонъ одному человѣку, который просилъ у него совѣта, жалуясь на то, что сапоги его испочены мышами: то

не чудо, сказалъ онъ, что мыши пощашь сапоги; но было бы чудо, если бы сапоги начали пощипывать мышей.

XXXII.) Опытъ подобныхъ столь вредныхъ суевѣрій не свободны и пѣ, которые по причинѣ наблюдений позвѣздамъ, дѣлаемыхъ относительно дней рожденія, названы предсказывателями судьбы новорожденныхъ (genethliaci), а нынѣ вообще называются Магематиками. Ибо, какія бы они ни дѣлали наблюденья въ разсужденіи истиннаго положенія звѣздъ тогда, когда кто-либо рождается, и сколько бы ни успѣвали въ семъ; но, усиливаясь на основаніи опытовъ своихъ, предсказывать намъ будущія наши дѣйствія, или слѣдствія нашихъ дѣйствій, симъ самымъ они и сами чрезвычайно заблуждаются, а неопытнымъ людямъ продаютъ не предсказанія, а жалкое рабство. Ибо всякъ, дошедъ свободный, приходя къ такому Магематику, даетъ ему деньги, чтобы выигралъ опять него рабомъ Марса, или Венеры, или лучше, всѣхъ звѣздъ, названныхъ (пѣми, кои первые впали въ заблужденіе и передали его потомству), по нѣкоторому сходству ихъ съ извѣстными живописными, именами сихъ живописныхъ, а изъ почтенія къ нѣкоторымъ важ-

нымъ людямъ—именами сихъ людей. Такъ Римляне—въ недавнее еще время хотѣли назвать звѣзду, именуемую у насъ Люциферомъ, въ честь Цезаря—именемъ Цезаря. И такое названіе, можешь быть, дѣйствительно оспалось бы за денницею, и перешло бы въ потомство, если бы не предвосхищала сей чести себѣ бабка Цезаря—Венера, копорая, къ сожалѣнію, сама не имѣла никакого права перевести на своихъ наслѣдниковъ то, чего при жизни своей не имѣла, и, вѣроятно, имѣть не домогалась. Ибо, когда было праздно мѣсто, не занятое никѣмъ изъ умершихъ предковъ; то не замедлили послушны такъ, какъ обыкновенно послупающъ въ подобныхъ случаяхъ,—заставили насъ Мѣсяцы Квинтилій и Секстилій называть Юлемъ и Августомъ въ честь Цезарей—Юлія и Августа: какъ будто для того, чтобы всякъ, желающій, видѣлъ и зналъ, что сіи звѣзды находились на небѣ спокрапъ прежде, нежели явились на свѣтъ оныя люди!.. А дававшіе звѣздамъ имена лицъ, по указу ли кесарей или по собственному произволу и суешности, представляли себѣ, что они чрезъ то самое, по смерти оныхъ лицъ, возносятъ ихъ на небо! Напрошивъ

какія бы имена ни давали люди звѣздамъ, все—онѣ суть только звѣзды, созданныя и успроенныя въ порядкѣ природы по волѣ Творца для того, чтобы движеніемъ своимъ производили перемѣну и разнообразіе временъ. Замѣчашъ, каково это движеніе бываетъ въ ту пору, когда кто-либо рождается, очень удобно,—на основаніи правилъ, коихъ изобрѣшашелей Св. Писаніе давно осудило сими словами: *аще толико возмогша ебѣдѣти, да возмогутъ црзцѣмѣти ебѣдѣ, сихъ же Владыку како скорѣе не обрѣтоша* (а)?

XXXIII.) Но весьма заблуждаютъ, и выказываютъ крайнее безразсудство тѣ, кои, на основаніи подобныхъ наблюденій, хопятъ предсказывать о свойствахъ и нравахъ, о будущихъ дѣйствіяхъ и приключеніяхъ новорожденнаго. Суевѣріе сіе безъ всякаго сомнѣнія и жалости отвергаютъ уже всѣ, которые опытомъ научились опущаться отъ подобныхъ глупостей. Ибо наблюденія, дѣлаемыя въ семь случаевъ надъ звѣздами, ограничивающія примѣчаніемъ того, въ какомъ положеніи находяща, такъ называемыя, со-

звѣздѣ, когда раждается дитя, о судьбѣ кошпорого одни несчастные спрашиваютъ у другихъ несчастнѣйшихъ. Но, иные близнецы такъ скоро выходятъ одинъ за другимъ изъ утробы матерней, что не примѣтно бываетъ почти никакого промежутка времени между рожденіемъ ихъ; а посему нельзя означить сего промежутка никакою особенностію со стороны созвѣздій. Изъ сего необходимо должно заключить, что нѣкошпорые близнецы раждаются подѣ одинаковымъ созвѣздіемъ: между нѣмъ обстоятельство жизни ихъ бываютъ не только не одинаковы, но даже противоположны, такъ что одинъ изъ нихъ наслаждается полнымъ счастіемъ, а другой перпишетъ величайшія бѣдствія. Примѣромъ сего могутъ быть близнецы—Исавъ и Іаковъ, изъ коихъ послѣдній, при рожденіи, даже держался пятою перваго (а). Посему, относительно дня и часа ихъ рожденія, не иное можно было сдѣлать замѣчаніе, какъ то, что оно произошло подѣ однимъ созвѣздіемъ; но Писаніе, проповѣданное уже на всѣхъ языкахъ, постоянно свидѣтельствуешь, какъ различны были между

(а) Быт. XXV, 25.

собою Исавъ и Иаковъ— по правамъ ,
поступкамъ , занятіямъ и успѣхамъ .

XXXIV .) Здѣсь не имѣеть ника-
кой силы то возраженіе , что и одно ма-
лое мгновеніе , разграничивающее время
рожденія близнецовъ , весьма значи-
тельно въ цѣломъ мірѣ , при необыкно-
венно— скоромъ движеніи плѣтъ небес-
ныхъ . Ибо , если и допустить , что
оно весьма значительно ; то , по край-
ней мѣрѣ , въ продолженіе его Мате-
машикъ ничего не можетъ замѣнить
особеннаго въ созвѣздіяхъ , при взглядѣ
на кои , онъ вызывается предсказать
будущую судьбу раждающихся . Если
же онъ въ такомъ случаѣ ничего не
замѣчаетъ особеннаго въ созвѣздіяхъ ;—
если , по его словамъ , Исавъ и Иа-
ковъ должны были родиться подъ
однимъ созвѣздіемъ : то что пользы
ему , что въ продолженіи и одного
мгновенія бываетъ перемѣна на не-
бѣ , (которое онъ безразсудными дѣй-
ствіями своими такъ жалко поно-
ситъ) но не бываетъ ея на его таб-
личкѣ , на которую онъ напрасно съ
такою заботливостію смотритъ ?—
На таковыя мнѣнія людей о важности
нѣкоторыхъ гадашальныхъ знаковъ , у-
становленныхъ предубѣжденіемъ чело-
вѣческимъ . въ нѣкоторомъ отношеніи ,

не иначе надобно смотрѣть, какъ на нѣ-
котораго рода договоръ и условіе съ
злыми духами .

XXXV.) Въ самомъ дѣлѣ, люди,
приспрасившіеся къ пагубной на-
укѣ гадашь, которая собственно
есть наука только издѣваться надъ
другими и обманывать ихъ,— за та-
кое приспрасіе свое, по нѣкоему
тайному суду Божію, подпадають
нѣрѣдко тайному вліянію падшихъ Ан-
геловъ, которые смѣются надъ ними и
обманываютъ ихъ,— пѣхъ Ангеловъ,
коимъ, сообразно премудро уста-
новленному порядку вещей,— по зако-
ну Божественнаго Провидѣнія, по-
пускается иногда имѣть нѣкоторое
вліяніе на сію низшую часть міра .
Отъ сихъ насмѣшекъ и обмановъ злыхъ
духовъ происходитъ то, что суе-
вѣрное и гибельное искусство прорица-
нія иногда дѣйствительно открыва-
етъ прорицателямъ нѣчто изъ про-
шедшаго и будущаго,— и сказывается
имъ немало такаго, что въ послѣд-
ствіи времени оправдывается опча-
сти событіями, и соотвѣтствуетъ
собственнымъ ихъ наблюденіямъ. Та-
кія небольшія удачи возбуждають
и дѣлають ихъ любопытство, въ
слѣдствіе чего они, болѣе и болѣе,
запущиваются и запущивають дру-

гихъ въ сѣни зловреднаго заблужденія. О семъ родѣ душевнаго любодѣянія, въ предосторожность намъ, не умолчало и Св. Писаніе: оно отвращаетъ нашу душу отъ него не тѣмъ только, что называетъ обманщиками всякихъ гадальщиковъ, но и тѣмъ, что запрещаетъ вѣрять имъ и тогда, когда бы предсказанія ихъ сбывались: *Аще встанетъ въ тебѣ пророкъ, или видѣль сонѣ, и дастъ тебѣ знаменіе или чудо, и придетъ знаменіе или чудо, еже рече къ тебѣ глаголя: идемъ, да послужимъ богомъ инымъ: да не послушаете глаголъ пророка того, или видѣщаго сонъ той* (а). Инакимъ образомъ, даже вѣрность подобныхъ предсказаній нисколько не оправдываетъ самой науки предсказывать. Посему святоотечественное искусство, при помощи котораго воззвана была тѣнь умершаго Самуила (б), достойно всего отвращенія и проклятія, хотя тѣнь она, будучи представлена Царю Саулу, предрекла ему истину (в). И Апостоль Павелъ, какъ свидѣтельствуетъ книга Дѣяній, неощадила духа злобы въ нѣкоей чревоушачельницѣ, но запретилъ ему, и изгналъ его изъ жен-

(а) Второз. XIII, 1—5. (б) 1 Цар. XXVIII, 17.

(в) Сир. XLVI, 25.

щины, не смотря на то, что она симъ духомъ изрекла истинное свидѣтельство объ Апостолахъ.

XXXVI.)[†] Посему Христіанинъ долженъ презиратьъ и отвергатьъ всѣ тѣ искусства и науки, которыя, будучи основаны на столь безразсудномъ и вредномъ суевѣріи, предполагаютъ еще нѣкоторое сообщеніе людей съ дьяволами,— долженъ удаляться ихъ, какъ удаляешься вѣроломнаго и опаснаго дружества. *Это не потому, говоритъ Апостоль, научая презиратьъ идолопоклонство, что идолъ есть что-нибудь, но потому, что приносящіе ему жертвы, приносятъ бѣсамъ, а не Богу: а я не хочу, чтобы вы были въ сообщеніи съ бѣсами (а).* Что сказалъ Апостоль объ идолахъ и о жертвоприношеніяхъ, совершаемыхъ въ честь Идоловъ, то должно разумѣть и о всѣхъ прочихъ видахъ и предметахъ суевѣрія, кои ведутъ къ идолопоклонству, къ воздаянію Божескаго почтенія твари или какой-либо части ея, внушаютъ различныя суевѣрныя дѣйствія и замѣчанія,— о всемъ томъ, что не установлено свыше, для всеобщаго употребленія,

(а) 1 Кор. X, 19.

по духу любви къ Богу и ближнему, а есть слѣдствіе одной любостыжательности частныхъ лицъ, и только разспроиваетъ сердца слабыхъ. Во всѣхъ сихъ искусствахъ должно бояться и избѣгать сообщенія съ бѣсами, которые съ начальникомъ своимъ— Діаволомъ не о чемъ сполько не стараются, какъ о помъ, чтобы удерживать насъ въ сообщеніи съ собою и не дасть намъ обратиться къ Богу. Между шѣмъ, къ сожалѣнію, у людей составились ложныя мнѣнія не объ однихъ звѣздахъ, которыя своимъ бытіемъ и успроеніемъ въ порядкѣ творенія возвѣщающъ шокмо славу Божию, а не судьбу человѣческую: многіе много уже написали относительно прочихъ случаевъ рожденія (у живошныхъ), и вообще относительно различныхъ произшествій міра, забывъ, что они совершаются, подъ управленіемъ Божественнаго провидѣнія, а не нашихъ мудрованій:— мечпы и догадки вразсужденіи сего выдающъ даже за швердыя правила, какъ бы оправданныя самыми опытами. А какіе это опыты? шакая-шо ослица родила шамъ шо громовый ударъ разбилъ шо и шо,— то есть, послѣдовало что-либо нешакъ обыкновенное.

XXXVII.) Всѣ подобныя суевѣрныя дѣйствія пополику бывають иногда значительны, пополику, изъ сердечнаго предубѣжденія въ пользу ихъ бѣдныхъ людей образовался нѣкошораго рода какъбы всеобщій договоръ съ демонами; между тѣмъ. Какъ сами по себѣ онѣ всѣ исполнены только вреднаго любопытства, мучительныхъ забобъ и гибельнаго рабства. Ибо онѣ не попому замѣчены людьми, чтобы дѣйствительно имѣли какую-либо силу, — но попому имѣють нерѣдко силу, что люди посредствомъ своихъ замѣчаній и примѣтъ, шакъ сказашъ, вынудили ихъ имѣть какую-либо силу. По сей-то причинѣ послѣдствія ихъ не для всѣхъ бывають одинаковы, но большею частію сообразны съ мыслями и предубѣжденіемъ cadaго. Ибо злые духи, желая содержать челоѣка въ обманѣ, льстятъ ему доставленіемъ того, что, какъ они видятъ, сообразно съ его ожиданіями и хотѣніемъ. Для поясненія сего предмета употребимъ нѣсколько примѣровъ: крестообразная буква Х, иное значить у Грековъ, а иное у Латинянъ, и это зависитъ не отъ свойства самой буквы, а отъ произвола и взаимнаго условія людей, — соединятъ съ нею то или другое значеніе; и по-

тому человекъ, знающій Греческій и Лашинскій языки, пиша къ Греку, совсѣмъ въ другомъ значеніи употребляетъ букву Х, нежели въ какомъ употребляетъ ее, пиша къ Лашинянину. Такъ же слово— *бета* у Грековъ есть названіе извѣстной буквы (β виша), а у Лашинянъ означаетъ огородное зѣліе; подобнымъ образомъ когда произношу слово *Lege*: то иное разумѣетъ Грекъ (говори),—иное Лашинянинъ (чишай). Такое различіе значеній въ однихъ и тѣхъ же словахъ, и ихъ относительная вразумительность, очевидно, зависящъ отъ тѣхъ условій, какія люди поставили между собою въ разсужденіи ихъ;—неусловія произошли отъ значеній, а значенія отъ условій: такимъ точномъ образомъ и сила различныхъ суевѣрныхъ дѣйствій, которыя ведутъ къ гибельной связи съ бѣсами, зависящъ отъ частныхъ наблюденій и предрасудковъ . каждаго, а не отъ нихъ самихъ. Все это яснѣйшимъ образомъ показываютъ обряды и обыкновеніе ппицегадателей, ни предъ наблюденіями, ни послѣ, не допускаятъ смотрѣть на полетъ ппицъ, или слышать крикъ ихъ; почему? потому что всѣ сіи примѣты весьма ничтожны сами по себѣ, если не предваренъ въ пользу ихъ наблюдающій.

XXXVIII.) Пожелавъ Христіанину совершенной свободы отъ подобныхъ вредныхъ и Богопротивныхъ суевѣрій, я долженъ еще разсмотрѣть шѣ *установленія* или *изобрѣшенія* человѣческія, которыя не заключающъ въ себѣ ничего суевѣрнаго, и которыя одолжены своимъ происхожденіемъ собственно людямъ, безъ всякаго сообщенія ихъ съ бѣсами. Сюда относятся все то, что находится въ употребленіи у людей, и имѣющъ свое значеніе, такое или другое, не само по себѣ, а по одной только волѣ человѣческой,—изъ каковыхъ вещей одни вовсе не нужны и служатъ болѣе для удовольствія и роскоши, а другія полезны и необходимы. Ибо, еслибы различные знаки, представляемые, напр., танцующими комедіантами, были понятны сами по себѣ—естественно, а не по принятому обычаю—соединяшъ съ ними извѣстные значенія: то не было бы, напр. нужды, чтобы герольдъ народный извѣщалъ Карегенянамъ, что хотѣлъ подобными знаками выразить одинъ ихъ пантомимикъ, танцовавшій предъ ними, какъ объ этомъ доселѣ рассказываютъ многіе старые люди, отъ коихъ и мы это слышали. Да и нечего дивиться въ семъ отношеніи Карегенянамъ, когда и теперь

еще, у насъ самихъ, челоѣкъ, неопыт-
ный въ сужденіи подобныхъ мелочей,
вошедъ въ театръ, при всемъ своемъ
вниманіи, не понимаетъ значенія дѣй-
ствій, представляемыхъ тамъ паншо-
мимами, если кто-либо другой не
изъяснитъ ему оныхъ. Правда, что
всѣ желаютъ видѣть ближайшее сход-
ство означающаго съ означаемымъ, и-
е. чіобы знаки, сколько возможно, бы-
ли подобны предметамъ, ими выражае-
мымъ и стараются достигнуть се-
го: но поелику одно можетъ быть
подобно другому въ различныхъ отноше-
ніяхъ; то вообще вразумительность
знаковъ, по необходимости, зависитъ
отъ предварительно—условнаго согла-
сія въ значеніи ихъ. ♦

XXXIX.) Что касается до про-
изведеній живописи, ваянія и другихъ
подобныхъ искусствъ, особенно если
сія произведенія ознаменованы опытно-
стію художниковъ,—то всякой при
взглядѣ на оныя большею частию, не-
погрѣшительно узнаешь, чему они по-
добны и что ими выражается. Не
смотря на то, и эти произведенія
должны быть относимы болѣе къ
роду ненужныхъ вещей;—исключая
нѣ, кои ясно показываютъ свое
особенное какое-либо значеніе; по-

будительную причину, мѣсто, время и особенную—цѣль происхожденія. Наконецъ, къ числу совершенно без-
полезныхъ изобрѣшеній человѣчес-
кихъ относятся тысячи различ-
ныхъ басенъ и вымысловъ, кошо-
рыми издавна забавляющся люди. И
вообще должно сказать, что между
изобрѣшеніями человѣческими, чемъ
болѣе какое произошло отъ самихъ
людей, тѣмъ болѣе исполнено лжи и
обмана. Полезныя же и необходимыя
установленія человѣческія суть тѣ,
коими опредѣляется извѣстный об-
разъ одежды и уборовъ, для различія
пола и званія,—также безчисленные
роды знаковъ, безъ которыхъ обще-
ство человѣческое или во все бытъ
неможетъ, или было бы несовершен-
но;—куда должно отнести извѣст-
ный вѣсъ, мѣру, клеймо и цѣну мо-
нетъ;—что все у всякаго народа и
общества—свое, въ особенномъ видѣ,—
и что, безъ сомнѣнія, небыло бы раз-
лично у различныхъ народовъ, и въ
одномъ и томъ же народѣ не измѣня-
лось бы по волѣ правителей, если бы
не было вообще установленіемъ че-
ловѣческимъ.

XL.) Христіанинъ не только не-
долженъ презирать постановленій чело-

вѣческихъ , нужныхъ въ жизни , но долженъ , сколько можно , наблюдать ихъ и удерживать въ памяти . Ибо въ числѣ ихъ есть такія , коихъ черпы сняты съ самой природы . Изъ постановленій человѣческихъ должны быть отвергаемы и презираемы тѣ только , копорыя относяща , какъ выше замѣчено , къ сообщенію съ бѣсами; всѣ же прочія , коими люди соединяются съ людьми,—кромѣ ненужныхъ и излишнихъ , достойны нашего вниманія : таковы особенно начертанія письменъ , безъ копорыхъ мы читать не можемъ ,—различные языки , познаніе копорыхъ нужно , какъ мы о томъ сказали выше . Сюда же относяща и знаки сокращенія , извѣстныя такъ называемымъ вошаріямъ или писцамъ подъ сокращеніями . Все это знать полезно ,—всему этому учиться позволено;—оно неведетъ къ суевѣрію , не есть что-либо излишнее , если сколько занимаешь насъ , что не препятствуетъ намъ къ достиженію высшихъ цѣлей , для копорыхъ все это собственно и должно быть предназначено .

XLI.) Теперь обратимся къ установленіямъ не человѣческаго произхожденія : къ нимъ должно отнести все

по, что неизобрѣшено самими людьми, а принято ими опъ прежнихъ временъ, или свѣше, опъ Бога, въ чьихъ бы рукахъ и успахъ оно попомъ ни сохранилось. Изъ сихъ опкрытій одни касающя шѣла и чувствъ, другія души и разума. Первыя состоятъ или изъ повѣспованій, или изъ описаній, или наконецъ изъ опыловъ и дѣлъ механическихъ.

XLII.) Такимъ образомъ все, что повѣспвуетъ о преемспвенномъ послѣдованіи прошедшихъ временъ, такъ называемая, Испорія, весьма много способствуетъ намъ къ уразумѣнію священныхъ книгъ, хотя, безъ опношенія ея къ Церкви, она составляетъ науку самую дѣшскую. Ибо, мы многое въ писаніи раскрываемъ и по Олимпіадамъ, и по именамъ консуловъ; какъ напрошивъ незнаніе консулства, во время кошораго родился Господь, и при кошоромъ поспрадалъ Онъ, ввело нѣкопорыхъ въ шакое заблужденіе, будшо Господь поспрадалъ на сорокъ шестомъ году своей жизни,—пошому что Іерусалимскій храмъ, прообразовавшій шѣло Господне, спроился сорокъ шестъ лѣтъ, какъ говорили Іудеи.—Что Іисусъ Христосъ былъ лѣтъ около шридцаши, когда крестил-

я, эно мы вѣрно знаемъ изъ Евангелія (а); но какъ долго Онъ жилъ на землѣ, послѣ крещенія, о семъ мы можемъ только гадательно заключать, взявъ въ разсмотрѣнїе дѣла Его; съ большею же точностію эно можетъ быть опредѣлено изъ Исторіи языческой, по снесеніи ея съ Евангеліемъ. Тутъ открываеиъся и то, что не напрасно упомянуто о сорокошестилѣтнемъ строеніи храма Иерусалимскаго. Поелику сіе число лѣтъ никакъ не можетъ быть примѣнено къ лѣтамъ земной жизни І. Христа; то оно безъ сомнѣнїа, имѣетъ какое-либо особенно-знаменательное отношеніе къ устройенію плѣа человѣческаго, которое, изъ любви къ намъ, не возгнушался принять на себя едиnorodный Сынъ Божій, *или же вся быша.*

XLIII.) Польза Исторіи сдѣлается для насъ еще болѣе ясною, когда представимъ себѣ, сколь важное употребленіе сдѣлалъ изъ нея (не говоря уже о писателяхъ Греческихъ) нашъ Амвросій противъ чинашелей и любителей Платона, державшихъ говорить, что все ученіе Господа нашего І. Христа, столь высокое и прославляемое ими самими, заим-

(а) Лук. IV, 22.

ствовано изъ сочиненій Платона, — того Платона, который жилъ гораздо ранѣе нашего Спасителя! — Упомянутый Епископъ не съ большею ли достоверностію, при помощи Исторіи, доказалъ вовсе противное дерзкой мысли любителей Платона (а)? — Нашедъ въ Исторіи, что сей славный Греческій Философъ предпринималъ путешествіе въ Египетъ, во время Іереміи, и именно тогда, какъ и самъ Пророкъ сей былъ въ Египтѣ, онъ самымъ правдоподобнымъ образомъ вывелъ изъ того, что все лучшее въ ученіи и сочиненіяхъ Платона есть слѣдствіе наставленій, которое преподалъ ему Іеремія. Ибо ученіе Еврейскаго народа, въ которомъ одномъ сіяло почитаніе единого Бога, и изъ котораго пришелъ къ намъ люто плоши Господь нашъ, явилось гораздо ранѣе времени самаго Пифагора, у позднѣйшихъ послѣдовавшихъ котораго Платонъ, какъ говорятъ сами любители его, учился Богословію. Ишакъ, по соображеніи временъ, гораздо вѣроятнѣйшимъ оказывается то, что языческіе мудрецы, въ лучшихъ и болѣе вѣрныхъ мѣстахъ своего ученія, заимствовали отъ ученія нашего, нежели — что Господь нашъ І.

а) 2 Кнѣз. с. 4, п. 2.

Христосъ заимствовалъ свое ученіе отъ Плапона,— что совершенно ложно и нелѣно .

XLIV.) Поелику Исторія между прочимъ повѣствуетъ и о всѣхъ прошедшихъ установленіяхъ или произведеніяхъ человѣческихъ; по самую Исторію пошому самому уже не должно относить къ числу изобрѣненій собственно человѣческихъ,— что показывается и самый предметъ ея; ибо все прошедшее не можетъ уже быть передѣланнымъ и должно оставаться на всегда въ томъ порядкѣ времени, котораго Творецъ и Правитель есть одинъ Богъ. Иное дѣло—повѣствовать о событіяхъ, иное—учить что-либо дѣлать . Исторія повѣствуетъ о минувшихъ происшествіяхъ съ достоверностію, имѣя въ виду пользу чинашелей; книги же гадашелей и другія, подобныя имъ, сочиненія учатъ что-либо дѣлать или наблюдать, имѣя, вмѣсто всякаго основанія, только дерзость учителей, а не достоверность повѣствователей.

XLV.) Есть еще повѣствованія, подобныя рѣчи описательной, (*demonstratio*) кои имѣють предметомъ своимъ не прошедшее что-либо, а насипощее . Таковы сказанія о мѣсто-

положеніи спранъ, о свойствахъ извѣстныхъ животныхъ, деревъ, травъ, камней, и другихъ вещей. О всѣхъ сихъ предметахъ мы разсуждали выше, и сказали, что знаніе ихъ способствуетъ къ уразумѣнію многихъ иносказательныхъ мѣстъ Писанія: только они сами не должны быть употребляемы вмѣстѣ знаковъ, ведущихъ къ какому-либо суевѣрію; въ семъ послѣднемъ отношеніи занятіе ими мы уже называли не позволимельнымъ. Ибо иное дѣло сказать: у тебя не будетъ болѣе животи, если, наперши такой-то травы, будешь пить воду, ею наспоянную; иное: у тебя не будетъ болѣе животи, если повѣсишь сію траву себѣ на шею. Въ первомъ случаѣ употребленіе вещи бываетъ полезное, и одобряется; въ послѣднемъ—суевѣрное предубѣжденіе вразсужденіи ея, и охудается. Но можно свободно пользоваться извѣстною вещію, которая служишь къ здоровью тѣла, будучи къ нему приязана, или другимъ какимъ-либо образомъ приложена, хотябы неизвѣстно было, какимъ именно образомъ имѣетъ она столь благошворное вліяніе на тѣло:—главное правило въ семъ случаѣ то, чтобы при употребленіи ея не было никакихъ заговариваній, призываній

и суевѣрныхъ примѣтъ; иначе Христіанинъ шѣмъ болѣе долженъ бояшся пользоваться ею, чѣмъ болѣе она кажется полезною ему. Когда неизвѣстно, почему какая-либо вещь полезна и имѣешь, шакую или другую, силу: то въ шакомъ случаѣ позво-лительность или непозволительность употребленія ея зависить отъ употребляющаго, то-есть, отъ того, въ какомъ духѣ и съ какою цѣлю она употребляется: сею цѣлю должно быть только возстановленіе или благо-распвореніе шѣлесной природы;— по-сему подобныя вещи и должны быть употребляемы только въ Медицинѣ и Земледѣліи.

XLVI.) Ученіе о шѣлахъ небесныхъ соснойтъ не изъ повѣствованій, — а изъ описаній, коими нельзя пренебрегать во все; пошому что Св. Писаніе, хотя о не многихъ звѣздахъ, но упоминаетъ. И шеченіе Луны, по приспособленію къ копорому ежегодно празднуется извѣстное время — въ честь шриданія Господа, само по себѣ, извѣстно многимъ: но весьма немалгіе хорошо знаютъ время восхожденія, заходенія и друга особен-ности прочихъ свѣтилъ небесныхъ. И, сказавъ правду, сіе познаніе само

по себѣ хотя ничего не представляющъ, суевѣрнаго; несмотря на то, для занимающагося Божественнымъ Писаніемъ не много полезно, а при безплодномъ усиліи извлекаешь изъ него то, чего въ немъ нѣтъ и быть не можешь, бываешь даже вредно; и пошъ немного перяешь, кпо во все не занимается имъ, какъ такимъ предметомъ, который служишь основаніемъ пагубнымъ обманамъ, издавна находясь въ рукахъ шарлатановъ и слѣпыхъ прорицателей. Впрочемъ ученіе о звѣздахъ, кромѣ описанія предметовъ настоящихъ, въ нѣкоторыхъ часяхъ своихъ имѣетъ видъ повѣствованія о прошедшемъ; ибо, опъ настоящего положенія и движенія звѣздъ, можно съ спротою правильною заключать къ прошедшему и такимъ образомъ возобновлять прежнія ихъ слѣды и положенія. Кромѣ сего оно предлагаетъ вѣрныя, на исчисленіи основанныя предсказанія и о будущемъ, — только не вразсужденіи нашихъ дѣлъ и приключеній, о которыхъ обыкновенно бредяшь прорицатели, а вразсужденіи самихъ же звѣздъ. Ибо, зная, какою мѣною мыслятъ, въ следствіи счисленія должно нѣтъ ли казаться, — какою быль и какою небыло-то время за нѣсколько дѣтъ предъ нами —

и какой будешь чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего.— Подобное сему могушь говорить и о всякой звѣздѣ люди, надлежащимъ образомъ занимающіеся звѣздочесствомъ. Но—я уже довольно сказалъ, что, по моему мнѣнію, нужно было сказать о употребленіи сего рода знаній.—

XLVII.) подобнымъ же образомъ, на основаніи прошедшихъ опытовъ, вѣрно предугадывается будущее и вразсужденіи прочихъ искусствъ, которыя, или производящъ что-либо на долго остающееся, какъ напр. домъ, спуль, какой-либо сосудъ, и прочее, шому подобное;— или даже служащъ, можно сказать, орудіемъ благошворныхъ для насъ дѣйствій Божіихъ, каковы: врачебная наука, Земледѣліе, наука правленія;— или ограничивающія однимъ только представленіемъ дѣйствій, каковы—панцы, ристалища, борьба. Всякой занимающійся сими искусствами, не иначе приступаетъ къ самому дѣлу, какъ на основаніи прошедшихъ опытовъ,— съ увѣренностію въ успѣхъ будущихъ. Познаніе о всѣхъ сихъ искусствахъ, какъ имѣющее не малое приложеніе въ обыкновенной жизни человѣческой, и для насъ не бесполезно,—не для того, чтобы самому заниматься ими на дѣлѣ,

развѣ потребуешь того какая-либо нужда,— о чемъ я здѣсь неговорю,— но для того, чтобы имѣть возможность хотя сколько-нибудь судить о сихъ искусствахъ самъ, гдѣ Св. Писаніе касается ихъ иносказаніями, ошъ нихъ занятыми .

XLVIII.) Теперь остается сказать о наукахъ умственныхъ , изъ коихъ особенно достойны нашего вниманія— наука разсуждать и наука счислять. Первая весьма много способствуетъ къ разрѣшенію трудныхъ мѣстъ Писанія; но не должно употреблять ее изъ одного желанія спорить и дѣшскаго тщеславія— уловлять противника . Ибо много есть, такъ называемыхъ, Софизмовъ , то-есть , ложныхъ слѣдствій на основаніи истинныхъ причинъ ,— которые такъ бывають иногда правдоподобны , что , будучи принимаемы безъ надлежащаго вниманія, уловляють не только людей простыхъ, но и самыхъ остроумныхъ. Такъ нѣкто предложилъ другому слѣдующее: *ты не то , что я* ; послѣдній согласился на сіе положеніе, пошому что оно было отчасти и истинно: предлагавшій былъ хитръ, а шотъ простъ . Но я—*теловѣкъ*, прибавилъ первый. Когда было допущено и сіе ; шо онъ

заклучилъ: *слѣд. ты не теловѣкъ*. Самѣ Писаніе, по моему мнѣнію, осуждаетъ всѣ подобныя умствованія, когда говоришь: *умудряйся въ словесѣхъ ненавиди* (а). Софистическою рѣчью называется и та, копорая, хотя не заключаетъ въ себѣ подобныхъ хипро-сплепений, но—болѣе обильна, и вразсужденіи красоты словъ, болѣе изысканна, нежели сколько бы требо-вала того важность ея предмета.)

XLIX.) Бываютъ умозаклученія вѣрныя по соединенію мыслей, но невѣрныя по самымъ мыслямъ, кои выходятъ изъ какого-либо ложнаго положенія, принятаго за истину тѣмъ, съ кѣмъ мы говоримъ.— Самые добрые и ученые люди употребляютъ ихъ для того, чтобы заблуждающіе устыдились своихъ мыслей и оставили ихъ, изъ опасенія, въ пропивномъ случаѣ, явно показавъ свою привязанность къ тому, что сами почи-яють невѣрнымъ. Такъ, Апостолъ не истину выводилъ въ заключеніи, когда говорилъ: *то Христосъ не воста*, или: *тице убо проповѣданіе наше, тича же и вѣра ваша* (б): всѣ сіи мысли совершенно ложны; послику

(а) Сирах. XXXVII, 25. (б) 1 Кор. XV, 14.

и Христосъ воскресъ, и нещепна была проповѣдь ихъ, которые возвѣщали о семъ,— ни вѣра ихъ, которые повѣрили сему: между тѣмъ мысли сіи, заключающіяся въ вышеприведенныхъ словахъ его, не смотря на ихъ ложь, находящаяся въ истинной и необходимой связи съ мыслию: *воскресеніи мертвыхъ нѣсть*. Для чегоже употреблены сіи мысли Апостоломъ? Для того, что опровергнувъ первую, которая была бы справедлива, если бы была справедлива послѣдняя, мы необходимо заключаемъ, что мертвые воскресаютъ.—Соединяя истиннымъ образомъ между собою мысли не только вѣрныя, но и ложныя удобно можно научиться въ школахъ мірскихъ, въ Церкви; но истина мыслей преимущественно должна быть почерпаема изъ Св. Писанія.

L.) Истина соединенія мыслей не есть изобрѣшеніе человѣческое: она только дознана людьми, и замѣчена для того, чтобы можно было ей учиться и учить;—сама же въ себѣ она есть вѣчный законъ природы, свыше установленный. Какъ толь, кто повѣствуетъ, по порядку времени, о различныхъ событіяхъ, ничего въ семъ порядкѣ не изобрѣшаетъ самъ;—кто

говорить о мѣстоположеніи извѣстныхъ странъ, о свойствахъ какихъ-либо живописныхъ, растений и камней, о звѣздахъ и ихъ движеніи, — ничего не говорить такого, что было бы измыслено имъ самимъ, или изобрѣшено другими: равнымъ образомъ, кто говоритъ: *если ложно послѣдующее, то необходимо ложно и предыдущее*, — говоритъ самую правду; но сія правда не опъ него зависить, а онъ показываетъ только, что это правда. На семъ самомъ умоположеніи, или Логическомъ законѣ утверждается сила и вышеприведенныхъ словъ Апостола; ибо имъ предшесвуешь слѣдующая ложная мысль: *воскресенія мертвыхъ нѣсть*. (такъ говорили нѣкошорые, коихъ Апостолъ хотѣлъ вывести изъ заблужденія). Изъ сихъ словъ — *воскресенія мертвыхъ нѣсть* — необходимо слѣдуетъ: *Христосъ не воста*; но сіе слѣдствіе ложно, ибо Христосъ воскресъ; слѣд. ложно и то, что служишь основаніемъ ему, — именно, что *воскресенія мертвыхъ нѣсть*. Ипакъ, — еспъ воскресеніе мертвыхъ! Все сіе можно представить короче слѣдующимъ образомъ: *Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ; то и Христосъ не воскресъ: но Христосъ воскресъ; слѣдов. есть воскресеніе мерт-*

выходъ. Законъ сей, по которому, въ слѣдствіе опроверженія послѣдующаго, опровергается и предыдущее, — только дознанъ людьми, а не произвольно ими установленъ, и относящійся къ истинности соединенія мыслей, а не къ истинѣ самыхъ мыслей.

II.) Умозаключеніе о воскресеніи мертвыхъ, изложенное въ упомянутомъ мѣстѣ, вѣрно и по закону соединенія мыслей, и по своему слѣдствію. Но слѣдствія, вѣрныя только по правиламъ соединенія мыслей, могутъ быть выводимы и на основаніи ложныхъ положеній. Такъ, представимъ себѣ, что кто-либо допустилъ слѣдующее наше положеніе: *если улишка есть животное, то имѣетъ даръ слова*. Поелику, при опроверженіи послѣдующаго, какъ мы уже сказали, необходимо опровергается и предыдущее: то, доказавъ, что улишка не имѣетъ дара слова, мы будемъ въ правѣ заключить, что она не есть животное. Мысль сего заключенія, очевидно, ложна; но самое заключеніе, — по правиламъ соединенія мыслей, въ слѣдствіе допущеннаго ложнаго положенія, — истинно. Такимъ образомъ, истина мыслей сама по себѣ имѣетъ доспосовѣдность; но истина соединенія мы-

слей зависить отъ мнѣнія или согласія
ного, съ кѣмъ говоримъ мы. Умоза-
ключенія, вѣрныя по соединенію мы-
слей, но невѣрныя по самымъ мыслямъ,
должны быть употребляемы, какъ
мы выше сказали, для вразумленія
заблуждающихъ и для приведенія ихъ
въ шакое состояніе, въ которомъ они
принуждены были бы сами сознашь
невѣрность своихъ мыслей, видя,
что они ведутъ къ нелѣпымъ заключе-
ніямъ. Но, какъ на основаніи лож-
ныхъ положеній могутъ быть вы-
водимы и истинныя заключенія; такъ,
напроще, на основаніи истинныхъ,
могутъ быть выводимы и ложныя.
Положимъ, что нѣкто говоритъ
намъ: *если такой - то справедливъ*,
то добрѣ;— мы соглашаемся на сіе,
намъ говорятъ попомъ: *онѣ несправед-*
ливѣ;— мы принимаемъ и это; но изъ
сего вдругъ заключають: *слѣд. онѣ*
не добрѣ. Въ семъ умозаключеніи мысли
вѣрны, но невѣрно соединеніе мыслей:
ибо, по опроверженіи предыдущаго, не
сколько необходимо опровергается по-
слѣдующее, сколько необходимо, по оп-
роверженіи послѣдующаго, опровергается
предыдущее. Истинно будетъ наше
положеніе, когда скажемъ: *если онѣ*
Ораторѣ; *то теловѣкѣ*. Но прибавивъ:

онѣ не Ораторѣ,— мы не вѣрно заклю-
чимъ: онѣ не теловѣкѣ.

III.) Посему—иное дѣло, знать пра-
вила соединенія мыслей, иное—знать
самую истину мыслей. Первые учащъ
насъ только тому, что слѣдуетъ
изъ даннаго положенія, что не слѣ-
дуетъ,— и что противорѣчить ему.
Если онѣ Ораторѣ, то теловѣкѣ:— здѣсь
послѣдняя мысль слѣдуетъ изъ первой;
если онѣ теловѣкѣ, то Ораторѣ:— здѣсь
не слѣдуетъ; *если онѣ теловѣкѣ, то суще-*
ство четвероногое:— здѣсь противо-
рѣчимъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ
оцѣнившаяся одна связь мыслей, или ихъ
соединеніе между собою. Чтоже каса-
ется до самой истины въ мысляхъ:
то присемъ должно обращать вниманіе
уже на самыя мысли, а не на соедине-
ніе ихъ, нужное только при заклю-
ченіяхъ: если мысли вѣрны и оче-
видны; то опъ нихъ получаютъ свою
достоувѣрность и другія, менѣе из-
вѣстныя, если только правильно со-
единяются съ ними или выводятся
изъ нихъ.— Нѣкоторые, научившись
правиламъ соединенія мыслей, щце-
славаясь шѣмъ столько, какъ бы на-
учились истинѣ самыхъ мыслей; а
нѣкоторые, зная одни истинны мы-
слей, жалуящся на себя, что незнающъ

правильнаго истиннаго соединенія мыслей . Сія жалоба напрасна : помоему, лучше твердо знать, что есть воскресеніе мертвыхъ, нежели, — что если воскресенія мертвыхъ нѣтъ, то и Христосъ не воскресъ .

III.) Такимъ образомъ , наука дѣлаетъ опредѣленія, раздѣленія и исчисленія частей не есть наука ложная, хотя ее весьма часто употребляютъ для опредѣленія и раздѣленія предметовъ ложныхъ, — и не изобрѣтена, людьми , но только дознана ими на опытъ . Изъ того, что ее употребляютъ Поэты въ своихъ вымыслахъ, лжемудрователи, ерепики и лжеХристиане , — при доказательствахъ своего заблужденія, нисколько не слѣдуетъ, якобы ложно было, напр., то правило, что *въ опредѣленіе и раздѣленіе не должно вносить ничего такого, что не относится къ самому предмету, — ни оставлять того, что относится*. Правило сіе справедливо , хотя предметы опредѣляемые и раздѣляемые могутъ быть ложны . Такъ мы можемъ опредѣлить и самую ложь: *ложь есть то, что представляется совсѣмъ инымъ , нежели каково само въ себѣ есть* . Опредѣленіе вѣрное , хотя предметъ его — ложь не можетъ быть истинною .

Споть же вѣрно мы можемъ и раздѣлить ложь. Два рода ложнаго: къ первому относится то, что вовсе не возможно; ко второму — то, чего нѣтъ, но что можетъ быть. Напр. кто говоритъ, что семь и при составляють одинадцать, говоритъ вовсе невозможное; а кто говоритъ, что въ календы, напр., Генварскія былъ дождь, говоритъ возможное, хотябы сего на самомъ дѣлѣ и не было. Такимъ образомъ опредѣленіе и раздѣленіе самыхъ ложныхъ предметовъ могутъ быть истинныя, хотя самыя предметы нисколько недѣлаются чрезъ то истинными.

LIV.) Такое же точно достоинство имѣють и правила, посредствомъ которыхъ научаемся рассуждать о предметахъ съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ отношеніяхъ, — каковыя правила извѣстны подъ именемъ Краснорѣчія. Сами по себѣ они истинны, хотя могутъ быть употребляемы для убѣжденія другихъ въ чемъ-либо ложномъ; а поелику они же могутъ быть употребляемы для убѣжденія другихъ въ самой истинѣ; то ни мало не предосудительны, — предосудительно только злоупотребленіе ихъ. Не опытъ людей установленъ то, чтобы, напр.,

живое описаніе любви плѣняло слуша-
теля;— чтобы рѣчь крапкая и ясная
была вразумительна для него; чтобы
разнообразіе оной—безъ излишества—
неволью поддерживало вниманіе его.
Не отъ людей установлены и другія
нѣкоторыя правила вишійства, кои
хотя употребляющся къ раскрытію
и истинныхъ и ложныхъ предметовъ,
не смотря на то, — сами по себѣ—испи-
ты;— поколику способствуютъ либо
знать что-либо, либо вѣровать чему
нибудь;— и поколику руководствуютъ
къ убѣжденію сердца въ то, чего
оно должно желать, или ошвращающ-
ся.—Люди только дознали на опытѣ,
что сіи правила почно таковы сами
по себѣ, какими кажутся, а не изобре-
ли ихъ, чтобы они были почно такими.

LV.) Правила Краснорѣчія обра-
зуютъ болѣе даръ слова, нежели спо-
собность мышленія; правила же за-
ключенія, опредѣленія и раздѣленія—
образуютъ болѣе умъ. Впрочемъ, на-
учившись пѣмъ и другимъ, не дол-
жно думать о себѣ, какъ нѣкоторые
думаютъ,— мечтая, будто они до-
стигли чрезъ то самую тайну бла-
женной жизни; это— заблужденіе.
Познаніе сихъ правилъ не столько
важно, какъ представляють его нѣ-

которые: ибо часто случается, что люди скорѣе понимающъ самые предметы, для уразумѣнія которыхъ преподаются правила, нежели запущанные уроки о правилахъ. Напр. еслибъ кто, желая преподавать правила ходить, говорилъ: не должно поднимать второй ноги прежде, нежели будетъ поставлена первая, которая была поднята; далѣе—подробно описалъ бы, какъ должно двигать верхними и нижними частями колѣнь:—такой учитель говорилъ бы правду, ибо иначе, какъ онъ говорилъ, нельзя и ходить; но люди, дѣлая все это и безъ ученія, скорѣе ходящъ, нежели замѣчаютъ, что дѣлается ими при хожденіи,—нежели понимающъ, когда имъ говорятъ о томъ. Тѣже, которые не могутъ ходить и собственнымъ опытомъ подтвердить преподаваемыхъ имъ правилъ, еще менѣе нуждаются въ оныхъ. Подобнымъ образомъ, остроумные люди весьма часто видящъ невѣрность какого-либо умозаключенія скорѣе, нежели понимающъ правила самаго умозаключенія; тупые же, если не видящъ перваго, тѣмъ менѣе разумѣютъ силу послѣднихъ. Вообще, о сихъ правилахъ должно сказать что они чаще досаждаютъ намъ удовольствіе, спо-

собспвуя предсавляшь истину въ различныхъ видахъ, — карпшннымъ образомъ, нежели чшобы споспбспвовали намъ много при нашемъ изслѣдованіи и разсужденіи о истинѣ: въ пользу ихъ можно прибавить развѣ еще то, что они придають уму нашему большую опышность и дѣлають его оборопливѣе: но эта польза достигается совершенно только тогда; если они не дѣлають ума нашего злохипрымъ и надменнымъ, п. е. — если тѣ, копорые научились имъ, не обманываютъ другихъ, умѣя предспавить ложь за истину, и не щещеславятся предъ крошкими и шихими людьми шѣмъ. яко бы они знаютъ и посшигли нѣчто важное.

LVІ.) Что касается до науки о числахъ, то и для самаго проспаго чловѣка ясно, что она сппворена не людьми, но только изслѣдована и опкрыта ими. Ибо въ ней нельзя дѣлать по произволению такихъ перемѣнъ, какія дѣлаются въ кругѣ другихъ наукъ. Такъ, Виргилій захотѣлъ, чшобы первый слогъ слова — *Италія* былъ долгій, и сдѣлалъ то, несмотря на древнее произношеніе, по коему онъ былъ короткимъ: но въ наукѣ о числахъ никакъ нельзя сдѣ-

латъ того, чѣшбы, напр.,—прижды, при небыло девашъ, чѣшбы девашъ, не сосставляло, по отношенію къ корню своему шремъ,—квадраша, небыло вшрое болѣе шрехъ, въ полшора болѣе—шести и, какъ нечешныя числа не имѣють двухъ половинъ равныхъ, могло бышъ ровно вдвое болѣе какого-либо числа. Такимъ образомъ законы числъ, разсмапривашъ ли сіи числа сами въ себѣ, или въ отношеніи къ законамъ какихъ-либо фигуръ, звуковъ и другихъ движеній,— всегда неизмѣнны, и не ушпановлены людьми, а шолько ошкрышы прозорливѣйшими изъ нихъ.

LVII.) Но кто, полюбя всѣ сіи науки, шолько шщеславился бы познаніемъ ихъ предъ неопытными, а не спарался бы изслѣдовать, ошъ чего именно шѣ изъ нихъ ишпинны, копорыя онъ нашель дѣйшвишельно ишпинными,— ошъ чего другія нешолько ишпинны, но и неизмѣняемы; кто, ошъ образа предметовъ чувшвенныхъ восходя къ душѣ человѣческой, позналь бы, что и она ешъ сущешво измѣняемое— бываешъ образована и необразована,— и нешмопря на то, занимаешъ среднее мѣшпо между ишпиною неизмѣняемою, копорая выше ея, и всѣми прочими предметами, копорыя из-

мѣняемы и ниже ея,—кто, говорю, позналъ бы все это, но не обращалъ своихъ познаній къ славѣ и любви единого Бога—Творца всяческихъ: такой человѣкъ достоинъ имени только ученаго человѣка, но отнюдь не мудреца.

LVIII.) Посему юношамъ, приверженнымъ къ наукамъ, юношамъ даровитымъ, имѣющимъ страхъ Божій и взыскующимъ блаженной жизни, весьма полезно, по моему мнѣнію, предложитъ слѣдующее наставленіе: не должно безъ всякаго изслѣдованія увлекаться никакимъ ученіемъ, преподаваемымъ внѣ Церкви Христовой—и ввѣряться ему, какъ руководству къ достиженію блаженной жизни: напропитъ всегда должно предварительно разсудитъ о немъ со всѣмъ вниманіемъ и оспорожностію. Если въ числѣ наукъ, изобрѣшенныхъ людьми, найдутся неспройныя и разногласныя между собою,—по различію духа и намѣренія изобрѣшавшихъ оныя, и сомнительныя,—по подозрѣнію въ заблужденіи самихъ изобрѣшателей, особенно если въ сіи науки привходитъ, явное или тайное, сообщеніе съ демонами, посредствомъ извѣстныхъ магическихъ знаковъ, какъ бы нѣкоторыхъ діавольскихъ условій и договоровъ: то всѣ такія

Науки должны быть отвергаемы и презираемы безъ милосердія. Не должно заниматься и тѣми изъ нихъ, которыя не слишкомъ нужны, и служатъ только для одного удовольствія.—Науки и Постановленія человѣческія, относящіяся къ общежитію, по необходимымъ потребностямъ настоящей жизни, не должны быть пренебрегаемы. Что же касается до прочихъ наукъ Языческихъ; то онѣ, по моему мнѣнію, во все бесполезны: исключая изъ сего только Исторію, повѣствующую о предметахъ прошедшаго или на стоящаго времени,—нѣкоторыя искусства, основанныя на опытѣ и благоразумной догадливости и полезныя для тѣла,—и науку разсуждать (Логику) и считать. Но и въ этихъ даже наукахъ, а особенно имѣющихъ предметомъ своимъ одно чувственное, находящееся во времени и пространствѣ, должно держаться извѣстнаго правила: *ничега лишняго!* (*nequid nimis*).

LIX.) Нѣкоторые предприняли уже прудъ изъяснить всѣ слова Еврейскія, Сирскія, Египетскія и изъ другихъ языковъ, которыя только могутъ встрѣтиться въ Писаніи и не изъясняются имъ самимъ; а Евсевій написалъ и Исторію, на основаніи которой

лучшимъ образомъ рѣшаются многіе вопросы относительно книгъ Священныхъ: все это дѣлается и сдѣлано для того, чтобы избавить Христіанина отъ необходимости прудиться надъ многимъ для малаго. Подобнымъ образомъ вижу, что люди, имѣющіе надлежащія свѣденія, могли бы для пользы собратій рѣшиться на пріятный и благой трудъ—привести въ порядокъ и изложить отдѣльно все, что упоминается въ Писаніи о мѣстоположеніи различныхъ земель, о живошныхъ, шравахъ, деревьяхъ, камняхъ, металлахъ и проч. Можно заняться изыясненіемъ и самыхъ числъ, по крайней мѣрѣ шѣхъ, на которыя указываетъ Писаніе. Вѣроятно и были люди, которые уже изыяснили нѣкоторые или даже всѣ сіи предметы; ибо случается намъ находить многія сочиненія добрыхъ и ученыхъ Христіанъ, о которыхъ мы прежде не знали; такія изыясненія неизвѣстны намъ или по нерадѣнію о нихъ, или съ намѣреніемъ сокрыты отъ насъ завистниками. Незнаю, можно ли предлагаемый мною трудъ предпринять и относительно науки разсуждать (*disputandi* ?—кажется, что нельзя: ибо она тѣсно соединена со всѣмъ составомъ Писанія, и должна повсюду распростирааться въ немъ, наподобіе

нервъ . Впрочемъ сія наука помога-
етъ чипашелямъ болѣе въ разрѣше-
ніи и изъясненіи обоюдныхъ мѣспъ
Писанія , — о чемъ я буду еще гово-
ришь , — нежели въ познаніи неизвѣст-
ныхъ знаковъ и словъ , составляющихъ
предметъ настоящаго разсужденія
нашего .

LX.) Если, такъ называемые, фило-
софы, особенно Плашоники, какъ-ни-
будь случайно сказали что-либо истин-
ное и сообразное съ нашею Религією:
то шакого ученія мы должны пребо-
вашъ отъ нихъ , какъ отъ незакон-
ныхъ владѣтелей, а не бояшся его .
Ибо, какъ Египтяне имѣли не однихъ
идоловъ и шяжкія работы, — чѣмъ на-
родъ Израильскій долженъ былъ гну-
шашся, и чего избѣгалъ, — но вмѣстѣ
съ тѣмъ имѣли серебряные и золотые
сосуды и украшенія , имѣли различ-
ныя одежды , — что оный народъ ,
выходя изъ Египта, по самому опре-
дѣленію Божію , испребовалъ себѣ у
нихъ какъ бы для лучшаго употреб-
ленія, — и чѣмъ Египтяне, какъ не-
знавшіе надлежащаго употребленія, са-
ми ссудили Израильшянъ , безъ соб-
ственнаго о томъ сознанія: такъ и на-
уки языческія заключающъ въ себѣ не
одни только пуспыя и суевѣрные вымы-

слы, предлагаютъ не одно тяжелое бремя безполезнаго шруда — чего долженъ отвращаться и убѣгать каждый изъ насъ, оставляющій общества языческія, и послѣдующій Христу, — но содержатъ въ себѣ и благородныя познанія, весьма благопріятныя пользы истины, содержатъ и нѣкоторыя правила нравственныхъ весьма благопошребныя, и немалое число истинны, относящихся къ почианію единого Бога. Все сіе, лучшее въ ученіи Язычниковъ, есть какъ бы серебро и золото, не сотворенное ими самими, а только ископанное, такъ сказать, въ рудникахъ Божественнаго, всеисполняющаго Провидѣнія, — есть драгоцѣнность, злоупотребляемая ими на служеніе демонамъ, которую однако Христіанинъ, мысленно чуждаясь опаснаго въ другихъ случаяхъ сообщенія съ Язычниками, — долженъ испоргать у нихъ для пользы Евангелія. Позволиительно Христіанину заимствовать и обращать въ свою пользу самую даже одежды язычниковъ, т. е. постановленія ихъ, полезныя въ общежитіи, ошъ котораго мы въ настоящей жизни оплошились не можемъ.

LXI.) Ибо не поступали ли такъ и многіе изъ добрыхъ и вѣрныхъ

сыновѣ Церкви нашей? Невидимъ ли какъ обремененный множествомъ золота, серебра и одеждъ вышелъ изъ Египта сладкоглаголивый учитель и блаженный Мученикъ Кипріанъ? Сколько подобныхъ сокровищъ вынесли спсуда Лактанцій, Викшоринъ, Опшанъ, Иларій (не говорю о моихъ современникахъ)? Сколько извлекъ—безчисленный сонмъ Греческихъ Церковныхъ Писателей? Прежде же всѣхъ сдѣлалъ такое заимствование самъ Моисей, вѣрнѣйшій слуга Божій, о коемъ написано: *наказанъ бысть Моисей всей премудрости Египетской* (а). Суевѣрное обыкновеніе Язычниковъ никогда,—особенно же въ тѣ времена, какъ не благое еще, а стропотное иго Христово облегало Христіанство,—никогда, говорю, не дало бы вышеупомянутымъ мною мужамъ въ заемъ тѣхъ наукъ, кои у самихъ Язычниковъ почитались полезными, если бы эти Язычники могли подозрѣвать, что ихъ науки обращаясь нѣкогда въ орудіе къ почитанію единого Бога,—коимъ должно разрушиться суешное служеніе идоламъ.— Но идолопоклонники дали въ заемъ серебро, злато, и одежду исходящему изъ Египта народу Божію, сами не вѣдая, какимъ образомъ

а) Дѣян. VII, 22.

по, что они давали, въ послѣдствіи
можешь современемъ обратишься въ
послушаніе Христово. Такимъ образомъ
заятіе сокровищъ Египетскихъ, опи-
санное въ книгѣ Исхода (а), по моему
мнѣнію, есть прообразование сего
новаго заимствованія: что впрочемъ
да будетъ сказано безъ предубѣжде-
нія ко всякому другому смыслу означен-
наго мѣста въ книгѣ Исхода, рав-
ному или лучшему.

LXII.) Наставляемый мною такимъ
образомъ любитель Св. Писанія,
рѣшаясь испытывать оное, непреспа-
но долженъ содержать въ мысли своей
слѣдующее замѣчаніе Апостольское:
разцѣл кигитѣ, а любви созидаетѣ (б).
Ибо чрезъ сіе онъ почувствуетъ ту
важную истину, что хотя бы изъ Егип-
та вышелъ онъ богашъ, но если не совер-
шитъ Пасхи, то не можешь спастися.
А Пасха наша, за ны пожренная, есть
Христосъ (в). Сія жертва Христова
преимущественно научаетъ насъ тому,
о чемъ самъ Спаситель взываетъ къ
намъ, коихъ видитъ Онъ какъ бы
труждающимися въ Египтѣ при Фара-
онѣ: *приидите ко Мнѣ вси труждаю-*

(а) Исход. III, 22—XII, 35. (б) 1 Кор. VIII, 1.

(в) Тамже V, 7.

ищися, и обремененнии, и Азъ упокою
вы. Возмите иго Мое на себе, и на-
учитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь
и смиренъ сердцемъ, и обрящете по-
кой душамъ вашимъ. Иго бо Мое бла-
го, и бремя Мое легко есть (а). Кому
легко, какъ не крошкимъ и смирен-
нымъ сердцемъ, коихъ не надмеваетъ
знаніе, а любовь созидаетъ? Ишакъ
крошкіе должны помнишь, что праздно-
вавшіе древле прообразовательную Па-
сху, получивъ повелѣніе киспю олъ
иссопа, омоченною въ кровь агнца,
ознаменовашъ праги дверей, и ихъ
прознаменовали иссопомъ (б). Сія
права кропка и смиренна, но ни-
чего нѣтъ сильнѣе и проницательнѣе
корней ея, дабы подобно сему и мы, въ
любви вкоренени и основани, могли разу-
мѣть со всѣми святыми, что широта и
долгота, и высота и глубина (в), ш. е.
могли разумѣть Крестъ Господа, гдѣ
широтой называется поперечное дере-
во, на коемъ распростираются руки;
длготою— дерево, восходящее отъ зе-
мли до самой широты (поперечнаго
дерева,) на коемъ пригвождается цѣ-
лое тѣло, начиная отъ рукъ и ниже
оныхъ; высотой— дерево отъ широ-
ты (поперечника) простирающееся въ

(а) Матѣ. XI, 28. (б) Исход. XII, 22. (в) Евѣ. III, 17.

высопу до самого верха, гдѣ прикрѣпляется голова; а *глубиною*—нижній конецъ, водруженный въ землѣ, и тамъ скрывающійся. Симвъ знаменіемъ Креста описывается вся дѣятельность Христіанская,—т. е. обязанность—благочестиво дѣйствовать во Хрисѣ, и постоянно въ немъ пребывать, чаявъ небснаго, и предънепосвященными не повѣдавъ шуне тайнствъ Вѣры. Очищенные на поприщѣ сей дѣятельности, мы будемъ въ состояніи *разумѣть даже пресвѣщую разумѣ любовь Христа (а)*, по коей Онъ равенъ естъ Отцу, *имѣ же вся быша,—да исполнимся во всяко исполненіе Божіе*. Естъ въ иссопѣ и сила очистишельная, дабы надмеваясь знаніемъ ошъ богашества, похищеннаго изъ Египта, наше легкое, распутившись, не спало издавать нѣкоторой гордой ошдышки. *Окропиши мя иссопомѣ, говоришь Пророкъ, и ошущуся; омыеши мя, и паче снѣга убѣлюся. Слуху моему даси радость и веселіе (б)*. Въ слѣдъ за симъ, дабы показавъ, что иссопомъ означаетъ очищеніе ошъ гордости, Пророкъ присовокупляетъ: *и возрадуются кости смиренныя*.

(а) Евес. III, 19. (б) Псал. L, 9, 10.

LXIII.) Но какъ обиліе золота, серебра и одеждъ, похищенныхъ народомъ Израильскимъ изъ Египта, очень не значительнo въ сравненіи съ богатствомъ, какое потъ же народъ получилъ въ Іерусалимѣ, особенно въ царствованіе Соломона (а): таково же точно и всякое знаніе (хотя бы даже и полезное), заимствованное изъ писаній языческихъ, если сравнить оное съ знаніемъ, заключающимся въ Св. Писаніи. Ибо все, чтобы ни узналъ человѣкъ извнѣ (въ книгахъ языческихъ), — все это, если вредное, — осуждается въ Св. Писаніи, если полезное, — находится въ немъ. И если всякой найдетъ здѣсь все то, что удалось ему узнать полезнаго гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ: то гораздо въ большемъ изобиліи найдетъ онъ здѣсь же и то, чего никогда и нигдѣ не можно сыскать, но что преподается въ одномъ только Св. Писаніи, — съ удивительною возвышенностію и вмѣстѣ съ удивительною простою.

Заключаю: если *неизвѣстные знаки* (incognita signa) не останавливъ читателя, предыдущими наставленіями снабженнаго, — крошкаго и смиреннаго

сердцемъ , охотно взяшаго на себя
иго Хрістова и бремя Его' легкое ,
основана, и вкоренена, и создаема въ
любви, коего разумъ потому самому
не можетъ кичить: но пусть онъ
прислушается къ разсмотрѣнію и из-
слѣдованію обоюдныхъ знаковъ (*ambiguous*
signa), встрѣчающихся въ Писаніи, о
коихъ я буду говорить въ претъей
книгѣ,—что Господь благоволилъ со-
общить мнѣ .

КНИГА ТРЕТІЯ.

О ДВУСМЫСЛЕННОСТЯХЪ И ТЕМНО-
ТЪ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТЪ СВ. ПИСА-
НІЯ, О СМЫСЛѢ СОВСТВЕННОМЪ И
ИНОСКАЗАТЕЛЬНОМЪ, О СРЕДСТВАХЪ
КЪ РАЗУМНІЮ ТОГО И ДРУГАГО,
И О ТИХОНІЕВЫХЪ ПРАВИЛАХЪ ИЗЪ-
ЯСНЕНІЯ СВ. ПИСАНІЯ.

І.) **Б**огобоязненный человекъ тща-
тельно изыскиваетъ волю Божию въ
Св. Писаніи. Для избѣжанія спраспи-
къ спорамъ, онъ бываетъ крошечъ
по духу благочестія; чинитъ не оста-
навливаясь въ сомнѣніи на неизвѣст-
ныхъ словахъ и выраженіяхъ, обога-
щаетъ себя знаніемъ языковъ; спара-
ется также пріобрѣсти свѣденіе о
разныхъ необходимыхъ предметахъ
для уразумѣнія ея и свойства раз-
личныхъ сравненій и подобій, упо-
требляемыхъ въ Писаніи; спараетъ-
К

ся имѣшь подъ руками самыя лучшіе кодексы, какими обязаны мы неусыпному шщанію людей, трудившихся надъ исправленіемъ текста. Кипо приготовленъ такимъ образомъ, шопъ нусъ смѣло присиупаешь къ разрѣшенію темноты и обоюдностей, вспрѣчающихся въ Св. Писаніи. Но дабы ему не обманываться двусмысленностію выраженій и словъ, я намѣренъ,—(не смотря на то, что, бытъ можетъ, нѣкоторые люди, по обширности ли своего ума, или какому-либо мнимому озаренію свыше, будутъ осмѣивать мои замѣчанія, какъ ребяческія),— я намѣренъ, говорю, и даже почиаю себя обязаннымъ, данъ въ семъ отношеніи руководство; и для сего считаю нужнымъ снова напомнить желающимъ принять отъ меня наставленіе, что двусмысленность Св. Писанія бываетъ или въ собственныхъ словахъ, или въ переносныхъ; какъ то уже замѣчено мною во второй книгѣ.

II.) Если слова, взятые въ собственномъ значеніи, дѣлаютъ темнымъ какое-либо мѣсто Св. Писанія; то прежде всего надобно смотрѣть, правильно ли мы раздѣлили оныя по ихъ разстановкѣ, и должнымъ ли об-

разомъ прочли. Если, по надлежащемъ, внимательномъ разсмотрѣніи, невиднo будетъ, какъ должно раздѣлишь ихъ, или прочинать; то нужно прибѣгнути къ Аналогіи вѣры (regula fidei), извлеченной изъ яснѣйшихъ мѣстъ Св. Писанія, и основанной на уваженіи къ голосу Церкви, о чемъ я довольно сказалъ въ первой книгѣ, разсуждая о предметахъ. Если же, и послѣ того, обѣ части разсмащиваемаго мѣста, или и всѣ, ежели ихъ случится много, будутъ казаться обособными и темными: въ такомъ случаѣ оспашеися обратишь къ связи (контексту) рѣчи, и разсмотрѣть предыдущія и послѣдующія части текста, окружающія темное мѣсто. Тогда откроется, какое изъ представляющихся понятій ближе къ тексту, и удобнѣе можетъ быть соединено съ нимъ.

III.) Пояснимъ сіи замѣчанія примѣрами. Ерешики, не желая признашь Слова— Богомъ, раздѣляютъ слова Іоанна слѣдующимъ образомъ: сперва читающъ: *Вѣ началѣ бѣ Слово, и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ* (а); потомъ, дабы дать слѣдующимъ словамъ другой смыслъ, продолжаютъ: *Слово сіе*

(*) Іоан. I, 1.

бѣ искони ꙗ Бога. Но такое раздѣленіе должно бытъ отвергнуто по Аналогіи вѣры, копорая ясно говоритъ о равенствѣ Св. Троицы. Должно читати: и Богъ бѣ слово; попомъ прибавитъ сей бѣ искони ꙗ Бога.

IV.) Обоюдность отъ раздѣленія слѣдующихъ словъ Апостола: и то изволю, невѣмъ: обдержимъ же есмь отъ обою, желаніе илии разрѣшиться и со Христомъ быти, много бо пате лучше: а еже пребывати со плоти, нужнѣе естъ васъ ради (а), — не можешь бытъ устраниена Аналогіею вѣры; ибо какъ ни дѣли ихъ, смыслъ словъ не будетъ противорѣчивъ вѣрѣ: а посему здѣсь двусмысленность должна бытъ устраниена чрезъ разсмотрѣніе связи рѣчи. Съ перваго взгляда не извѣстно, должно ли читати: отъ обою желаніе илии, или: сперва обдержимъ же есмь отъ обою, а попомъ уже прибавитъ: желаніе илии разрѣшиться, и со Христомъ быти. Но, поелику далѣ слѣдуютъ слова: много бо пате лучше; то явно, что Апостоль желаетъ сего лучшаго, такъ что, будучи обдержимъ отъ обою (или затрудняясь тѣмъ и другимъ), онъ одного жела-

етѣ, а другое находить только болѣе нужнымъ, то-есть, желаетъ разрѣшиться и быть со Христомъ, а болѣе нужнымъ находить оставаться во плоти. Здѣсь двусмысленность разрѣшается одною послѣдующею частицею: *ибо*,—хотя нѣкоторые изъ полковниковъ исключили ее, думая, что Апостолъ не только затрудняется шѣмъ и другимъ, но по видимому и желаетъ того и другаго. Въ силу сего замѣчанія, слова Апостола въ семь мѣстѣ должны быть распредѣлены такъ: *и то изволю, не вѣмъ: обдержимъ же есмь отъ обою; и—за симъ уже должно чинать: желаніе илий разрѣшиться и со Христомъ быти*. Поелѣку же здѣсь могли бы спросить Апостола: почему онъ преимущественно желаетъ сего разрѣшенія, то онъ прибавляетъ: *много бо паге лучше*. Опъ чего же онъ находитъ для себя затрудненіе съ обоихъ споронъ? Опъ того, что находитъ съ другой стороны болѣе нужнымъ остаться: *а еже пребывати во плоти, нужнѣе есть всѣ ради*.

V.) Гдѣ двусмысленность не можетъ быть усстранена ни Аналогіею вѣры, ни связью рѣчи, тамъ ничто не препятствуетъ раздѣлить текстъ, сообразно съ какимъ-нибудь однимъ

изъ представляющихся понятій. Таковы савдующія слова изъ Посланія къ Коринѣянамъ: *сицева цбо илице обѣтованія, о возлюбленіи, огистимѣ себе отѣ всякія скверны плоти и дѣха, творяще святыню въ страстѣ Божіи. Вѣбстите ны: ни единаго обидѣхомѣ (а).* Сомнишельно, какъ должно читать, — шакъ ли: *огистимѣ себе отѣ всякія скверны плоти и дѣха*, сообразно съ оными словами въ другѣмъ мѣстѣ: *да бѣдетѣ свѣта и тѣломѣ и дѣхомѣ (б)*, или шакъ: *огистимѣ себе отѣ всякія скверны плоти*, а потомъ: *и дѣха творяще святыню въ страстѣ Божіи, вѣбстите ны*, — шакъ чтобы въ сихъ послѣднихъ словахъ былъ другой смыслъ, особенный отъ первыхъ? — Подобныя двусмысленности можно предоставить, шакъ сказать, волѣ читающаго.

VI.) Что сказано нами о двусмысленности, произходящей отъ различной разстановки словъ, тоже самое должно наблюдать и при двусмыслии, произходящемъ отъ разности въ чтеніи. Ибо двусмысленное чтеніе, если впрочемъ оно не есть плодъ небрежности самаго читающаго, усмраняется или Аналогіею

(а) 2 Кор. VII, 1, 2. (б) 1 Кор. VII, 34.

вѣры, или связію рѣчи; или, если не будетъ надобности употреблять ни того ни другаго, можетъ даже оставаться нерѣшеннымъ; когда, по-есть, читающій не много погрѣшивъ, какъ бы ни прочесть такое мѣсто. Еслибъ, напр., Аналогія вѣры не внушала намъ, что Богъ никогда не обвинитъ и Христосъ никогда не осудитъ своихъ избранныхъ; то слова Апостола: *кто пожелаетъ на избранныя Божія (а)?* можно было бы произносить такъ, чтобы за ними слѣдовалъ какъ бы опвѣтъ: *Богъ оправдалъ. А потомъ спросивъ: кто осуждалъ?* опять можно бы опвѣчать. *Христосъ Исусъ церерый.* и пр. Но какъ думать такъ о Богѣ и Христѣ—безумно; то нужно произносить такъ, чтобы сперва выражалось какъ бы неопредѣленное развѣдываніе (*percontatio*), а потомъ рѣшительный вопросъ. Различіе же между *развѣдываніемъ* и *вопросомъ*, по замѣчанію древнихъ, заключается въ томъ, что на первое можно опвѣчать и много и неодинаково, а на послѣдній только: да, или: нѣтъ. Посему, приведенныя слова должно произносить такъ, чтобы за развѣдываніемъ: *кто пожелаетъ на избран-*

(*) Рим. VIII, 35.

ныя Божія?— слѣдовалъ вопросъ: *Богъ оправдай?* и подразумѣваніе пошомъ тайно: *нѣтъ*; за симъ снова вывѣдываніе: *кто осуждай*, и снова вопросъ: *Христосъ Иисусъ умерый, пате же и воскресый, иже и есть одесную Бога, иже и ходатайствуетъ о насъ?*— дабы и здѣсь тайно— въ умѣ отвѣчать: *нѣтъ*. Но въ слѣдующемъ мѣстѣ, гдѣ Апостоль говоритъ: *что убо ретельно? яко языцы не гонящии правду, постигоша правду*,— за вывѣдываніемъ: *что убо ретельно?* долженъ слѣдовать отвѣтъ: *яко языцы не гонящии правду, постигоша правду* (а); иначе послѣдующія слова не будутъ имѣть связи. Напрошивъ слова Наѳанаила: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти* (б)—какимъ голосомъ ни произнесши—показашъ ли, что въ одномъ только словѣ: *отъ Назарета* заключается вопросъ, или что все спрашивается съ сомнѣніемъ,—не будетъ никакой разности: въра не потерпитъ вреда ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ.

VII.) Иногда двусмысленность зависить отъ сомнительнаго звука слоговъ, и пошому преимущественно относится къ произношенію. Если

(а) Рим. IX, 30. (б) Иоан. I, 46.

читашъ въ Лашинской Библии слѣдующій текстъ: *не ѣтаися кость моя отъ тебе, юже создалъ еси въ тайнѣ* (а); по не видно, какъ должно произнести слово *от*, крашко или пропяжно? Ежели крашко, то оно будетъ единственное число слова *отта*; если же пропяжно, то—поже число слова *ота*. Но такія двусмысленности разрѣшаются справкою съ оригинальнымъ текстомъ. Ибо въ подлинникѣ употреблено не *σῶμα* (уша), но *ὀστέον* (кость). Посему то проспонародный языкъ большею частію бываетъ полезнѣе при означеніи предметовъ, нежели книжный. Въ приведенномъ мѣстѣ я предпочелъ бы лучше употребить барбаризмъ, и сказать: *не ѣтаися отъ тебе ossum* тешъ, (какъ говоритъ простой народъ, употребляя *ossum*, вмѣсто *оз*), нежели допустить неясность пошому шолько, чптобы выразиться чище по Латынѣ. Впрочемъ сомнѣніе о произношеніи слога иногда разрѣшается ближайшимъ словомъ, относящимся къ одной и той же мысли, какъ въ слѣдующихъ словахъ Апостола (б): *Quae praedico vobis, sicut praedixi, quoniam qui talia agunt, regnum Dei non possidebunt*, — *(яже пределаголю вамъ, якоже и пред-*

(а) Псал. СХХХVІІІ, 16. (б) Гал. V, 21.

рекохѣ, яко таковыя творящїи царствїя Божїя не наслѣдуютъ). Если бы Апостолъ сказалъ только: *quae praedico vobis*, (яже предлагаю вамъ) а не прибавилъ: *sicut praedixi* (якоже и предрекохъ); то для узнанїя того, долгїи ли, или короткїи среднїи слогъ въ словѣ *praedico*, нужно бы было прибѣгнуть къ оригинальному языку; теперь же, когда сдѣлана прибавка, ясно, что это слогъ—долгїи: ибо Апостолъ не сказалъ: *sicut praedicavi*, но *sicut praedixi* (а).

VIII.) Подобнымъ образомъ должны бытъ разрѣшаемы и обоюдности, кои происходятъ не отъ разсѣянности словъ, или произношенїя оныхъ, но отъ другихъ какихъ-либо грамматическихъ свойствъ языка. Таково, напр., слѣдующее мѣсто изъ посланїя къ Солунянамъ: *Propterea consolati sumus fratres in vobis* (сего ради утѣшались братїе о васъ (б)). Можно недоумѣвать, въ зващельномъ ли надежѣ стоитъ слово *fratres*, или въ винительномъ? Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не будетъ противорѣчїя Вѣрѣ: но въ Греческомъ языкѣ надежи сїи разли-

(а) Различїя этого, равно какъ и нижеслѣдующихъ, нельзя выразить на Русскомъ языкѣ. (б) 1 Солун. III, 7.

чаются; и потому, справившись съ Греческою Библіею, видимъ, что нужно удержатъ надежъ звательный. Еслибы переводчикъ сказалъ такъ: *propterea consolationem habuimus fratres in vobis*; то хотя бы онъ и не споль близко перевелъ слова текста, но за то успранилъ бы сомнѣніе вразсужденіи мысли; или и вовсе уничтожилъ бы оное, еслибъ прибавилъ къ *fratres* слово *nostri*. (Впрочемъ подобныя прибавки иногда опаснѣе самыхъ непочностей, хотя онѣ и дѣлаются.) Такъ мѣсто Посланія Ап. Павла къ Коринѣяномъ: *Quotidie morior, per vestram gloriam, fratres, quam habeo in Christo Iesu*, (по вся дни умираю, такоуи ваша похвала, братіе, юже имамъ о Христѣ Исусѣ Господѣ (а),— одинъ переводчикъ перевелъ: *Quotidie morior, per vestram iuro gloriam*. Онъ прибавилъ *iuro*: клянусь—на томъ основаніи, что на Греческомъ въ словахъ Апостола: *per vestram gloriam* при извѣстномъ образѣ ихъ произношенія, прямо можно видѣть клянву. Вообще замѣтимъ, что въ собственныхъ словахъ Св. Писанія весьма рѣдко можно найши такую неопредѣленность, которой нельзя было бы разрѣшить или разсмотрѣніемъ обстоятельствъ текста, обнаруживаю-

(а) 1 Кор. XV, 31.

щихъ намѣреніе писателя, или снесеніемъ переводовъ, или справкою съ подлинникомъ.

IX.) Напрошивъ, обоюдность (или неопредѣленность) выраженій *переносныхъ*, о коной теперь слѣдуетъ намъ говорить, требуетъ не малой заботливости и вниманія. Прежде всего должно осперегаться, чтобы *иносказательной* рѣчи не принять *буквально*. Сюда-то между прочимъ относятся слова Апостола: *писма убиваетъ, а духъ животворитъ* (а). Ибо кто иносказаніе принимаетъ буквально, какъ будто бы то было сказано въ собственномъ смыслѣ, пошъ мудрствуетъ плоская; и ни одну смерть нельзя приличнѣе назвать смертію души, какъ ту, когда душа, слѣдуя буквѣ, подчиняется плоти даже то, что составляетъ ея превосходство надъ животною, то-есть, самое разумнѣе. Кто слѣдуетъ буквѣ, пошъ какъ неразумное животное принимаетъ иносказательныя слова за собственные; и наоборотъ, — не старается находить другаго, высшаго значенія въ томъ, что буквально выражается словомъ; напр., если слышишь о субботахъ, то ничего не

(а) 2 Кор. III, 6.

представляешь, кромѣ одного изъ семи постоянно повторяющихся дней; или ежели слышишь о жертвоприношеніи, то не проспираешь своей мысли далѣе того, что обыкновенно совершается надъ жертвенными живоными или плодами. А сіе - то и есть бѣдственное рабство души, когда она подъ знаками не можетъ видѣть самой вещи, и не въ состояніи проспирать умственного взора своего выше тѣлесной природы— къ созерцанію вѣчнаго свѣта.

Х.) Впрочемъ рабство знакамъ и писмени въ Іудейскомъ народѣ было весьма отличнo отъ подобнаго рабства у другихъ народовъ. Ибо Іудеи хотя и привязаны были къ чувственнымъ предметамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно видѣли въ нихъ для себя указаніе и напоминаніе о единомъ Богѣ. И хотя они знаки духовныхъ вещей, незная къ чему они служатъ, принимали нерѣдко за самыя вещи, однакожь были убѣждены, что ихъ служеніе (обрядовое) не смотря на то, что оно похоже было на рабство, благоугодно единому истинному Богу, котораго они не видятъ. Апостолъ говоритъ, что они спрегомы были подъ закономъ для того, что законъ былъ для

нихъ пѣспуномъ во Христа (а) Посему хотя упорнѣйшіе изъ Іудеевъ не возлюбили Господа за неуваженіе ихъ знаковъ (кои тогда пришло уже время объяснить), хотя начальники Іудейскіе измышляли различныя клеветы на Спасителя за нехраненіе субботы, а народъ, привязанный къ знакамъ какъ самому означаемому, не хотѣлъ вѣрить, чтобы тотъ былъ Богъ, или пришелъ отъ Бога, кто нехотѣлъ уважать ихъ знаковъ шакъ, какъ уважають они сами: но шѣ, кои увѣровали и соопавили первую Церковь въ Іерусалимѣ, достапочно доказали, сколь полезно было для нихъ спрещиса подъ пѣспунспвомъ и по знакамъ, временно установленнымъ, служишь единому истинному Богу, Творцу неба и земли. Ибо они посему самому, будучи близки къ духовному (шакъ какъ въ самыхъ временныхъ и чувствѣнныхъ приношеніяхъ и знакахъ, несмотря на то, что не умѣли понимать ихъ духовно, чпили единого вѣчнаго Бога),— оказались споль способными къ принатию Св. Духа, что продали все свое имѣніе, и цѣну онаго повергли къ ногамъ Апостольскимъ для раздаянія ниимущимъ (б),

(а) Гал. III, 24. (б) Дѣян. IV, 34.

самихъ же себя всецѣло посвящали Богу, какъ новый нѣкій храмъ, коего земному изображенію, по-есть, Вещному Храму доселѣ они служили.

XI.) Но нигдѣ не написано, что-бы и какая-нибудь языческая церковь послушила такимъ образомъ и явила себя подобною Иудейской; вообще шѣ оказались не столь способны къ духовному и близки къ Христіанству, кои рукопворенныхъ идоловъ почитали за боговъ. Хотя нѣкоторыя изъ Язычниковъ и почитали иногда своихъ идоловъ за знаки и символы; но все же чтили подъ сими символами и обожали не Бога истиннаго, а тварей. Въ самомъ дѣлѣ, какая мнѣ въ помѣ польза, что изображеніе напр. Непшуна не долженъ я почитать за самаго Бога, а за изображеніе моря, или всѣхъ вообще водъ, текущихъ въ источникахъ, какъ изъясняется одинъ изъ ихъ поэмовъ, кошорый, если не ошибаюсь, говоритъ: „Тебя, Непшунъ, кошорому, когда ре-
„вешь, опзываются возлегающіе на
„скалахъ морскихъ, сѣдя въки, шебя,
„у кошораго изъ безконечной бороды
„изпекаетъ Океанъ, а изъ волосъ спру-
„ялся рѣки“? Подобный вздоръ похожъ на спручье, брянчащее внутри, пріят-

ной на вкусъ, оболочки звонкими сухими зернами; но это пища свиней, а не людей. Знающій Евангеліе пойметъ, что я говорю. Какая, говорю, польза въ томъ, что изображенію Нептуна даютъ сіе значеніе? Развѣ па, чтобы не уважать ни знака, ни означаемого?— Ибо для меня ни море, ни какая-нибудь спашуя равно не суть Богъ. Согласенъ, что почитающіе за боговъ дѣла рукъ человѣческихъ болѣе заблуждаютъ, нежели тѣ, кои богошворають дѣла Божія: но намъ заповѣдано любить и чтить не вещи, а единого Бога, который сотворилъ вещи, изображенія коихъ язычники чтутъ или какъ самыхъ боговъ, или какъ знаки и подобія ложныхъ боговъ. Ипакъ, ежели и съ доброю цѣлію установленный знакъ принимаютъ за самую вещь, имъ означаемую, естъ ли плоское рабство; то не гораздо ли бѣдственнѣе рабство— принимаютъ знаки бесполезныхъ вещей за самыя вещи? Хотя бы ты чтилъ и самыя сіи вещи, тѣмъ неменѣе былъ бы не свободенъ отъ плоскаго и рабскаго ига.

XII.) Посему-то Христіанская свобода освободила отъ знаковъ или символовъ (signis) даже тѣхъ людей, у коихъ оныя были полезны. Сіи люди

(Иудеи) были болѣе близки къ духовному, такъ что Христіанству оспавалось только изъяснить имъ знаки указавъ самыя вещи, подъ ними скрывавшіяся; въ слѣдствіе чего изъ шаковыхъ людей составились первыя Церкви священныхъ Израильянъ. Напрошивъ шамъ, гдѣ служили бесполезнымъ знакамъ и символамъ, оно не только отвергло это рабское служеніе, но уничтожило и самыя знаки; дабы чрезъ сіе отвратишь язычниковъ отъ служенія ложнымъ богамъ, называемаго часто и выразительно въ Св. Писаніи блудодѣяніемъ,—обратишь ихъ къ поклоненію единому Богу, и научишь—не служенію символамъ, хотя бы по полезнымъ, но упражненію ума своего въ духовномъ разумѣніи оныхъ.

XIII.) Ибо рабъ знаковъ шомъ; кто чинишь какую-нибудь знаменательную вещь, или служишь ей, не разумѣя ея значенія; но кто чинишь символъ полезный, установленный свыше, и чинишь понимая его значеніе и силу, шомъ чинишь ненаружное и преходящее, но по, что разумѣется подъ симъ наружнымъ и преходящимъ. Такой человекъ бываетъ свободенъ и духовенъ даже во время

рабства, когда еще не нужно и не время объяснять плотскимъ людямъ шѣхъ знаковъ и символовъ, подѣ бременемъ коихъ они должны смиришься. Таковы были Патріархи, Пророки, и всѣ шѣ въ народѣ Израильскомъ, чрезъ коихъ Духъ Св. даровалъ намъ Писаніе, въ помощь и утѣшеніе наше. Въ настоящее же время, когда воскресеніе Господа яснѣйшимъ образомъ указало и доказало нашу свободу, мы не обязываемся чтить даже и шѣхъ знаковъ, коихъ значеніе уже понимаемъ. Вмѣсто многого намъ заповѣдано и самимъ Господомъ и ученіемъ Апостольскимъ не многое, и припомътакое, что легко исполнить, и что, по своей важности и высочайшей чистотѣ, достойно всякаго вниманія и исполненія: какъ напр; таинство Крещенія и таинство Причащенія. Каждый принимающій сіи таинства, будучи наставленъ, понимаетъ ихъ значеніе, и каждый чтить оныя уже не въ духѣ плотскаго рабства, а въ духѣ истинной свободы.— Впрочемъ, какъ держаться буквы и принимаешь знаки за самыя вещи, ими означаемыя, есть дѣло плотской слабости, такъ и давать знакамъ бесполезное изъясненіе есть дѣло ума заблуждающаго. Поэтому тошъ не

есть еще совершенный рабъ, кто хотя не понимаетъ значенія символовъ, однакожь принимаетъ оныя не иначе какъ за знаки: то лучше служить хотя не понятымъ, но полезнымъ символамъ, нежели давать имъ бесполезное значеніе, и такимъ образомъ возлагать на себя, вмѣсто узъ рабства прошого невѣденія, удушающую петлю заблужденія.

XIV.) Къ замѣчанію, предостерегающему насъ принимать рѣчь иносказательную, или, что все равно, переносную, за собственную, нужно прибавить другое замѣчаніе,—именно то, чтобы, на оборотъ, рѣчи собственной не принимать за иносказательную. Посему мы должны прежде всего показать способъ, по которому можно было бы узнать, иносказательное ли извѣстное выраженіе или собственное. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: все, что, въ Св. Писаніи, будучи принято въ собственномъ смыслѣ, не согласно съ нравственностію, или съ истинами вѣры, все то должно разумѣть въ смыслѣ иносказательномъ. Нравственностію же вся утверждается на любви къ Богу и ближнему, а истины вѣры— на познаніе Бога и ближняго. А надежда заключася

въ собствененой совѣсти каждаго , или возмущенномъ ощущеніи того, какъ онъ усвѣдаетъ въ любви къ Богу и ближнему . и какъ далека въ познаніи ихъ . О всемъ этомъ сказано въ первой книгѣ .

XV .) Но поелику люди склонны судить о грѣхахъ не по важности самой похоти , ихъ рождающей , а по своимъ обычаямъ ; то и почишають предосудительнымъ большею частію одно , что осуждается и порицается ихъ современниками и соотечественниками ; а напротивъ добрымъ и похвальнымъ то , что согласно съ обычаемъ ихъ соотечественниковъ . Отсюда происходитъ , что многіе почишають иносказательными тѣ мѣста , въ коихъ Писаніе или заповѣдуетъ что-нибудь противное насмоящимъ обычаямъ , или возбраняетъ что-либо согласное съ ними ; и это дѣлають изъ уваженія къ Писанію , котораго важность иначе немогутъ защитить . Но Св. Писаніе не предписываетъ ничего кромѣ любви , и не возбраняетъ ничего кромѣ похоти , симъ однимъ способомъ образуя и исправляя нравы .—Подобнымъ образомъ—если умъ предубѣжденъ какимъ-либо погрѣшительнымъ мнѣніемъ ; то все , чтобы

Писаніе ни утверждало вопреки принятому заблужденію, все это въ такомъ случаѣ починаятъ иносказаніемъ. Но Писаніе и прошедшими и будущими и настоящими предметами и событиями не утверждаетъ ничего другаго, кромѣ католической вѣры: Исторія, пророчества, догматы и нравоученіе— все въ немъ направлено къ тому, чтобы произвело и укрѣпило любовь, исправило и уничтожило похоть.

XVI.) Любвию называю я стремленіе души—наслаждаешься Богомъ ради Его Самаго, а собою и ближнимъ ради Бога; подъ именемъ же похоти разумѣю стремленіе души любить себя, ближняго и всякой другой предметъ не ради Бога. Дѣйствія необузданной похоти ко вреду и расплѣнію собственнаго плѣа и души называется развратомъ (*flagitium*); а дѣйствія похоти ко вреду и пагубѣ ближняго именуется злодѣяніемъ (*scelus*). Развратъ и злодѣяніе составляютъ главные виды всѣхъ грѣховъ: но первый предшествуетъ послѣднему; ибо человѣкъ предается злодѣянію тогда уже, когда развратъ унизилъ его душу до нѣкоей послѣдней и несчастной нужды, или унизилъ ее предъ лицомъ къ распушенству или находитъ сред-

ства къ оному . Подобное ; только въ проповиномъ смыслѣ , можно сказать и о любви : дѣйствія правильной любви въ собственную пользу называющіяся благопопеченіемъ , а дѣйствія любви въ пользу другихъ , именуются благошворительностію . И здѣсь предшесвуешь благопопеченіе о самомъ себѣ ; ибо нельзя въ пользу другаго употреблять то , чего не имѣешь самъ . — Чѣмъ болѣе разрушается царство похоти , тѣмъ болѣе увеличивается царство любви .

XVII.) Посему, какъ бы сурово и жестоко ни говорилось что-либо въ Св. Писаніи оиъ лица Бога, или Его свяиныхъ, не должно смущаться симъ, а должно думать; что это необходимо для низпроверженія царства похоти. Если это суровое и снрогое выражено ясными словами, то неопиѣнно надобно разумѣшь оное въ собственномъ смыслѣ, а не въ иносказательномъ. Таковы слѣдующія слова Апостола : *по жестокости же твоей и непокаленноу сердцу , собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, Иже воздѣстѣ ко всѣмъ по дѣломъ его: Овыиѣ убо по терпѣнію дѣла благаго, слезы и гести и немѣнія ищущыиѣ, животиѣ вѣтныи: А иже по рвенію против-*

ллются *убо истинѣ*, повинуются же неправдѣ, ярость и гнѣвъ: Скорбь и тѣснота на всяку душу теловѣка творящаго злое, *Иудеа же прежде и Еллина* (а). Это сказано о тѣхъ, кои гибнутъ вмѣстѣ съ похотию, не захотѣвъ ее побѣдити. Таковы же и слѣдующія слова: *а иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (б). Онѣ ясно сказаны къ челоуѣку, разрушающему въ себѣ царство, прежде господствовавшей въ немъ, похоти. Впрочемъ и здѣсь нѣкоторыя слова могутъ быть приняты за переносныя, какъ, напр., *гнѣвъ Божій*, и: *распяша*; но такихъ словъ не много, да и не такъ онѣ спояны, чтобы могли зашемнить смыслъ и произвестъ аллегорію или припѣчу, которую собственно и называю я иносказательною или фигуральною рѣчью. Что же касается до слѣдующаго мѣста Іереміи: *се поставихъ тя днесь надъ языки и надъ царствы, да искрениши и разориши* (в); то нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь все изрѣченіе фигурально, и должно быть отнесено къ выше показанной мною цѣли.

XVIII.) Все, что для неопытныхъ людей кажется какъ бы безнравствен-

(а) Рим. II, 5 и слѣд. (б) Гал. V, 24. (в) Іер. I, 10.

веннымъ (flagitiosum)—будущъ ли по однѣ слова, или и самыя дѣйствія, приписывающа ли онѣ Богу или относяся къ людямъ, похваллемымъ за святость,— все это въ Св. Писаніи говорится иносказательно, и таинственный смыслъ подобныхъ мѣстъ долженъ быть изъясняемъ въ пользу любви. Касательно сего должно замѣтить вообще слѣдующее: кто пользуется переходящими вещами съ большею умѣренностію, нежели какъ позволяеть и пребываетъ обычай людей, съ которыми онъ живетъ, тошъ—или воздерженъ, или суетвѣренъ; но кто пользуется вещами шакъ, что преспиунаеть границы обыкновеній, коихъ держатся добрые люди его времени, тошъ или самъ служишъ въ семъ случаѣ знакомъ чего-нибудь, или дѣйствительно безнравственъ. Ибо во всѣхъ подобныхъ случаяхъ *не употребленіе вещей* виновно, но похоть употребляющаго. Ни одинъ здравомыслящій не спанетъ думать, чтобы ноги Господа помазаны были упоминаемою въ Евангеліи женою съ тою же цѣлію, съ какою обыкновенно мажутъ ихъ люди не воздержные и роскошные, коихъ пиршествъ мы гнушаемся. Пріятный запахъ означаетъ въ семъ случаѣ добрую славу, которую каждый можетъ заслужишъ дѣ-

лами доброй жизни; посему кто слѣдуетъ по сѣопамъ Христа, пошъ какъ бы помазуешь Его ноги драгоцѣннымъ *благосоніемъ* (а). Такимъ образомъ, что въ другихъ лицахъ есть большею частію нѣчто непозволительное, то въ лицѣ Божественномъ или пророческомъ служить знакомъ чего-нибудь особеннаго и важнаго. Иное дѣло сообщеніе съ блудницею людей развращенныхъ, и совсѣмъ другое—такое же сообщеніе, описанное въ книгѣ пророка *Осіи* (б). Изъ того, что непрезывые и сладоспрасные люди распушно обнажаютъ шѣла свои на пиршествахъ — не слѣдуетъ, что и обнажась въ банѣ есть развратъ.

XIX.) Посему должно вниматель-но смотрѣть, что приличествуетъ времени, мѣсту и лицамъ, дабы безразсудно не осудить чего-нибудь, какъ пресупленія. Благоразумный можешь благоупотреблять самыя драгоцѣнныя и пріятныя яства, безъ всякой жадности, между тѣмъ какъ безразсудный и при самой обыкновенной пищѣ, будешь, такъ сказать, сгараешь отъ обжорства. И каждый здравомыслящій, безъ сомнѣнія, захочетъ лучше, по примѣру Господа, питаться рыбою,

(а) Иоан. XII, 3. (б) Осіи I, 2.

нежели, по примѣру Исава, внука Авраамова, какимъ-нибудь сочивомъ, или, по подобію рабочаго скопа, ячменемъ. Большая часть звѣрей пищается самою низкою и пустою пищею, но изъ сего неслѣдуешь еще, что звѣри воздерживае насъ. Во всякомъ случаѣ должно судить о дѣйствіяхъ не столько по качеству вещей, коими пользуемся, сколько по тому, съ какимъ побужденіемъ употребляемъ и въ какой степени желаемъ ихъ.

XX.) Вѣтхозавѣтные праведники представляли себѣ царство небесное, а потому и предвѣщали оное подъ образомъ земнаго царства. Дабы имѣть доспапочное число потомства, одному и тому же мужу позволялось тогда имѣть многихъ женъ вмѣстѣ; но посему же самому почиталось безчестнымъ одной женѣ имѣть многихъ мужей; ибо жена отъ сего не дѣлается плодовитѣе, и безъ разбору домогаться дѣтей, или какого-либо прибытка есть дѣло самое безчестное. При такомъ состояніи нравовъ у древнихъ, Св. Писаніе не осуждаетъ и такихъ дѣйствій въ тогдашнихъ праведникахъ, которыхъ въ настоящее время иначе и совершить нельзя, какъ только по вождельнію. Посему, всѣ

мѣста Св. Писанія, въ коихъ описывается что-либо подобное не только исторически и собственно, но иногда иносказательно и какъ бы пророчески, должны быть изъясняемы такъ, чтобы вездѣ главною цѣлію была любовь къ Богу и ближнему, или къ тому и другому вмѣстѣ. Ибо, какъ у древнихъ Римлянъ почиалось безчестіемъ носить длинную съ широкими рукавами тунику; нынѣ же, напрошивъ, считается безчестіемъ не носить ее благородному человѣку: такъ надобно судить и о другихъ вещахъ; что нынѣ не въ обычаѣ, то не всегда было таковымъ. Вообще употребленіе вещей большею частію поршился не другимъ чѣмъ, а похотью, по кошорой человѣкъ не только злоупотребляетъ постыдно обычаемъ своихъ согражданъ, но частію пресупая предѣлы онаго, нагло обнаруживаетъ всю внутреннюю гнусность свою, скрывавшуюся дошолъ подъ кровомъ общенародныхъ обычаевъ.

XXI.) Все, что въ поступкахъ великихъ и благочестивыхъ мужей сообразно съ обычаями людей, въ кругу коихъ они жили по необходимости, или долгу,—во всемъ томъ должно предполагать цѣль благую, а именно, или

истинную пользу ихъ самихъ, или благошворительность въ отношеніи къ другимъ, и это или въ собственномъ смыслѣ, какъ бы можно было дѣйствовать и намъ на ихъ мѣстѣ, или въ Символическомъ, какъ то было прилично имъ, кои нерѣдко бывали вмѣстѣ и Пророками.

XXII.) Чистая описаніе таковыхъ дѣяній, люди не знакомые съ чужими обычаями, почищаютъ оныя предосудительными; если только авторитетъ лицъ дѣйствовавшихъ не удерживаетъ ихъ: между тѣмъ они не замѣчаютъ, что и въ ихъ собственномъ поведеніи, въ ихъ супружествѣ, пиршествахъ, въ одѣяніи, и во всякомъ другомъ родѣ жизни и обычаяхъ, другіе люди и въ другое время нашли бы много предосудительнаго. Такое безконечное разнообразіе человѣческихъ обычаевъ подало даже поводъ нѣкоторымъ, такъ сказать, полусоннымъ людямъ.— кои не были усилены совершенно глубокимъ сномъ глупости, но и далеки были отъ бодрственнаго состоянія людей мудрыхъ,— подало, говорю, поводъ заключить, что нѣтъ ничего справедливаго въ самомъ себѣ, но что каждой народъ собственные свои обычаи почища-

онѣ справедливыми. Ежели, говорящѣ они, обычая народовъ различны, а справедливость должна быть неизмѣнна и одинакова; то явно, что справедливости нѣтъ нигдѣ. Но къ посрамленію ихъ не дальновидности довольно сказать, что правило: *того нехочешь себѣ, того другому не дѣлай*, при всемъ разнообразіи народныхъ обычаевъ, вездѣ остается неизмѣннымъ. Приложи это правило къ обязанности любить Бога, и уничижишь все безнравственное; приложи къ долгу любить ближняго, — и падешь все пресупное. Напр., никто не желаетъ осквернять своего жилища; слѣд., никто не долженъ осквернять и храма Божія, по-есть, себя самого. Никто не желаетъ, чтобы ему кто-либо вредилъ; слѣд., никто и самъ не долженъ никому вредить.

XXIII.) По изложеніи широтства похоти, любовь царствуетъ надъ всѣмъ по справедливѣйшимъ законамъ, по-есть, повелѣваетъ любить Бога ради Бога, а себя и ближняго ради Бога же. А посему при всякой фигуральной рѣчи должно наблюдать по правилу, чтобы читаемое мѣсто разсмащивать со всемъ вниманіемъ дошолъ, доколѣ можно будетъ испол-

ковать оное въ пользу царства любви. Если какое мѣсто прямо и собственнo выражаетъ любовь, то пѣмъ болѣе нѣтъ нужды—почищать оное иносказательнымъ.

XXIV.) Когда какое-либо изреченіе Писанія содержишь въ себѣ заповѣдь, возбраняющую развратъ или злодѣяніе, или внушающую что-нибудь благопопрѣбное и благодѣтельное для ближнихъ: то всегда должно быть принимаемо въ собственномъ смыслѣ. Напротивъ всякое изреченіе, предписывающее, повидимому, нѣчто худое, или пресшупное, и возбраняющее благопворительность, или правильное попеченіе о собственной выгодѣ, должно изъясняти въ смыслѣ высшемъ. Такъ говорится: *Аще не снѣсте плоти Сына теловѣческаго, не пиете крови Его, живота не имате въ себѣ* (а). Повидимому здѣсь предписывается нѣчто неестественное, и даже—ужасное, если принять эти слова въ томъ грубомъ и превратномъ смыслѣ, въ какомъ приняли ихъ Капернаумляне: но посему самому и не должно понимать ихъ такимъ грубымъ образомъ, а разумѣти возвышеннѣе и духовнѣе. Писаніе говоритъ такъ же: *аще алчете*

*срагѣ твой, ѹхлѣби его : аще ли жа-
ждетѣ напой его* (а). Нѣтъ сомнѣнія.
что здѣсь предписывается благошво-
ришельность ближнему ; но въ послѣ-
дующихъ словахъ : *сѣ бо творя це-
ле огненно собираеши на главу его,*
внушаеши, по видимому, зложеланіе
ближнему. Итакъ не сомнѣвайся, что
послѣднія слова сказаны фигураль-
но ; и, хопя можно изъяснять ихъ
двояко, шо-есть, и ко вреду и къ
пользѣ ближняго ; но любовь должна
заспаивать тебя опнести ихъ къ
благошворишельности, шо-есть, подѣ
огненнымъ углѣемъ шы долженъ ра-
зумѣшь не иное что, какъ жгучіе
споны раскаянія, исцѣляющіе гор-
достъ врага и заспавающіе его со-
болѣзновать, что онъ сдѣлался не-
пріятелемъ такому человѣку, кото-
рый помогаетъ ему въ бѣдности его.
Равнымъ образомъ когда говоритъ
Господь : *люблай душу свою, погуби-
тѣ ю* (б), не должно думать, что
Онъ запрещаетъ человѣку попеченіе о
самомъ себѣ, по которому каждый дол-
женъ сохранять свою душу . Слова :
погубитѣ душу сказаны фигурально ;
онѣ внушаютъ, что каждый долженъ
оставить или перемѣнить насноя-

(а) Рим. XII, 20. (б) Иоан. XII, 25.

щій образъ дѣйствованія души, образъ превратный и плотской, по которому душа прилѣпляется къ временному, и не ищетъ вѣчнаго. У Сираха написано: *дай милосердоцу, и не принимай грѣшника* (а). Вторая часть сего текста возбраняетъ, по видимому, благотвориельность; ибо говорится: не принимай грѣшника. Посему слово *грѣшникъ* должно разумѣть иносказательно, вѣсто слова *грѣхъ*, и смыслъ будетъ такой: не дѣлай его грѣха.

XXV.) Но случается, что люди, стоящіе на вышшей степени духовной жизни, или только такъ думающіе о себѣ, почиляютъ иносказательнымъ все то, что предписывается людямъ, стоящимъ еще на низшихъ степеняхъ сей жизни. Такъ, напр., рѣшившійся вести безженную жизнь и скопившій себя (духовно) ради царствія небеснаго, можетъ утверждать, что все, сказанное въ Св. Писаніи о любви мужа къ женѣ и о подчиненіи сей послѣдней первому должно принимать не буквально, а иносказательно; также кто рѣшился не выдавать дочь свою замужъ, потъ слова Писанія: *выдай дочь, и будещи совершивый*

(а) Сирах. XII, 4.

дѣло велико (а),— станешь изъяснять въ смыслѣ переносномъ. Посему въ числѣ прочихъ правилъ, мы должны поминать еще и то, что Св. Писаніе иное предписываетъ всѣмъ вообще, а иное въ частности— извѣстнымъ только людямъ; дабы такимъ образомъ доставить здравіе не только всѣмъ вообще, но и дашь врачевство противъ часной слабости каждаго человѣка порознь. Ибо чего нельзя перенести въ другой, высшій кругъ, то должно быть лѣчимо въ своемъ кругѣ.

XXVI.) Равнымъ образомъ, не должно думать, что нѣкоторые поступки, о коихъ говорится въ Вещномъ Завѣщѣ иносказательно, или собственно, и кои, по состоянію тогдашнихъ временъ, не были ни безнравственны, ни преступны, можно было бы ввести въ употребленіе и въ настоящее время. Такъ можешь думать развѣ шонгъ, въ комъ господствуетъ похоть, и кто ищетъ защиты для ней въ самомъ Св. Писаніи, которое должно изсреблять ее. Такой несчастливецъ не понимаетъ что о подобныхъ поступкахъ для того и повѣствуется въ Писаніи, дабы

(а) Сир. VII, 27.

здравомыслящіе люди знали; что и
оцвергаемый въ ихъ время обычаи
можеть имѣть хорошую сторону,
и наблюдаемый у нихъ можеть быть
предосудительнъ, если взять во
вниманіе—шамъ чистую любовь, а
здѣсь—похоны дѣйствующихъ лицъ.

XXVII.) Въ самомъ дѣлѣ, иной въ тѣ
времена, могъ пользоваться многими
женами—цѣломудренно, а другой нынѣ
не можеть пользоваться и одною безъ
сладострасія. И я болѣе одобряю
того, кто пользовался плодородіемъ
многихъ женъ ради высшей цѣли,
нежели того, кто довольствуется
одною женою ради ея самой. Ибо
въ первомъ случаѣ имѣется въ ви-
ду пошребность, сообразная съ об-
стоятельствами и духомъ времени;
въ послѣднемъ насыщается только
спрасъ къ временнымъ удовольстві-
ямъ. Почему тѣ, коимъ, по невоздер-
жанію ихъ, дозволил Апостоль имѣть
каждому свою жену, предъ Богомъ го-
раздо ниже тѣхъ, кои хотя имѣли
многихъ женъ, но при сообщеніи съ
ними имѣли въ виду одно только ро-
жденіе дѣтей, подобно тому, какъ
благоразумный, при употребленіи пи-
щи и питія, имѣеть въ виду одно
здоровье тѣла. И если бы прищесствіе

Господа заспало Велхозавѣшнихъ праведниковъ въ живыхъ, по они первые скопили бы себя духовно, (нечувственно) ради царствія небснаго, поелику тогда время уже было леразмешать, а собирать каменіе (а). Ибо неспрудно оспавить по, чемъ обладаемъ безъ приспрасія. Припомъ и Велхозавѣшные знали, что излишняя невоздержность въ супругахъ есть злоупотребленіе. Эшо свидѣтельствуютъ слова Товіи, который, по соединеніи съ женою, говоритъ: *Благословенъ еси Боже отецъ нашихъ, и благословенно имя твое святое и славное во вѣки: да благословятъ Тя небеса, и вся созданія Твоя. Ты сотворилъ еси Адама, и далъ еси ему помощницу Еву. Нынѣ, Господи, не блудодѣянiя ради азъ поемлю сестру мою сію, но по истинѣ: повели помиловану ми быти (б).*

XXVIII.) Не смотря на сіе, сладострастные люди предающіеся спудодѣйству со многими женами, или имѣющіе одну, но пресупающіе мѣру, попребную для рожденiя дѣтей, и увеличивающіе гнусность необычайной невоздержности совершенно безстыднымъ дозволеніемъ себѣ какой-то раб-

✓ (а) Еккл. III, 5. (б) Тов. VIII, 5.

ской свободы, — сіи люди почитаютъ не избыточнымъ, чѣшбы древніе мужи умѣренно пользовались многими женами, и имѣли въ виду при семъ одну только, сообразную со временемъ, потребность — родить дѣтей. Ибо, по ихъ мнѣнію, никакъ нельзя соблюсти при многихъ женахъ того, чего они сами, подавляемые любострасстіемъ, несоблюдаютъ даже при одной.

XXIX.) Но такіе люди, пожалуй, могутъ сказать еще и то, что не слѣдуетъ хвалить и почитать людей святой и непорочной жизни, потому что сами они, во время похвалъ и чести, напыщаются гордостью, и бываютъ тѣмъ жаднѣе къ пустой славѣ, чѣмъ чаще и болѣе языкъ лести сплетаетъ имъ похвалы. Такая гордость дѣлаетъ ихъ столь легкомысленными, что всякій вѣтеръ молвы, попутный ли то или противоположный, увлекаетъ ихъ въ какую-нибудь пучину нечестія, или даже повергаетъ и разбиваетъ о камни преступленій. Но, возлюбленный, положимъ, что для тебя тяжко и трудно съ одной стороны не обольщаться приманкою славы, съ другой — не чувствовать скорби отъ поношеній; — только по себѣ самомъ не суди о другихъ. Вспомни

что Апостолы подвергались тому и другому искушенію, — ибо были и прославляемы вѣрующими, и хулимы прошивниками; однакожь они не надѣвались, когда люди превозносили ихъ, и не унывали духомъ, когда презирали ихъ. Посему, какъ Апостолы, по общіимъ дѣламъ времени, пользовавшіеся хвалою, не дѣлались худшими: такъ и Вѣхозавѣшные мужи, пользуясь женами, по обычаю и по потребностямъ времени, не предавались похоти, коей невѣрующіе сему служатъ, какъ рабы.

XXX.) И симъ-то объясняется то, что Вѣхозавѣшные праведники не почитали за стыдъ нишашъ постоянное негодованіе на своихъ сыновей, когда узнавали, что сіи дѣлали покусенія на ихъ женъ и наложницъ, или и общались съ ними, какъ это иногда случалось. Между тѣмъ, Давидъ претерпѣвшій отъ своего нечестиваго и непокорнаго сына подобное поруганіе, не только равнодушно перенесъ оное, но и горько оплакивалъ смерть сего неистоваго сына (а). Ибо нечувство плотской ревности и собственной обиды, но мысль о грѣ-

(а) 2 Цар. XVI, 21, 22. Тамже XVIII, 35.

хахъ сына пятошила сердце сего родителя. Посему-то, въ случаѣ побѣды, Давидъ запретилъ умерщвлять Авессалома, дабы, по укрощеніи его, дать ему возможность покаяться; но какъ сего не случилось, то Давидъ горько плакалъ—не о томъ, что лишился сына, но о томъ, сколь тяжкимъ наказаніемъ должна подвергнуться душа, столь пресупная и опцеубійственная. Ибо прежде сего, смерть другаго сына, который все не былъ виновенъ, и болѣзнь коего сильно печалила опцовское сердце, Давидъ однакоже не оплакивалъ.

XXXI. Слѣдующее обстоятельство также доказываетъ, сколь умѣренно и воздержно мужи древніе обходились съ женами (а). Когда тошъ же Давидъ, увлеченный пылкостью возраста и временнымъ благополучіемъ, воспламенился не позволенною спраснію къ нѣкоторой женщинѣ, и въ слѣдствіе сего приказалъ умертвить мужа ея; то осужденъ былъ, какъ извѣстно, Пророкомъ, который, пришедши къ нему съ намѣреніемъ обличить его во грѣхѣ, предложилъ притчу объ одномъ бѣднякѣ, у коего богашій, не

(а) 2 Цар. XII, 3.

смотря на то, что имѣлъ многихъ овецъ, ошнѣлъ для угощенія пришедшаго къ нему госпя единствѣнную овцу. Раздраженный Давидъ произнесъ смертный приговоръ надъ богачемъ и повелѣніе вознаградить бѣднаго за овцу вчешверо. Такимъ образомъ Царь, учинившій пресшупленіе въ полномъ сознаніи, осудилъ самъ себя, не зная того. И когда Пророкъ объяснилъ ему прищчу, и возвѣспилъ Божіе наказаніе; то онъ очистишь свой грѣхъ спрогимъ покаяніемъ. Въ сей прищчѣ однакоже означено было только прелюбодѣяніе— ошѣяніемъ овцы бѣднаго сосѣда; о умерщвленіи же мужа, или о томъ, что бѣдныя, имѣвшій одну овцу, былъ убитъ, умолчано, чтобы Давидъ опредѣлилъ себѣ наказаніе за одно только прелюбодѣяніе. Онсѣлъ для проницательныхъ видно, какъ умѣренно сей Царь пользовался многими женами, когда и за одну, неправильно употребленную, принужденъ былъ и согласился наказать самъ себя. Плосское вожделѣніе въ Давидѣ не было господствующимъ, а случайнымъ; почему и обличилъ— Пророкъ назвалъ неповоленную спрасъ *гостемѣ*; не сказалъ, что овца бѣднаго сосѣда употреблена была для сшода Царю,

но гостю. Напрошивъ, въ сынѣ Давидовомъ Соломонѣ сія спрасишь небыла уже случайною, подобно гостю, но господспвовала въ немъ, какъ царица, о чемъ и Св. Писаніе упоминаетъ, называя Соломона женолюбивымъ (а). Впрочемъ и Соломонъ, въ началѣ царспвованія, пламенно желалъ мудрости, копорую онъ пріобрѣлъ духовною любовію, а ушрашилъ чрезъ любовь плотискую.

XXXII.) Ишакъ, хопя всѣ, или почти всѣ дѣянія, описываемыя въ книгахъ Ветхаго Зава, должны бытъ принимаемы не только въ собственномъ, но и въ иносказательномъ смыслѣ; однакожъ, если читатель найдетъ описаніе какого-либо дѣйсвія ублажаемыхъ въ Писаніи лицъ въ собственномъ смыслѣ, а оно несообразно съ поведеніемъ благочеспивыхъ Христіанъ, по пришествіи Спасителя исполняющихъ Божественныя заповѣди; то онъ долженъ открывать здѣсь только прообразуемое, самаго же дѣйсвія не поставлять правиломъ для настоящаго времени. Ибо изъ того, что въ древнія времена происходило иногда даже по долгу, нынѣ—иное не можеть совершаться безъ страсти.

(а) 3 Цар. XI, 1, 2.—Парал. I, 10.

XXXIII.) Если же случится чипашъ о какихъ-либо прегрѣшеніяхъ великихъ людей; то, хощя чипашель и можешъ открывать въ оныхъ нѣкоторое прообразование будущаго: при всемъ томъ собственное значеніе неправыхъ поступковъ должно вразумлять его въ томъ, чтобы онъ никогда не дерзалъ превозноситься правою своихъ собственныхъ дѣлъ и презирашь другихъ, какъ грѣшниковъ,—видя, что и великіе мужи подвергались бурямъ, коихъ должно остерегаться, и претерпѣвали кораблекрушенія, кои должно оплакивать. Грѣхопаденія великихъ мужей для того и описаны, чтобы мы непрестанно и со прещеніемъ памятовали слова Апостола: *тѣмъ же мнѣйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (а)! И вопль почему на каждой почти страницѣ Св. Писанія внушается намъ, что Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ Благодать.

XXXIV.) Итакъ, всего болѣе должно вникать въ то, собственная ли, или иносказательная та рѣчь, которую стараемся понять. Ибо, ежели доищемся, что она иносказательная: то, при помощи правилъ

(а) 1 Кор. X, 12.

о предметяхъ, изложенныхъ мною въ первой книгѣ, намъ легко будетъ вращать ее, такъ сказать, на всѣ стороны, доколь дойдемъ до истиннаго смысла;— особенно когда при совокупленіи къ еяму навыкъ, подкрѣпляемый истиннымъ благочестіемъ. А какъ ошлечаешь иносказательную рѣчь ошъ собственности, этому помогутъ правила, о коихъ я говорилъ выше. Когда опкроешь родъ рѣчи; то опкроешь вмѣстѣ и то, что иносказаніе, составляющее оную, взяно или ошъ сходства подобныхъ между собою вещей, или ошъ такихъ, кои соприкасаются одна къ другой по нѣкоторой шолько близости.

XXXV.) Поелику же предметы, между собою подобные, могутъ имѣть сходство во многихъ отношеніяхъ: то не должно думать, чшобы вещь, имѣющая въ извѣстномъ мѣстѣ, по нѣкоторому сходству, то или другое значеніе, имѣла шже самое и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Такъ напр., Господь употребилъ одно ишже слово *квасъ* и въ смыслѣ обличенія, когда говорилъ: *блюдитесь отъ кваса Фарисейска* (а), и въ смыслѣ одобренія, ко-

гда сказалъ : подобно есть Царствіе
небесное квасу, егоже приелиши жена,
скры въ сатѣхѣ тріехѣ муки, донде-
же ескисе все (а).

XXXVI.) О разносими значенія словъ
должно замѣшши, что ея два вида,
а именно : извѣстная вещь можетъ
означать по или другое шакъ, что
сіи значенія будутъ или совершенно
противны (contraria) одно другому,
или только различны (diversa) между
собою. Значенія бывають противопо-
ложны, когда какая-нибудь вещь,
поизвѣстному сходству, принимается
по въ хорошую, по въ худую спорону,—
какъ нарим : квасъ, о которомъ
упомянуто выше. Точно шакже левъ
означаетъ и Христа, когда говорится:
Се побѣдилъ есть левъ, иже сый
отъ колѣна Іудина (б),—и искусителя,
когда написано: *супостатъ вашъ діа-*
волъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій
кого поглотити (в). Подобнымъ обра-
зомъ змій принимается и въ хорошую
спорону: *будьте мудри, яко змій* (г), и
въ худую : *змій Евъ прельсти лука-*
ствоиъ своиъ (д). Хлѣбъ принимается
шакже и въ хорошую спорону: *азъ есмь*

(а) Лук. XIII. 21. (б) Апок. V, 5. (в) 1 Петр. V, 8.

(г) Матѣ. X, 16. (д) 2 Кор. XI, 3.

хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе (а),— и въ худую: хлѣбомъ сокровеннымъ въ сладость прикоснитесь (б). Есть много и другихъ примѣровъ сего рода. Приведенныя мною мѣста такого свойства, что ихъ значеніе не подлежишь никакому сомнѣнію (ибо для примѣра должно приводить только то, что ясно): но есть и такія мѣста, при чтеніи коихъ несовсѣмъ видно, въ какую сторону онѣ должны быть понимаемы. Таково слѣдующее: *чаша въ рцѣхъ Господни вина не растворена исполнь растворенія, и цклони отъ сѣя въ сію: обате дрождіе его не истощиса* (в). Не вдругъ увидишь, что разумѣшь здѣсь подъ чашею,— гнѣвъ ли Божій, не проспирающійся до послѣдней степени наказанія, то-есть, не распространяющійся на дрождіе,—или благодать Св. Писанія, нерешедшую опъ Іудеевъ къ язычникамъ,—ибо сказано: *цклони отъ сѣя въ сію*,—хотя въ тоже время у Іудеевъ оспались еще обряды, плотскимъ образомъ ими понимаемые: *ибо дрождіе его не истощиса*. А что одна и таже вещь можешь имѣть не прошивныя, а только различныя значенія, примѣромъ сего служишь вода, означающая и народъ,

(а) Іоан. XVII, 51. (б) Притч. IX, 17. (в) Псал. LXXIV, 9.

какъ можно видѣшь въ Апокалипсисѣ, и Духа Св. какъ въ семь шекспѣ: *рѣки отъ трева его истекуть воды живы* (а). Если сіе слово имѣешь и другія кажія значенія, то онѣ угадываются, смотря по мѣсту, въ которомъ оно употребляется.

XXXVII.) Равнымъ образомъ и другіе предметы, не опредѣльно и сами по себѣ, но въ связи съ другими словами, могутъ имѣть не только два, но иногда и многія различныя значенія, коихъ смыслъ опредѣляется самымъ ихъ положеніемъ, какъ видно изъ предыдущаго примѣра.

Если значеніе предмета опредѣлено въ какомъ-нибудь мѣстѣ ясно; то такими мѣстами должно пользоваться для изясненія мѣстъ темнѣйшихъ. Такъ выраженіе *щитъ* въ словахъ, сказанныхъ Богу: *Прими оружіе и щитъ, и востани въ помощь мою* (б), не можетъ быть лучше объяснено, какъ чрезъ снесеніе съ слѣдующимъ мѣстомъ: *Господи, яко оружіемъ благоволенія вънчалъ еси насъ* (в). Однакожь не во всякомъ мѣстѣ, гдѣ щитъ употребляется въ смыслѣ нѣкотораго охранительнаго орудія, должно

(а) Апок. XVII, 15 и слѣд.— Іоанн. VII, 38.

(б) Псал. XXXIV, 2. (в) Псал. V, 13.

подъ нимъ разумѣшь только благоволеніе Божіе. Ибо напр., сказано: *восприимите щитъ вѣры, въ немъ же возможете вся стрѣлы лукаваго разженныя угасити* (а). И опять, при изображеніи духовныхъ оружій, не должно понятіе вѣры соединять съ однимъ только щитомъ; ибо въ другомъ мѣстѣ упоминается еще о броне вѣры: *облекшеся, говорися, въ броню вѣры и любви, и проч.* (б).

XXXVIII.) Если однѣ и тѣже слова Св. Писанія даютъ не одну мысль, но двѣ или болѣе, между тѣмъ неизвѣстно: какой именно смыслъ давалъ имъ самъ Писатель; въ такомъ случаѣ nebudeтъ ни какой опасности, — другими мѣстами Писанія опредѣлишь такой смыслъ, который болѣе подходитъ къ истинѣ. Конечно, испытующій Божественные глаголы, всѣми мѣрами долженъ стараться отыскать подлинное намѣреніе самаго Писателя, чрезъ котораго Духъ Св. изрекъ сіи глаголы; но если онъ не постигнетъ его: то можетъ изъ разсмащиваемыхъ словъ извлечь и другую мысль; лишь бы только сія мысль не противорѣчила правой вѣрѣ, и под-

(а) Евес. VI, 16. (б) Фессал. V, 8.

тверждалась ясными свидетельствами Св. Писанія. Ибо можешь спастись, что самъ Писатель въ изъясняемыхъ нами словахъ видѣлъ и эту мысль. По крайней мѣрѣ Духъ Божій, дѣйствовавшій чрезъ Писателя, безъ сомнѣнія, предвидѣлъ, что извѣстная мысль воспрѣмится читателемъ или слушателемъ, и даже, можешь быть, промышлялъ о томъ, чтобы она воспрѣмилась, покуда и она есть мысль, основанная на истинѣ. И что можешь быть болѣе достойно важности Св. Писанія и премудрости промысла Божія, его давшаго, какъ не то, чтобы однѣ и тѣже слова могли быть понимаемы и изъясняемы посредствомъ различныхъ способовъ, за достоверность коихъ ручалось бы позже самое Писаніе въ другихъ своихъ мѣстахъ, болѣе ясныхъ и опредѣленныхъ?

XXXIX.) Если же гдѣ не возможно будетъ открыть истиннаго смысла, посредствомъ ясныхъ свидетельствъ Св. Писанія; въ такомъ случаѣ остается объяснять извѣстное мѣсто, призвавши въ помощь разумъ,—хотя бы открытый смыслъ былъ и не тотъ, какой, можешь спастись, имѣлъ изъясняемый нами Писатель. Впрочемъ средство—объяснять тексты

соудѣспвіемъ одного разума—опасно; гораздо безопаснѣе держаться Св. Писанія, которое само собою всегда можешь предохранять насъ отъ прошиворѣчій, или, если впадемъ въ оныя, дашь намъ въ самомъ же себѣ средства къ соглашенію ихъ.

XL.) Между тѣмъ ученые не должны забывать, что наши Св. Писатели употребляли всѣ роды изреченія, извѣстные у Грамматииковъ подѣ Греческимъ названіемъ *троповѣ*, и припомъ гораздо разнообразнѣйшихъ и въ большемъ обиліи, нежели какъ могутъ думать или вѣрить тѣ, которые не знаютъ нашихъ Св. Писателей, и узнали сіи пропы отъ однихъ только свѣтскихъ учителей. Знакомые съ тропами легко находятъ ихъ и въ Св. Писаніи, и нерѣдко пользуются ими къ уразумѣнію онаго. Не мѣсто здѣсь преподавать незнающимъ правила троповъ, дабы не показалось, что я учу Грамматиикѣ. Совѣтую изучать сію науку у другихъ наставниковъ, хотя и я съ своей стороны, говоря во второй книгѣ о необходимости знанія языковъ, предложилъ нѣсколько замѣчаній объ изученіи Грамматики. Ибо буквы, отъ которыхъ са-

мая Грамматики получила свое названіе (Греки называютъ буквы *грамма*), суть самыя употребительныя знаки звуковъ членораздѣльнаго языка, которыми говоримъ. Въ священныхъ книгахъ есть нешолько примѣры проповѣй, но встрѣчающіяся даже и названія нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., *аллегорія*, *загадка*, *притча*. Замѣчу здѣсь, что почти всѣ шѣ пропы, коимъ,—говоряиъ,—будто бы научающъ однѣ свободныя науки, встрѣчающіяся и въ рѣчахъ людей, не слушавшихъ никакой науки, встрѣчающіяся въ самомъ обыкновенномъ, проспонародномъ языкѣ. Кто не говоритъ: цвѣли такъ, и пр.? а это пропъ, называющійся метафорою. Кто не называетъ *рыбницею* (*piscina*) или *рыбною сажалкою* такое водохранилище, которое не имѣетъ рыбъ и сдѣлано не для рыбъ, но опъ рыбъ получило названіе? А это опашъ пропъ, называющійся *катахрезисомъ*.

XLI.) Слишкомъ долго будетъ перечислять всѣ пропы обыкновенныя; ибо въ проспонародномъ языкѣ употребляющіяся даже и не совсѣмъ обыкновенныя пропы, означающіе совсѣмъ другое, нежели что говорятъ самыя слова, напр: *иронія* и *антифразъ*. Но *иронія* самымъ произ-

ношеніемъ показывается , что она хочешь сказать, напр., когда чело-вѣку, дѣлающему что-нибудь худое, говорятъ: *хорошо ты дѣлаешь!* Напротивъ, чтобы антифразъ означилъ совсѣмъ иную мысль, нежели какую показывающъ слова,— для сего недоспа-точно тона или произношенія, а на-добно, чтобы сей шротъ или имѣлъ свои особыя слова, въ которыхъ корен-ное значеніе противорѣчитъ производ-ному,— напримѣръ *роща* называется *lucus* отъ *lucet* свѣчу, между тѣмъ какъ она нисколько не свѣтитъ; или чтобы употребленіе давало сло-вамъ двойное значеніе: одно прямое, обыкновенно употребляемое, а другое противоположное;— напр., когда мы хотимъ взять какую-нибудь вещь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ея нѣтъ, и намъ отвѣчаютъ: *тамъ этого очень мно-го* (*abundat*); или наконецъ нужно, чтобы прибавочныя слова объясняли, что рѣчь нашу должно понимать въ про-тивную сторону,— напр., *берегись его, ибо онъ человѣкъ добрый!* Ка-кой простолюдинъ не употребляетъ подобныхъ оборотовъ рѣчи, хотя онъ ни сколько не знаетъ ни того, какіе это шроты, ни даже того, что та-кіе обороты называются шротами?..— Но какъ бы что ни было, шолько по-

знаніе проповъ необходимо при разрѣшеніи двусмысленностей, встрѣчающихся въ Св. Писаніи. Ежели изъ словъ, въ собственномъ значеніи взятыхъ, выходишь смыслъ несообразный; но нужно вникнуть, не употреблены ли такой или другой проповъ—въ изрѣченіи, котораго мы не понимаемъ. Этимъ способомъ объяснено много такого, что прежде казалось шемнымъ .

XLII.) Нѣкто Тихоній, съ неопровергаемою силою писавшій прошивъ Донатистовъ, пошому что самъ былъ Донатистъ,—человѣкъ между нѣмъ самага не приязненнаго духа въ нѣхъ мѣспяхъ, гдѣ онъ не хотѣлъ оставишь совершенно мнѣнія сихъ еретиковъ,—написалъ книгу подъ названіемъ : *книга Правилъ* . Въ этомъ сочиненіи онъ изложилъ семь правилъ , кои , по его мнѣнію , должны бышь какъ бы ключами къ открытію сокровенностей Св. Писанія . Первымъ правиломъ полагаетъ онъ правило о *Господѣ и Его тѣлѣ* ; второе—о *дволюкомъ тѣлѣ* (*corpus bipartitum*) *Господа* ; третіе—о *обѣтованіяхъ и Законѣ* ; четвертое—о *видѣ и родѣ* , пятое—о *временахъ* , шестое—о *повтореніи* сказаннаго (*de recapitulatione*), седь-

мое—о *дiаволѣ и его тѣлѣ*. Хотя сіи правила, будучи разсмаприваемы такъ, какъ раскрываетъ ихъ сочи-нишель, не мало помогающъ про-никашъ въ сокровенный смыслъ Св. Пи-санія; однакожъ, при помощи ихъ, не все можно проникнуть, и не все шакъ, какъ предписываютъ сіи правила. Напрошивъ, есшъ много другихъ къ сему средствъ, кошорыхъ Тихоній не включилъ въ свое седмичное чи-сло; да и самъ онъ шолкуешъ мно-гія мѣста темныя, не употребляя въ пособіе себѣ ни одного изъ сво-ихъ правилъ, пошому чшо ни въ од-номъ изъ нихъ небыло нужды. Ибо въ приводимыхъ имъ мѣстахъ нѣшъ ни одного шакого предмета или во-проса, къ разрѣшенію коего можнобъ было приложить его правила; напр., изъясняя одно мѣсто изъ Открове-нія Іоаннова, Тихоній спрашиваетъ: что должно разумѣшъ подъ Ангелами седми Церквей, къ коимъ повелѣва-енія написашъ? и, послѣ многихъ и различныхъ умозаключеній, выво-дишъ наконецъ, что подъ Ангелами разумѣюшся самыя Церкви. Въ семъ, чрезмѣрно плодовишомъ, изслѣдованіи своемъ онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго употребленія изъ собственннхъ пра-вилъ, хотя у него дѣло шло о весьма

темномъ предметѣ. Довольно одного примѣра; а собираешь все мѣста, кои въ Каноническихъ книгахъ такъ темны, что ихъ нисколько нельзя объяснить при посредствѣ означенныхъ семи правилъ, было бы слишкомъ продолжительно, да и ненужно.

XLIII.) Между тѣмъ Тихоній, выхваляя свои правила, приписываетъ имъ столько, какъ будто все, что только есть темнаго въ Законѣ, т. е. въ священныхъ Книгахъ, можно легко понять, хорошо выразумѣвъ и должнымъ образомъ употребивъ сіи правила. Такъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, онъ говоритъ: „я почелъ „необходимымъ прежде всего (предсказывающагося мнѣ), написать *книгу „правилъ*, и устроить, такъ сказать, „ключи и свѣщильники для тайны законна. Ибо есть нѣкоторыя мистическія (*mysticae regulae*) правила, кои „открываютъ все глубины Закона, „и сокровища, для нѣкоторыхъ невидимыя, дѣлаютъ видимыми. Ежели „сіи правила будутъ приняты безъ „зависши, какъ я сообщилъ ихъ; то „все заключенное опровергнется, и все „темное освѣтится; и каждый, „проходящій въ неизмѣримомъ лѣсу „прочестъ, будучи руководимъ мои-

„ми правилами, какъ бы свѣшлыми, пущими, избѣгнешь заблужденія.“ Если бы вмѣсто того, чтобы говорить: есть нѣкоторыя тайнственныя правила, кои открываютъ всѣ глубины Закона,—Тихоній сказалъ, что его правила открываютъ только нѣкоторыя, или по крайней мѣрѣ многія глубины (recessus) закона; далѣе—если бы не увѣрялъ, что все заключенное отверзется, но что многое откроется:—онъ сказалъ бы правду, и необмануль бы ожиданія чипашелей, приписавъ своему,—впрочемъ полезному и сопищаніемъ обработанному сочиненію, болѣе, нежели сколько позволяеть существо дѣла. Я съ своей стороны почелъ необходимымъ предваришь занимающихся науками, чтобы они чипали Тихоніеву книгу,—какъ много способствующую къ уразумѣнію Св. Писанія; но чтобы вмѣстѣ съ нѣмъ не ожидали отъ ней того, чего она не имѣетъ. Точно,—ее должно чипать съ осторожностію не только по причинѣ нѣкоторыхъ погрѣшностей, кои сочинитель сдѣлалъ, какъ человекъ, но особенно по причинѣ того, что онъ говоритъ въ ней многое, какъ До-нашисъ. Покажу теперь кратко, чему учать, и что внушаютъ эти семь правилъ.

XLIV.) Первое правило говорить о *Господѣ и тѣлѣ Его*. Зная, что въ Св. Писаніи о главѣ и тѣлѣ— т. е. о Христѣ и Церкви— говорится иногда въ одномъ и томъ же лицѣ, (ибо не напрасно сказано вѣрующимъ: *убо Авраамле сѣди есте* (а), тогда какъ сѣмя Авраамле одно, то-есть, Христосъ), и не стану долго медлить на этомъ правилѣ касательно того, когда именно въ Писаніи отъ главы дѣлается переходъ къ тѣлу, или когда отъ тѣла къ главѣ, но не разумѣется одно и тоже лице. Напр., въ слѣдующихъ словахъ хотя говорится одно и тоже лице о себѣ: *яко на жениха возложи на мя вѣнецъ, и яко невѣсту украси мя красотою* (б); однакожъ, надобно еще доискиваться, что именно здѣсь относитъ къ главѣ и что къ тѣлу, т. е., что къ Христу и что къ Церкви.

XLV.) Второе правило у Тихонія о *двокомѣ тѣлѣ Господа*; но это правило не такъ слѣдовало бы называть: ибо то не есть на самомъ дѣлѣ тѣло Господа, которое не пребудетъ съ Господомъ вѣчно. Слѣдовало сказать: о *тѣлѣ Господа истинномѣ и смѣшенномѣ* (permixto), или о *тѣлѣ дѣйствительномѣ*

(а) Гал. III, 29. (б) Исаія LXI, 10.

и *линимомѣ* (simulato), или упошребивъ другое какое выраженіе: ибо лицемѣры не только не будутъ съ Господомъ въ вѣчности, но и теперь уже не съ Нимъ, хотя, по видимому, находясь въ Его Церкви. Отсюда второе правило можно бы назвать еще и такъ: *о смѣшенной Церкви*. Сіе правило пребуешь чипашеля внимательнаго. Ибо бывають случаи, когда Св. Писаніе говоритъ, по видимому, къ шѣмъ же самымъ лицамъ, къ копорымъ прежде была направлена рѣчь, между шѣмъ какъ рѣчь обращается уже къ другимъ; или кажется, что оно говоритъ объ однихъ и шѣхъ же лицахъ, между шѣмъ какъ говорится уже о другихъ. Это происходитъ отъ того, что шѣ и другія соснавляютъ, по временному смѣшенію и учаспію рѣшаинстввахъ, какъ-бы одно шѣло. Сюда относятся слова изъ Пѣсни пѣсней: *Черна есмь азъ и добра, якоже селенія Кидарска, якоже завѣсы Соломони* (а). Не говоритъ: я была черна, какъ селенія Кидарска, и есмь добра какъ завѣсы Соломони; но говоритъ о себѣ и то и другое вмѣстѣ, по причинѣ временнаго соединенія въ одной и той же мрежѣ хорошихъ и худыхъ

(а) Ис. I, 4.

рыбъ (а) (Ибо селенія Кидарска относясь къ Измаилу, который не будешь наслѣдникомъ вмѣстѣ съ сыномъ свободныя) (б). Въ другомъ мѣстѣ говоря о доброй сторонѣ: *И наведу слѣпыя на путь, егоже не видѣша, и по стезямъ, ихъ же не знаша, ходити сотворю имъ: сотворю имъ тмъ во свѣтъ и стропотная въ правая. Сія глаголы сотворю, и не оставлю ихъ* (в),— Богъ шупъ же вдругъ говоритъ и о прощивной сторонѣ, которая смѣшена съ доброю: *Тѣ же возвратишася вспять* (г). Сими словами означаются уже другія лица, а не шѣ что—первыми. По велику же въ наслоищемъ соспоянїи и шѣ и другія соспавляютъ одно; шо и кажется, будто здѣсь говоринся о шѣхъ же самыхъ, о копорыхъ говорилось выше; между шѣмъ сіи двѣ часпи не всегда будутъ соспавлять одно. Доказательствомъ шому служишь рабъ, въ Евангелїи упоминаемый, копорато господинъ, когда придетъ, разсѣчетъ и подвергнетъ одной учаспи съ лицемѣрами (д).

XLVI.) Третье правило надписывается о обдтованїяхъ и Законѣ, кото-

(а) Матт. XIII, 47. (б) Быт. XXI, 10.— Гал. IV, 30.

(в) Исаїа XLII, 16. (г) Тамже ст. 17. (д) Матт. XXIV, 51.

рое иначе можно бы назвашь: о *духѣ* и *буквѣ*, какъ я и назвашь оное въ книгѣ, написанной мною о семъ предметѣ. Можно также назвашь его: о *Благодати* и *заповѣди*. Но ученіе о Благодати есть, по моему мнѣнію, скорѣе великій вопросъ, нежели какое-нибудь правило, могущее служить къ разрѣшенію вопросовъ. Сего-то ученія о Благодати не понявши Пелагіяне, составили извѣстную ересь, или же распространили ее. Тихоній съ похвалою прудился надъ разрѣшеніемъ вопроса о Благодати, но вполне не изслѣдовалъ его. Разсуждалъ о вѣрѣ и дѣлахъ, онъ говоритъ, что отъ Бога дающаго намъ только дѣла въ заслугу вѣры, но что самая вѣра зависитъ единственно отъ насъ, а не есть даръ Божій. Онъ не вникнулъ въ слова Апостола: *миръ братіи и любовь съ вѣрою отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа* (а)! Впрочемъ Тихонию не была извѣстна ересь Пелагіанъ, кошорая, родившись въ наше время, заставила насъ ревностно защищать противъ нее Благодать Божию, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, и кошорая, еогласно съ словами Апостола: *подобаеѣ и ересемѣ*

(а) Евее. VI, 25.

*еѡ васѡ быти, да искусии явлени быва-
ютѡ еѡ васѡ* (а),— содѣлала насѡ гора-
здо внимательнѣе и дѣятельнѣе. По-
сему-то мы открыли въ Св. Писаніи
то, чего не замѣпилъ Тихоній,
менѣе вникавшій въ ученіе о Благо-
даши и менѣе заботившіи́ся—именно
опъ того, что не имѣлъ у себя врага,—
мы открыли, говорю, что и самая вѣра
есть также даръ Того, Кто каждому
удѣляетъ извѣстную мѣру оной. Въ
семъ смыслѣ сказано нѣкопорымъ изъ
Хрістіанъ: *валиѡ даровася еже о
Христѡ, не токто еже еѡ Него вѣровати,
но и еже по Нелиѡ страдати* (б). Послѣ
сего, кто усумнился, что и то и
другое есть даръ Божій, когда ясно
и внятно слышишь, что то и другое
даровася? Много есть и другихъ сви-
дѣтельствъ, доказывающихъ ту же
самую истину; но я объ ней теперь
не распространяюсь; въ другихъ же
случаяхъ я рассуждалъ объ ней весьма
часто.

XLVII. Четвертое правило у Тихо-
нія *о видѡ и родѡ*. Въ этомъ правилѣ
сочинитель хочетъ, чтобы подъ видомъ
разумѣли часть, а подъ родомъ цѣлое,
коего часть есть то, что Тихоній

(а) 1 Кор. XI, 19. (б) Филип. I, 29.

называетъ видомъ, напр: каждый городъ въ особенноти есть часть всего гражданскаго міра: городъ у него видъ, а всѣ народы суть родъ. И дѣйствительно, здѣсь—въ отношеніи по-есть къ Св. Писанію—не умѣста поупонченность, по которой Діалектики весьма остроумо спорятъ еще о томъ, въ чѣмъ состоить разность между частію и видомъ: не умѣста потому, что Писаніе равно выражается извѣстнымъ образомъ не только объ одномъ какомъ-нибудь городѣ, но и о цѣлой области, народѣ, или государствѣ. Я разумѣю тотъ образъ выраженія, что въ Писаніи не только городамъ, наприм., Іерусалиму, или другому какому городу,—положимъ,—Тиру, или Вавилону, иногда приписываются такіе признаки, кои гораздо обширнѣе сихъ городовъ, и болѣе причислываетъ всѣмъ народамъ вообще; но и о цѣлыхъ странахъ напр: объ Іудеи, Египтѣ, Ассиріи или другой какой націи, имѣющей многія города, но не составляющей всего земнаго шара, а только часть его,—говорится нѣчто такое, что также превосходитъ мѣру сихъ странъ, и болѣе причислываетъ цѣлой Вселенной, коюрой онѣ составляютъ части, или, какъ говоритъ Тихоній—роду, кою-

раго онѣ суть виды. - (Видовыя и родовыя понятія сдѣлались извѣстными даже народу, такъ что самые простые люди понимаютъ, что въ частности, и что вообще предписано какимъ-нибудь Государственнымъ закономъ). Что сказано о городахъ, тоже должно разумѣть и о людяхъ. Напр., Соломону приписывающіяся такіе признаки, кои выше его лица, и кои сшановятся ясными только въ то время, когда мы прилагаемъ ихъ ко Христу или Церкви, которой Соломонъ есть часть.

XLVIII.) И о видѣ въ Св. Писаніи не всегда говорится болѣе того, сколько ему прилично; н. е. ему приписывающіяся или такіе признаки, кои въ немъ дѣйствительно есть, или такіе, кои ему только одному такъ ясно и могутъ приличествовать. Но ежели онъ вида дѣлается переходъ къ роду, и при томъ такъ нечувствительно, что кажется, будто Св. Писаніе все еще говоритъ о видѣ; въ такомъ случаѣ читатель долженъ употреблять самое напряженное вниманіе, дабы не искать того въ видѣ, что лучше и вѣрнѣе можетъ быть отыскано въ родѣ. Не трудно понять, что въ слѣдующихъ словахъ Пророка

Иезекиіля: Домъ Израилевъ вселися на земли своей, и осквернища ю' путемъ своимъ, и кумирни своими, и нечистотами своими; и по нечистотѣмъ блвгная имущія бысть путь ихъ предъ лицемъ моимъ: и изліяхъ ярость мою на нѣ, и рассыпавъ я въ языки, и развѣяхъ я въ страны: по пути ихъ и по натинанію ихъ суди ихъ имъ (а), — не трудно, говорю, понять, что въ сихъ словахъ разумѣется пошъ домъ Израилевъ, о которомъ Апостоль говоритъ: видите Израиля по плоти (б) ш. е. плошской Израильскій народъ, сдѣлавшій и пошерпѣвшій все, описанное Пророкомъ. Понятно шакже, что и дальнѣйшія слова приличествуютъ тому же самому народу. Но когда Пророкъ начинаешъ говоритъ: *И освящующия мое великов, оскверненное въ языцѣхъ, еже осквернисте средѣ ихъ, и црацимбуютъ языцы, яко Азъ есмь Господь*; шо читатель долженъ шщательно вникать въ шо, какимъ образомъ признаки вида здѣсь выходятъ за предѣлы сего вида, и дѣлаешся переходъ къ роду. Ибо далѣе говорится: *Внегда освящущся въ всѣхъ предѣхъ отима ихъ; и возмц вы отѣ языкѣ, и соберц вы отѣ всѣхъ земель, и введц вы въ землю вашу, и воскроплю*

(а) Иезек. XXXVI, 17—19. (б) 1 Кор. X, 18.

на вы воду тисту, и очиститесь отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ, и отъ всѣхъ кумировъ вашихъ: и огищу васъ, и дамъ вамъ сердце ново, и духъ новъ дамъ вамъ, и отыму сердце каменное отъ плоти вашей, и дамъ вамъ сердце плотяно, и духъ мой дамъ въ васъ: и сотворю, да въ заповѣдехъ моихъ ходите, и суды моя сохраните и сотворите я. И вселитесь на земли, юже дахъ отцемъ вашимъ, и будите ми въ люди, Азъ же буду вамъ въ Бога, и спасу (огищу) вы отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ (а). Все сіе предсказано о Новомъ Завѣщѣ, къ которому относится не только Иудейскій народъ въ своемъ ослѣпѣнѣ, какъ объ этомъ нѣгдѣ написано: *аще будутъ люди Израилевы яко песокъ морской, останокъ ихъ спасется* (б), — но и другіе народы, обѣщанные опцамъ древняго Израиля, кои суть также и наши опцы. Въ семъ никпо не усумнишся, когда вникнешъ, что здѣсь дано обѣщаніе и о купели возрожденія, къ которой, какъ видимъ, призваны теперь всѣ народы; и что слова Апостола, коими онъ внушаетъ превосходство Благодати Новаго Завѣща сравнительно съ Вѣтхимъ: *Посланіе наше въ есте, написанное не*

(а) Иезек. XXXVI, 23—29. (б) Псалм X, 22.

гериломѣ, но Духомѣ Бога жива, не на скрижалѣхъ каменныхъ, но на скрижалѣхъ сердца плотяныхъ (а),— что самыя слова сіи и содержащія и выведены изъ тѣхъ словъ Пророка, гдѣ онъ говоритъ: *И дамъ вамъ сердце ново, и дѣхъ новъ дамъ вамъ, и отыму сердце каменное отъ плоти вашей, и дамъ вамъ сердце плотяно* (б). Ибо сердце плотяное,— откуда и Апостоль употребилъ выраженіе: *на скрижалѣхъ сердца плотяныхъ*,— Пророкъ захошѣлъ ошлечить отъ сердца каменнаго плѣмъ, что въ немъ естъ жизнь и чувство, а жизнью и чувствомъ онъ означилъ силу разумную или духовную. Такимъ образомъ духовный Израиль составляется не изъ одного народа, но изъ всѣхъ народовъ, обѣщанныхъ отцамъ въ ихъ сѣмени, которое естъ Христосъ.

XLIX.) Посему новый духовный Израиль отъ древняго Израиля плотскаго, состоявшаго изъ одного народа, отличается не благородствомъ опечесства, а новою Благодатию,— не происхожденіемъ, а духомъ и разумѣніемъ. Между тѣмъ Пророки по возвышенности своего языка, говоря о древ-

(а) 2 Кор. III, 2. (б) Езек. XI, 19.—XXXVI, 26.

немъ или къ древнему Израилю, нечувствительно и скрытно переходя къ новому; и тогда какъ они говорятъ уже о новомъ или къ новому, все еще кажешься, будто пророчествуешь о древнемъ, или къ древнему. Такіе скрытные переходы въ рѣчахъ своихъ Пророки употребляли не отнюгто, чтобы хотѣли, по какой-либо неприязни, затемнять для насъ разумъ Писанія, но потому, что желали дать нашему разуму цѣлительную пищу для упражненія. Посему и слѣдующія слова Пророка: *сведу вы въ землю вашу,—и дальнѣйшія, гдѣ онъ какъбы повтѣоряетъ вышесказанное: вселитесь на земли, юже дахъ отцемъ вашимъ,—* мы должны понимать не плотскимъ образомъ, какъ плотской Израиль, но духовно, какъ Израиль духовный. Ибо Церковь. неимѣющая скверны или порока, собранная изъ всѣхъ народовъ и долженствующая вѣчно царствовать со Христомъ, сама есть земля блаженныхъ, земля живыхъ;—сама должна быть почиаема за наслѣдіе, данное отцамъ, когда по почной и непреложной волѣ Божіей она была обѣщана имъ: поелику самая непреложность обѣщанія или предоврежденія показывается, что сія земля уже была дана имъ, хотя въ свое

время Опцы только еще вѣровали; что она дася. Такъ и о самой благодати, сообщаемой Святымъ, Апостоль говоритъ: *не по дѣломъ нашимъ*, (ш. е. спасъ и призвалъ насъ Богъ), *но по своему благоволенію и благодати, данный намъ о Христѣ Іисусѣ прежде лѣтъ вѣчныхъ*, явльшейся же нынѣ просвѣщеніемъ Спасителя нашего (а). Благодать называлъ онъ данною, тогда какъ не было еще тѣхъ, коимъ она дана; а это потому, что самымъ распредѣленіемъ и предназначеніемъ Божиимъ уже было сдѣлано то, что должно было совершиться въ свое время, и о чемъ говоря Апостоль, употребилъ слово: *явльшейся*. Впрочемъ приведенныя слова Пророка можно разумѣть и о землѣ грядущаго вѣка, когда будетъ небо ново и земля нова, куда нечестивые не вселяшся (б). И потому справедливо говорится, что сія земля естъ удѣлъ, данный праведнымъ, въ коемъ нечестивые ошнудъ не будутъ участвовати: ибо сію землю должно также почиати уже данною, потому самому, что о ней естъ непреложное обѣщаніе.

Л.) Пятымъ правиломъ Тихоній полагаетъ правило о временахъ, дабы

(а) 2 Тим. II, 9. (б) Апок. XXI, 1.

съ помощію его, можно было открывать или, по крайней мѣрѣ, дѣлать правдоподобныя догадки о сокровенномъ въ Св. Писаніи счисленіи времени. По словамъ Тихонія, сіе правило имѣеть приложеніе въ двухъ случаяхъ, п. е. при шропѣ Синекдоха, и при шакъ называемыхъ числахъ законныхъ (legitimis) или опредѣленныхъ. Синекдоха пребуешь, или подъ часшію разумѣшь цѣлое, или, наоборотъ, подъ цѣлымъ часть. Такъ наприм., говоря о преображеніи Господа на горѣ, гдѣ, въ присутствіи только шрехъ учениковъ, лице Спасителя просіяло какъ солнце, а ризы сдѣлались бѣлы какъ снѣгъ,—одинъ Евангелистъ полагаетъ преображеніе случившимся, послѣ извѣснаго разговора, чрезъ восемь дней, а другой только чрезъ шесць (а). Явно, что сіи сказанія о числѣ дней не могушь быти оба истинны, если не предположишь, что одинъ Евангелистъ, который говоритъ: *дней чрезъ восемь*, принялъ послѣднюю часть дня, въ которую Господь предсказалъ свое преображеніе, и первую часть того дня, въ который Онъ исполнилъ свое предсказаніе, за цѣлое и

полные два дни; а другой, употребившій слова: *по прошествіи шести дней*, разумѣлъ всѣ дни полные и цѣлыя, но только средніе между предсказаніемъ и Преображеніемъ. Подобнымъ способомъ выраженія, полагающаго часть за цѣлое, разрѣшается вопросъ и о времени воскресенія Хриспова, Ибо, ежели послѣдней части дня, въ который Господь пострадалъ, не принявъ за цѣлый день, присоединивъ къ нему и предшедшую ночь, а послѣдней части ночи, въ которую онъ воскресъ, не принявъ за цѣлый день, присоединивъ также къ ней послѣдующій воскресный день: то не выйдетъ трехъ дней и трехъ ночей, въ продолженіи которыхъ Спаситель, по Его предсказанію, долженъ былъ пребыть въ сердцѣ земли.

II.) Законными, или опредѣленными числами Тихоній называетъ числа, преимущественно и чаще другихъ употребляемыя Св. Писателями, каковы: семь, десять, двенадцать, и нѣкоторыя другія, хорошо извѣстныя людямъ, занимающимся чтеніемъ Писанія. Таковыя числа опредѣленные, по большей части, употребляются вмѣстѣ съ цѣлаго неопредѣленного времени вообще. Напр., слова: *седмерицею днемъ*

хвалихъ Тя (а), поже значашъ, что—
выну хвала Тго во устѣхъ моихъ (б).
Тоже можно разумѣшь, когда числа
помножаются, или на десянь, какъ
семьдесятъ, семьсотъ, (опкуда и
семьдесятъ лѣтъ Іереміиныхъ (в)
можно принимаешь духовно за все
время, въ которое Церковь находил-
ся между язычниками), или сами
на себя, какъ десянь, помноженные
на десянь, составляютъ сто, двенад-
цать на двенадцать— сто сорокъ
четыре,—число означающее всецѣлое
общество святыхъ (universitas sanctorum)
въ Апокалипсисѣ (г). Изъ сего по-
слѣдняго обстоятельства видно, что
числами должны быть разрѣшаемы
не одни только вопросы, касающіеся
времени, но что значеніе ихъ гораздо
обширнѣе, и можетъ быть приложе-
но ко многимъ предметамъ. Ибо озна-
ченное число въ Апокалипсисѣ от-
носится не ко времени, а къ людямъ.

ЛII.) Шестое правило Тихоній
называется *повтореніемъ* или *возвращені-*
емъ къ прежде сказанному (recapitulatio),—
правило, въ шемношѣ Писанія довольно
зорко сочинителемъ найденное. Ибо
есть мѣста, въ коихъ предметы, по-

(а) Псал. CXVIII, 164. (б) Псал. XXXIII, 2.

(в) Іерем. XXV, 11. (г) Апок. VII, 4.

видимому, слѣдующъ въ порядкѣ времени, и раскрывающъ въ непрерывной связи, а между тѣмъ въ самой вещи повѣспованіе скрытно возвращающъ къ тому, что прежде было опущено. Ежели въ подобныхъ случаяхъ не руководствоваться означеннымъ правиломъ, то легко можно впасть въ заблужденіе. Такъ въ книгѣ Бытія сказано: *и насади Богъ рай во Едемѣ на востоцѣхъ, и введе тамо теловѣка, егоже созда. И прозябе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе, и доброе въ смѣдъ (а).* Но видимому, здѣсь говорится, что окончательное насажденіе рая совершено уже послѣ того, какъ Богъ ввелъ сотвореннаго имъ человѣка въ рай; а между тѣмъ Св. Писатель, упоминая кратко о томъ и другомъ, пишетъ, что Богъ насадилъ рай, и ввелъ въ него сотвореннаго человѣка, возобновляющъ только повѣспованіе, и дополняетъ то, что прежде опустилъ; именно,—описываетъ подробнѣе, какимъ образомъ былъ насажденъ рай: Богъ произвелъ, говоритъ онъ, *еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе, и доброе въ смѣдъ*; потомъ слѣдуя далѣе, прибавляетъ: *и древо жизни по-*

средѣ рая, и древо еже въдѣсти разумительное добраго и лукаваго. Попомъ описываетъ рѣку, которая напаяла рай, и раздѣлялась на чепыре источника, что все шакже относится къ устройству рая. Наконецъ описавъ рай, Бытописатель повторяетъ то, что уже сказалъ, но что въ порядкѣ творенія слѣдовало за устройствомъ рая, то — есть, говоритъ о введеніи чловѣка въ рай: *И взя Господь Богъ чловѣка, еегоже созда, и введе его въ рай сладости.* Ибо прежде рай былъ устройтъ, и потомъ уже введенъ въ него чловѣкъ, какъ показывается теперь самый порядокъ вещей, а не наоборотъ — не прежде введенъ чловѣкъ, и потомъ устройтъ рай, какъ можно бы подумать съ перваго взгляда, если не предположить здѣсь повтора (тесаритуплатіа), по которому повѣствователь возвращается къ тому, что прежде опустилъ.

LIII.) Далѣе — въ тойже книгѣ Бытія, по изчисленіи поколѣній сыновъ Ноевыхъ, сказано: *Cи сынове Химовы въ племенѣхъ своихъ, по языкомъ (secundum linguas suas) своимъ, въ странѣхъ своихъ и въ народѣхъ своихъ (а).* По

(а) Быт. X, 20.

исчисленіи сыновъ Симовыхъ также говорится: *Сіи сынове Силовы, въ племенѣхъ своихъ, по языкомъ ихъ* (secundum linguas suas), *въ странахъ ихъ и въ родѣхъ ихъ*. Наконецъ о всѣхъ вообще прибавляется: *Сіа племена сыновъ Ноевыхъ по родомъ ихъ, по языкомъ ихъ. Отъ сихъ разсѣяшася острови языковъ на землѣ по потоку. И бѣ вся земля цстѣ единѣ и гласъ единѣ всѣмъ* (а). Сіи послѣднія слова: *и бѣ вся земля цстѣ единѣ, и гласъ единѣ всѣмъ*, — ш. е. былъ одинъ языкъ у всѣхъ, — показываютъ, будто и въ то время, когда народы были уже разсѣяны по землѣ и даже по островамъ, у всѣхъ былъ одинъ общій языкъ. Но это, очевидно, противорѣчитъ предыдущимъ словамъ, гдѣ сказано: *въ племенѣхъ своихъ, по языкомъ своимъ* (secundum linguas suas). Писатель не сказалъ бы, что каждое племя, составляя отдѣльный народъ, имѣло свой особый языкъ; если бы у всѣхъ племенъ былъ одинъ общій языкъ. Слѣд. слова: *и бѣ вся земля цстѣ единѣ и гласъ единѣ всѣмъ*, составляютъ не что другое, какъ нечувствительное возобновленіе повѣщиванія, сдѣланное для объясненія того, какъ одинъ и шощъ

(а) Быт. XI, 1.

же языкъ раздѣлился на многія. Почему непосредственно за сими словами повѣствуется и о построении той башни, за которую судъ Божій посрамилъ гордость племенъ смѣшеніемъ языковъ; а послѣ этого и народы разсѣялись на землѣ, уже по языкомъ своимъ.

LIV.) Иногда повтореніе въ повѣствованіи (или возвращеніе къ прежде сказанному) бываетъ еще темнѣе и незамѣпнѣе, нежели какъ мы видѣли въ приведенныхъ нами примѣрахъ. Такъ въ Евангеліи Господь говоритъ: *Вѣ онъже день изыде Лотъ отъ Содомлянъ, одожди камыкъ горящъ и огонь съ небесе, и погуби вся. Потомуже будетъ и вѣ день, вѣ онъже Сынъ теловѣскій явится. Вѣ той день, иже будетъ на кровѣ, и сосуди его вѣ долу, да не слазитъ взяти ихъ: и иже на селѣ, такожде да не возвратится вспять. Поминайте жену Лотову (а).* Ужели въ самый день явленія Господа должно исполнять сія слова Спасителя, да не кто обратится вспять, п. е. — не спанетъ изслѣдовать свою прошедшую жизнь, съ которою онъ уже навсегда распался? напрошивъ, не теперь ли, по-есть, въ продолженіи настоящаго временнаго бытія на

(а) Лук. XVII, 29, 30, 31, 32.

землѣ, преимущественно должно внимать въ нее, дабы, когда явився Господь, каждый получилъ мзду, по мѣрѣ того, что онъ исполнилъ, и что пренебрегъ? Между-тѣмъ поелику сказано: *въ той день*, то можно бы подумать, что повелѣніе Спасителя надлежитъ исполнять именно въ тотъ день, когда явився Господь, — если не предположимъ здѣсь вышесказаннаго правила о повтореніи, и не призвать въ помощь другаго мѣста Св. Писанія, въ которомъ еще во времена Апостоловъ говорилось: *дѣти, послѣдняя година есть*. Слѣдовательно, подъ выраженіемъ: *день шой*, въ который нужно исполнять вышеозначенныя слова Спасителя, разумѣется все продолженіе времени проповѣди Евангелія, даже до послѣдняго явленія Господа; ибо и самое явленіе Господа относится къ сему же времени, которое окончится въ день суда. —

LV.) Седьмое и послѣднее правило у Тихонія есть: *о діаволѣ и его тѣлѣ*. Ибо и діаволъ есть глава нечестивыхъ, составляющихъ нѣкоторымъ образомъ тѣло его, и вмѣстѣ съ нимъ долженствующихъ опыти во огнь вѣчный: подобно какъ Христосъ есть глава Церкви, которая

есть Его тѣло, имѣющее пребывать съ Нимъ въ вѣчномъ царствѣ славы. Слѣдовательно, какъ при первомъ правилѣ,—которое Тихоній называлъ: о *Господѣ и Его тѣлѣ*,—нужно бытъ внимательнымъ, дабы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Писаніе говоритъ о Господѣ и Его тѣлѣ въ одномъ лицѣ, понять, что причисляется главѣ и что тѣлу: такъ равно потребно такое же вниманіе и при послѣднемъ правилѣ. Ибо иногда говорится о діаволѣ нѣчто такое, что причисляется не столько ему, сколько его тѣлу, которое составляютъ не тѣ только, кои самымъ очевиднымъ образомъ находясь внѣ Церкви, но и тѣ, кои принадлежа діаволу, до времени считаются въ Церкви, пока каждый оставивъ настоящую жизнь, или пока плевелы послѣднею лопатою отдѣлятся отъ пшеницы. Такъ слѣдующія слова Исаи: *како спадѣ съ небесе денница, восходящая завтра* (а) и пр., сказанныя къ одному и тому же лицу, или о томъ же лицѣ, подъ видомъ Царя Вавилонскаго заставляющъ разумѣть діавола; однакожъ, въ дальнѣйшихъ словахъ: *сокрушися на земли, посылай ко себѣ языкѣмъ*, не все причислыва-

(а) Искія ХІV, 12.

есть діаволу, какъ главѣ. Ибо, хопя діаволь посылаетъ своихъ служителей или ангеловъ ко всѣмъ языкомъ, 'однакожь *на землѣ сокрушается* не самъ онъ, но его тѣло; а онъ самъ сокрушается развѣ только потому, что находится въ своемъ тѣлѣ, которое гибнетъ яко прахъ, егоже возмешаетъ въспрыонъ лица земли.

LVI.) Всѣ вообще правила Тихоніевы, исключая одно: *О обѣтованіяхъ и законѣ*, учатъ тому, какъ подъ однимъ разумѣть другое, ш. е. какъ понимаешь языкъ или рѣчь, выраженную тропами; но эшотъ языкъ, по моему мнѣнію, гораздо обширнѣе и разнообразнѣе всякихъ правилъ науки. Ибо вездѣ, гдѣ одно говорится, а другое разумѣется, — вездѣ тамъ есць языкъ проповѣ, хопя въ наукѣ говоришь (рипорикѣ), можетъ бышь, нѣтъ даже названія такого или другаго тропа. Ежели тропы употребляются такъ, какъ употребляешь ихъ принятое обыкновеніе; то разсудокъ безъ труда слѣдуетъ за ними: но если они опшсупающъ опъ обыкновенаго употребленія; то разсудокъ нашъ затрудняется, и мы понимаемъ ихъ — одинъ болѣе, другой менѣе; потому что и самыя умшвенныя дарованія,

сообщаются людямъ отъ Бога одному въ большей, а другому въ меньшей мѣрѣ. Посему, встрѣчающіяся ли слова собственныя, о коихъ я рассуждалъ выше, и въ которыхъ предметъ долженъ быть понимаемы такъ, какъ выражающъ ихъ слова собственные,—встрѣчающіяся ли выраженія переносныя, т. е. языкъ проповѣй, въ коихъ одно должно разумѣть изъ другаго, и о коихъ, я, кажется, дослѣдочно сказалъ шеперь,—въ обоихъ случаяхъ надобно внушать любителямъ священныхъ писменъ, чтобы они старались узнавать въ Писаніи не только разные образы выраженія, не только тщательно наблюдали, какіе оно обыкновенно употребляетъ обороты рѣчи, говоря о томъ или другомъ предметѣ, и твердо содержали ихъ въ памяти; но—самое важное и весьма необходимое дѣло—надобно убѣждать ихъ, чтобы они молили Бога, да дастъ имъ умъ разумѣти Писаніе. Ибо въ томъ же Писаніи, коимъ они имѣющъ охоту заниматься, сказано: *Господь даетъ премудрость, и отъ лица Его познаніе и разумъ* (а). Отъ Него и самая охота къ упражненію въ словѣ Божіемъ, если только она со-

(а) Притч. II, 6.

провождается духомъ благочестія .
 Но довольно о знакахъ въ отношеніи
 къ словамъ. Въ слѣдующей книгѣ оспа-
 ется мнѣ изложить свои, — какія
 Господь подаетъ, — мысли о томъ ,
 какъ найденный смыслъ Писанія со-
 общаешь другимъ .

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ НАСТАВЛЕНІЯ
ЦЕРКОВНОМУ ОРАТОРУ.

І.) Настоящее швореніе мое, надписывающееся: *о Наукѣ Христіанской*, я раздѣлилъ нѣкопорымъ образомъ на двѣ часпи. Ибо послѣ предисловія, составляющаго у меня оповѣсть пому, кпо вознамѣрился бы порицашъ мой шрудъ, я между прочимъ говорю: „есль два предмета, коими ограничиваешся ученое занятіе (*tractatio*) Св. Писаніемъ: 1) способъ находить истинный смыслъ Писанія, и 2) способъ сообщашъ, или излагашъ сей смыслъ другимъ (*modus proferendi*). Сначала изслѣдуемъ способъ, какъ находить; а потомъ, какъ сообщашъ найденный смыслъ.“ Поелику же о способѣ находить смыслъ Писанія я уже сказалъ довольно, и написалъ при свипка (*volūmina*): по теперь,— при помощи Божіей,— скажу нѣсколько словъ о способѣ сообщашъ.

или выражать найденный смысл, дабы, если можно, всё оспальные предметы изслѣдованія моего вмѣстить въ одной книгѣ, и цѣлое сочиненіе ограничить четырьмя свѣтками.

II.) Впрочемъ предварительно совѣщую моимъ читателямъ неожиданъ опъ меня, чѣобы я спалъ здѣсь излагать тѣ правила Рипорики, коимъ самъ училъ и учился въ школахъ свѣпскихъ: не попому, чѣобы сіи правила были вовсе бесполезны; но попому, что и пользу и самыя правила орашорскаго искусства надлежитъ изучать особо; наснавленія же въ нихъ пребывать не опъ меня, ни въ наспоищемъ и ни въ какомъ-либо другомъ изъ моихъ сочиненій, а опъ инаго добраго писателя, который, можетъ спаться, болѣе имѣетъ у себя досужаго времени, нежели я.

III.) Вообще говоря, правила Репсорики нужны и полезны; ибо, если Рипорика естъ искусство убѣждать другихъ и въ истинномъ и въ ложномъ: то кто опважится утверждать, будто истина въ рукахъ защитниковъ своихъ должна опсаваться безоружною прошивъ лжи?— Кто станетъ пребывать, чѣобы люди, силящіеся убѣдительно доказывать ложные пред-

мешы, умѣли— въ самомъ вступленіи къ своимъ рѣчамъ— сдѣлашь слушателя или благосклоннымъ, или внимательнымъ, или понясливымъ, а защитники истины напротивъ не знали бы шакого испускива?— чтобы въ повѣствованіи первые излагали ложь крашко, ясно, правдоподобно;— а послѣдніе напротивъ рассказывали бы самую истину такъ дурно, что слушать ихъ было бы скучно, понимать трудно, а потому и вѣрить имъ не охотно?— чтобы защитники лжи, въ изслѣдованіи, умѣли ложными доводами опровергать истину, и незыблемо утверждать ложь; а защитники истины не были въ состояніи ни саму истину защищать, ни ложь опровергать?— чтобы въ заключеніи наконецъ одни, силою слова двигая и увлекаая сердца слушателей въ заблужденіе,— умѣли по приводить ихъ въ ужасъ и повергать въ уныніе, по вливать отпращу и пламенно увѣщавать;— а другіе дремали бы надъ истиною, будучи лѣнивы и холодны къ защитѣ оной?— Кто, говорю, захочетъ такъ немудро мудрствовать?—

Напротивъ, если наука выпѣйскива стоитъ по природѣ своей какъ бы посреди двухъ крайностей, оказываа большую силу убѣжденія какъ

въ ложныхъ , шакъ и въ правильныхъ
понятіяхъ : по почему сею наукою
не занимаешься людямъ добрымъ, дабы
она въ рукахъ ихъ воинствовала за
испину, когда худые люди употреб-
ляютъ ее орудіемъ нечесія и за-
блужденія въ защищеніе пустыхъ и
негодныхъ предметовъ ?

IV.) Замѣчанія и правила Рито-
рическія, будучи соединены съ силь-
нымъ и тонкимъ навыкомъ—выража-
ся ясно и обильно, употребляя при
помъ красныя словъ, заимствованныя
изъ образованнѣйшаго языка,—состав-
ляютъ шакъ называемую словесность
или краснорѣчіе (*facundia vel eloquentia*).
Но каковы бы ни были правила сей на-
уки, онѣ,—говорю я,—не входящъ въ
составъ щепереннаго моего сочине-
нія: для изученія ихъ долженъ быть
опредѣленъ особый, приличный имъ,
участокъ времени,—удобныя и соот-
вѣстственныя имъ лѣта жизни, ко-
гда можно бываетъ изучать ихъ
легко и скоро. Это чувствовали са-
мыя главы Римскаго краснорѣчія (а);
ибо не усумнились сказать, что если
кто не можетъ ораторскаго искусства

(а) Cicero de Oratore Lib. III pag. 186, 25 or.
едн. ср. Там. I. Геліаса 1381 ап.

изучишь заблаговременно и скоро: пошъ
никогда не въ состояніи совершенно
успѣшь въ немъ. Не почитаю нужнымъ
исслѣдывать: совершенноли справедли-
во сіе мнѣніе? Ибо хотя бы Рипто-
рику могли изучать съ успѣхомъ люди
и позднѣйшаго возраста, у коихъ спо-
собности душевныя дѣлаются мед-
ленны; но я не считаю ее столь важною,
чтобы для ея изученія спрашивать уже
зрѣлые, шѣмъ паче преклонныя годы
жизни человѣческой. — Довольно предо-
ставивъ заботу о сей наукѣ дѣшамъ, —
да и дѣшамъ не всѣмъ, коихъ я желаю
образовать для успѣшнаго служенія и
потребъ Церковныхъ, а только шѣмъ
изъ нихъ, кои не заняты чѣмъ-нибудь
гораздо необходимѣйшимъ и болѣе пред-
почтительнымъ, нежели Репорика.
Въ самомъ дѣлѣ, если у кого есть остр-
я и пламенныя дарованія душевныя:
по легче сдѣлаться краснорѣчивымъ
посредствомъ чтенія и слушанія ора-
торовъ, нежели чрезъ точное исполне-
ніе правилъ ораторскаго искусства. А
у насъ, не говоря уже о каноническихъ
Св. книгахъ, кои по чрезвычайной важ-
ности своей суть какъ градъ, веру-
ху горы стоятъ, нѣтъ недосыпашка и въ тво-
реніяхъ собственно Церковныхъ (lit-
terae Ecclesiae). — Читая ихъ чело-
вѣкъ перенявши, даже безъ особенна-

го намѣренія сдѣлаться самому краснорѣчивымъ, но если только поспоянно углубляется въ предметы, излагаемые тамъ: по—опъ обращенія съ сими твореніями—онъ не примѣнно напишывается самымъ слогомъ или образомъ выраженія ихъ; особенно если вмѣстѣ съ чтеніемъ будетъ заниматься либо-перепискою оныхъ, либо диктованіемъ, а напоследокъ и сказываніемъ собственныхъ рѣчей о томъ, что самъ онъ смыслилъ и чувствуетъ по мѣрѣ вѣры и благочестія.

Если же нѣтъ быспрыхъ дарованій; то съ одной стороны и правила Ришорики бывають вовсе непонятны, а съ другой,—хотябы послѣ многихъ трудовъ можно было ихъ сколько-нибудь понять,—но онѣ мало принесуть пользы. И тѣ люди, кои швердо изучили сіи правила, кои говорятъ шенерь краснорѣчиво и обильно, не всѣ помышляють опомт. чтебы, говоря рѣчь, все и вездѣ говорить по правиламъ. исключая только ошакіе случаи, когда они разсуждають о самыхъ правилахъ: да, я думаю, едва ли хотя одинъ изъ нихъ есть, который бы могъ исполнить и то и другое—и краснорѣчиво говорить;

и вмѣстѣ помышляешь о правилахъ краснорѣчія въ тѣ минушю, когда говоришь. Ибо, въ такомъ случаѣ угрожаешь опасностъ, какъ бы не вышло изъ головы, что должно говорить, — если спашемъ выкапъ въ то, какъ бы все сказать по наукѣ. Не смотря на то, въ словахъ и рѣчахъ людей краснорѣчивыхъ бывають совершенно выполнены всѣ правила краснорѣчія, хотя сіи правила вовсе не приходили имъ на мысль тогда, какъ они или готовились только говорить, или уже дѣйствительно говорили краснорѣчиво, — учились ли они когда-либо сими правиламъ, или даже недопробовали до нихъ: — н. е. сіи люди естественнo и вмѣстѣ незольно слѣдуютъ правиламъ искусства ораторскаго, потому что они ораторы, а не подчиняются правиламъ, дабы сдѣлаться ораторами.

V.) Если дѣти дѣлаются способными просто говорить о тѣхъ, что непримѣнно заучиваютъ слова и выраженія говорящихъ предъ ними: то почему не сдѣлаются способнымъ говорить краснорѣчиво, не слушая правилъ краснорѣчія, а только читая и слушая людей краснорѣчивыхъ, — только подражая имъ тамъ, гдѣ можно подражать? Развѣ мы

не видѣть примѣровъ поному на опытъ? Намъ извѣстны весьма многіе мужи, кои—вовсе не зная правилъ риторическихкихъ—были краснорѣчивѣе людей, тщательно изучавшихъ сіи правила. Напримѣръ, я не знаю ни одного человека, который бы сдѣлался краснорѣчивымъ безъ чтенія и слушанія ораторовъ.—И самая Грамматика, обучающая правильному и цѣльному употребленію языка, не слишкомъ была бы нужна для дѣтей; еслибы имъ довелось постоянно жить и возрастать между такими людьми, кои говорятъ совершенно правильнымъ языкомъ. Ибо въ такомъ случаѣ дѣти, не зная никакихъ ошибокъ въ языкѣ, не по правиламъ Грамматическимъ,—а по одному естественному навыку и себя предостерегали бы, и въ другихъ обличали бы всякую ошибку противъ языка: такъ какъ поселяне обличающъ горожане, даже неученые.

VI.) Но обратимся къ предмету. Христіанскій учитель и исполкователь Св. Писанія, защитникъ правды вѣры и гонитель заблужденій, обязанъ съ одной стороны учить добру,—съ другой осуждать отъ лукаваго:—обязанъ въ своихъ поученіяхъ примирять противныхъ, возбуждать

слабыхъ, внушать невѣждамъ,— что они должны дѣлать, и чего надѣяться. Нашедши, или же самъ сдѣлавши слушателей своихъ благорасположенными, внимательными и понимаемыми,— онъ долженъ исполнять, пошомъ другія прѣбыванія проповѣдническаго искусства. Если слушателей сперва надобно учить (*docendi*); то въ такомъ случаѣ всего прігоднѣе родъ рѣчи *повѣствовательный* или *изяснительный*;— смотря въпрочемъ по надобности,— по-есть, пошому, ясень или нѣтъ, изслѣдуемый предметъ. Чтобы предметы сомнительные представить досповѣрными, для сего надлежитъ употреблять въ рѣчахъ *доказательства и умозаключенія*. Напротивъ, если слушателей нужно болѣе прогнать (*provendi*), нежели научать: въ такомъ случаѣ потребно какъ можно болѣе силы и убѣдительности въ рѣчи, дабы они не были безчувственными и медлительными въ исполненіи того, что уже знаютъ, и предметы, признанные отъ нихъ за истинныя, усвоили себѣ на всегда въ своемъ сердцахъ.— И здѣсь про особенно необходимы Христіанскому воспитанику умнствія, обличенія, побужденія, запрещенія, и всѣ— прочія средства, какія по вою мо-

гнѣтъ способствовашъ къ возбужденію души .

VIII.) Все то , о чемъ я теперь сказалъ , почти каждый наставникъ и спарается соблюсти въ рѣчахъ своихъ : но одки выполняютъ сіе грубо , безобразно , холодно ; другіе слишкомъ остроумно , красиво , стремительно . Къ званію же проповѣдническому скорѣе способенъ шопъ , кто можетъ разсуждать и говорить *мцдро* (*sarcenter*)—хотябы и немогъ говорить краснорѣчиво (*eloquenter*) : ибо такой можетъ быть истинно полезнымъ для слушающихъ ; хотя и не столько , сколько бы пользовалъ ихъ , если бы обладалъ вмѣстѣ и даромъ краснорѣчія . Напротивъ челоѣка , который обилень и силенъ въ буйномъ и безразсудномъ выпійснвѣ ,—шѣмъ болѣе должно опасаться , что онъ нравится слушателю и тогда , какъ разсуждаетъ о предметахъ , вовсе недоспойныхъ слушанія : поелику онъ всегда говоритъ красно , то слушатель думаетъ , что онъ всегда говоритъ истинно и мудро . Сія мысль извѣсна была самымъ шѣмъ людамъ , кои изученіе науки краснорѣчія почитали существенно—необходимымъ :—ибо и они признавались , что если

мудрость безъ краснорѣчія мало доставляетъ пользы Государспивамъ; но краснорѣчіе безъ мудрости часпо причиняетъ великій вредъ; пользы напрошивъ никогда не приноситъ (а). Слѣд. если— по внушенію одной проспой истинны принуждены были сдѣлать такое признаніе люди, кои сами изложили правила краснорѣчія, и сдѣлали это въ шѣхъ самыхъ сочиненіяхъ, кои они писали о краснорѣчіи,— еще незная мудрости истинной, свѣше нисходящей отъ Отца свѣшовъ: то какъ же намъ— члдамъ и служишелямъ сей мудрости — не мыслить иначе и благоразуміе о достоинствѣ краснорѣчія?

А мудро говоритъ человекъ шѣмъ болѣе или менѣе, чѣмъ болѣе или менѣе оказалъ онъ истинныхъ успѣховъ въ познаніи Св. Писанія,—ш. е. не въ одномъ только чтеніи и зашверживаніи онаго на память, но вмѣстѣ въ добромъ разумѣніи и въ шцапельномъ изысканіи смысла его Ибо есть люди, кои охотно читають Слово Божіе, и вмѣстѣ не брегуть о немъ: читають для того, чтобы удержатъ его въ памяти, — не брегуть о шомъ, чтобы понять

(а) Cicero de inventione Lib. I. pag. 55, 25 Tom. I.

оное. Гораздо предпочтительнѣе сихъ людей тѣ, кои не помнятъ буквы Писанія, но за то сердце онаго — духъ — ясно созерцающъ очами собственнаго сердца. А всѣхъ этихъ людей лучше и доспопочтениѣе тои, кто въ одно и тоже время и говоритъ на память мѣста Писанія слово въ слово, когда ему заблагоразсудится, и понимаетъ оныя, — какъ слѣдуетъ.

VIII.) Ипакъ, кто не можетъ говорить краснорѣчиво, а между тѣмъ долженъ, сообразно званію своему, говорить мудро, — тому весьма необходимо содержащъ въ памяти самыя слова и выраженія Писанія. Ибо чѣмъ бѣднѣе видитъ онъ самаго себя въ отношеніи къ собственнымъ дарованіямъ, тѣмъ нужнѣе ему обогащаться знаніемъ Слова Божія, дабы то, что онъ говоритъ своими словами слабо, подкрѣпляетъ силою Писанія. Такимъ образомъ кажущійся недорослымъ по своему языку, нѣкоторымъ образомъ, занимаетъ себѣ роль опъ свидѣтельства мужей великихъ; и будетъ нравиться, — зашельствами, когда не можетъ нравиться красотою слова. Далѣе — кто хочеть говорить къ народу не поль-

ко мудро, но и краснорѣчиво, (ибо нѣтъ сомнѣнiя, что соединенiе того и другаго болѣе принесетъ пользы); поему и совѣтую гораздо лучше читать, слушать и подражать ораторамъ, — чѣмъ безъ пользы тратить время съ учителями риторики: только надобно смотрѣть, чтобы тѣ, коихъ читаешь, или слушаешь, по правдивой молвѣ и въ самомъ дѣлѣ были въ словѣ своемъ не только краснорѣчивы, но вмѣстѣ и мудры. Ибо ораторовъ краснорѣчивыхъ слушать прiятно только, а мудрыхъ спасительно. Посей причинѣ Писанiе не говоришь: множество краснорѣчивыхъ, но — *множество мудрыхъ спасенiе миру* (а). Какъ часто бываетъ нужно принимать врачевства самыя горькiя, потому что онѣ спасительны: шакъ съ другой стороны всегда должно убѣгать сладости, когда она гибельна. Но что лучше сладости, когда она въ тоже время и спасительна, и спасительно-снiи, которая вмѣстѣ и сладка? — Ибо въ такомъ случаѣ — чѣмъ вождѣлнѣе сладость, тѣмъ скорѣе и легче спасительность приноситъ пользу. У насъ есть Церковные писате-

(а) Прем. VI, 26.

ли, которые не только мудро, но и краснорѣчиво раскрыли въ своихъ изображеніяхъ Слово Божіе: не въ писателяхъ таковыхъ недоспашокъ, а времени недоспашень перечислать ихъ писанія, даже и такимъ людямъ, кои имѣють великую охоту и досугъ читать.

IX.) Здѣсь, можетъ быть, кто-нибудь спроситъ: Богодухновенные Писатели Св. книгъ каноническихъ мудрыми ли только должны быть названы, или вмѣстѣ и краснорѣчивыми? Сей вопросъ какъ я, такъ и всѣ одинаково со мной разсуждающіе, могутъ весьма легко рѣшиться. Тамъ, гдѣ сіи Писатели понятны для меня,—тамъ для меня ничего не можетъ быть не только мудрѣ ихъ, но и краснорѣчивѣе. И смѣю сказать, что всѣ, понимающіе нашихъ Св. Писателей, вмѣстѣ понимаютъ и то, что сіи Писатели иначе не должны были выражаться. Какъ въ краснорѣчїи вообще, есть вишійство, приличествующее юношескому возрасту,—есть приличествующее старцамъ;—и то вишійство, которое несообразно лицу оратора, незаслуживаетъ имени вишійства:—такъ есть нѣкій особый родъ вишійства, который одинъ только приличенъ онымъ Божествен-

нымъ мужамъ, достойнымъ высочайшаго уваженія. Симъ-по родомъ вишійства глаголали Богодухновенные Писатели; другой родъ недостойны ихъ, и другіе недостойны онаго: имъ онъ сообразенъ, а другихъ людей далеко превышаетъ— не напыщенностію, а твердостью и основательностію, и это шѣмъ болѣе чемъ онъ кажется ниже и обыкновеннѣе. Но, гдѣ я не понимаю мужей Богодухновенныхъ, тамъ ихъ вишійство хотя бы совсѣмъ видно для меня, однако я увѣренъ, что оно точно таковоже, какимъ являющъ въ мѣстахъ, для меня понятныхъ. Къ такому роду вишійства— столь возвышенному— понеобходимости долженствовало примѣшиваться нѣкая темнота въ изложеніи Божественныхъ и спасительныхъ истинъ, дабы, по-есть, заставить нашъ разумъ заниматься изысканіемъ и раскрытіемъ оныхъ.

Х.) Еслибъ у меня было свободное время, я могъ бы нѣкопорымъ самохвастамъ, языку нашихъ Св. Писателей предпочитающимъ свой языкъ— не по истинному величію, а по надутости онаго,— я могъ бы— говорю,— показать всѣ совершенства и красоты вишійства, заключающіяся въ Ср.

письменахъ мужей, коихъ Промыслъ избралъ для наученія насъ, и для приведенія оныхъ настоящаго развращеннаго вѣка въ блаженную вѣчность. Впрочемъ совершенства языка, общія симъ мужамъ съ языческими ораторами и поэтами, самого меня—можно сказать—не слишкомъ удивляютъ. Напрошивъ, я пому иначе дивлюсь и изумляюсь, какъ Св. Писатели, при своемъ особомъ и высшемъ родѣ вишійства, такъ искусно умѣли употребить наше человѣческое краснорѣчіе,—что оно и находишь у нихъ все вполне, и между тѣмъ не выказываея явно: ибо имъ не надлежало ни опровергать краснорѣчія человѣческаго, ни ищеславиться имъ; но они опровергали бы, когда бы явно избѣгали его; и ипрошивъ выказывали бы ищеславіе, когда бы въ ихъ швореніяхъ легко было признавать черпы вишійства человѣческаго. Если людямъ знакомымъ съ наукою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Писаній представляются явные слѣды краснорѣчія человѣческаго;—то за то въ сихъ мѣстахъ говоримся о такихъ предметахъ, что слова, выражающія предметы, кажутся не оны Писателя придуманными и употребленными, а добровольно изъ сущности самихъ предметовъ родившимися.—Читая ихъ,

невольнo думаешь, что здѣсь одна про-
спая Мудрость изходитъ изъ обитали
своей, ш. е. изъ груди мудреца, а
краснорѣчіе слѣдуетъ за нею, какъ не-
оплучная раба,—не будучи нисколько
звана къ ней.

XI.) Напримѣръ: кто не увидитъ,
что такое хотѣлъ сказать, и какъ
мудро сказалъ Апостоль въ слѣдую-
щемъ мѣстѣ: *хвалимся въ скорбѣхъ,*
вѣдающе, яко скорбь терпѣніе содѣло-
ваеиѣ, терпѣніе же искусство, искусство
же цѣлованіе: цѣлованіе же неосрамитѣ,
яко любви Божіа изліяся въ сердца
наша Духомъ Святымъ, даннымъ
намъ (а).? Если бы какой-нибудь, такъ
сказалъ, неискусный искусникъ спалъ
спорить, что Апостоль въ семъ мѣ-
стѣ слѣдовалъ правиламъ риторики:
но не смѣшенъ ли бы онъ показался какъ
ученымъ, такъ и неученымъ Христіа-
намъ? Между нѣмъ, здѣсь есть
риторическая фигура, которая у Гре-
ковъ *κλίμαξ* (лѣстница), а у нѣкоторыхъ
Латинскихъ писателей называется
gradatio, или постепенное восхожде-
ніе. (Ибо симъ писателямъ неугодно
было сказать *scala* (лѣстница) тамъ,
гдѣ слова или умствования постепен-

(*) Рим. V, 3—5.

но вяжущся одно съ другимъ, какъ, на примѣръ, видимъ здѣсь ихъ связанными:— *скорбь содѣловаетъ терпѣніе, терпѣніе же искусство, искусство же цѣлованіе.*) Еслѣ въ семь мѣстѣ и другая риторическая красота рѣчи, именно: за нѣсколькими, извѣстнымъ способомъ произношенія, опредѣленными предложеніями (кои у нашихъ Лашинскихъ писателей называются членами и опдѣленіями (*membra et caesa*), или запятыми, у Грековъ же *κωλα* и *κομματά*),— слѣдуетъ объемъ или кругъ, именуемый у Грековъ *περίοδος*, коего члены одинъ за другимъ поспешенно какъ бы взвѣшиваются голосомъ произносящаго, доколѣ окончившя послѣдній изъ нихъ. Въ мысляхъ вышеозначеннаго примѣра сперва предшествуютъ періоду члены, т. е. первый членъ: *яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ*, второй: *терпѣніе же искусство*, третій: *искусство же цѣлованіе*. А потомъ слѣдуетъ и самый періодъ, состоящій изъ трехъ членовъ, изъ коихъ первый еслѣ: *цѣлованіе же непорочитъ*— второй: *яко любовь Божія изліяся въ сердца наша*,— третій: *Духомъ Св., даннымъ намъ*, Сіи и подобныя симъ правила преподаются въ наукѣ краснорѣчія: но мы утверждаемъ, что Аристотель не слѣдо-

валъ правиламъ краснорѣчія, а напро-
тивъ краснорѣчіе слѣдовало за его
мудросію .

XII.) Пиша къ Коринѣянамъ, Св :
Павель во второмъ посланіи своемъ
обличаетъ нѣкоторыхъ лже-апосто-
ловъ изъ Іудеевъ, кои унижали его .
Будучи принужденъ самъ за себя гово-
ришь, онъ сначала приписываетъ себѣ
нѣкоторый родъ невѣжества, а между
нѣмъ какъ мудро и краснорѣчиво изъ-
ясняешся! Какъ другъ и наперстникъ
мудросіи, какъ вождь краснорѣчія,—
слѣдуя за первою, предшесствуя послѣд-
нему, и не ошвергая его, когда оно само
за нимъ идетъ,—Апостоль говоришь:
*паки глаголю, да никтоже лижитъ мя бе-
зѹмина быти: аще ли ни, поне яко безѹмина
пріимите мя, да и азъ мало то похвалю-
ся . А еже глаголю, не глаголю по Госпо-
дѣ, но яко въ безѹміи, въ сей тѣсти по-
хвалы . Понеже мнози хвалятся по
плоти , и азъ похваляюся . Любезно бо
пріемлете безѹминныя, мудри суще: прі-
емлете бо, аще кто васъ порабощаетъ,
аще кто поядаетъ , аще кто (не въ
лѣпоту) проторитъ, аще кто по лицѹ
сіетъ ѹмъ , аще кто велитается . По
досажденію глаголю, зане аки мы из-
немогохомъ . О немъ же аще дерзаетъ
кто, не смысленно глаголю, дерзаю и*

азб. Евреи ли суть? и азб. Израильте-
ли? и азб. Сбмля Авраамле ли суть?
и азб. Служителіе ли Христовы суть?
не азб. мудрости глаголю, пате азб. Въ
трудѣхъ множае, въ ранахъ преболе,
въ тѣленицахъ излиха, въ смертехъ мно-
гащи.— Отъ Іудей пятькраты четыре-
десятъ разѣ единич пріяхъ. Трици
пальцами біенъ бывъ, единою камен-
ми наметанъ бывъ, трикраты корабль
опровержеся со мною, ноцъ и день
во глубинѣ сотвори хъ. Въ пѣтныхъ
шестви хъ множицю: бѣды въ рѣкахъ,
бѣды отъ разбѣйникъ. бѣды отъ срод-
никъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ,
бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды
во лже-братіи. Въ трудъ и подеизъ,
во бѣднѣхъ множицею, во алѣбъ и жа-
жди, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ
и наготѣ. Кромѣ вѣшнихъ, нападеніе
еже по вся дни, и полетеніе всѣхъ Церк-
вей. Кто изнемогаетъ, и неизнемогаю?
Кто соблазняется, и азб. неразжизаю-
ся?— Аще хвалитися ли подобаетъ,
о немощи моей похвалюся (а). Глубо-
кую мудрость въ сихъ словахъ ви-
дять люди бодрствующіе; а красно-
рѣчіе, рѣкою спремящееся, и топлѣ
ощущишъ, кто дремлетъ и спитъ.

(а) 2 Кор. XI, 16—20.

ХІІІ.) Далѣе— знатокъ легко увидишь, что цѣлый споль прекраснымъ видъ, и какъ бы лице этой рѣчи— видъ, коимъ восхищающіяся и прогающіяся даже необразованные люди, — сформовался здѣсь опъ запятыхъ, (называемыхъ у Грековъ *хоррага*), членовъ и періодовъ, о коихъ я недавно говорилъ, и кои представляють въ семь мѣстѣ самое приличное разнообразіе. Ибо приведенный мною примѣръ въ самомъ началѣ образуетъ періоды: первый меньшій, ш. е. двучленный (поелику періодъ не можешь имѣть менѣе двухъ членовъ, а больше можешь), *паки глаголю, да никтоже мнитъ мя безумна быти.* За онымъ слѣдуетъ другой— шречленный: *аще ли ни, поне яко безумна пріимите мя, да и азъ мало то похваляюся.* Третій, слѣдующій за нимъ, имѣетъ чешыре члена: *А еже глаголю, не глаголю по Господѣ, но яко въ безуміи, въ сей гаси похвалы.* Четвертый имѣетъ два члена: *понеже мнози хвалятся по плоти, и азъ похваляюся.* Пятый шакже два: *любезно бо пріемлете безумныя, мудры сущи.* Шестой періодъ равнымъ образомъ естъ двучленный: *пріемлете бо, аще кто васъ порабоуаеѣ.* За нимъ слѣдующіи три запятыхъ: *аще кто поадаеѣ, аще кто (не въ ажно-*

тѣ) проторитѣ, аще кто велитается:
 Потомъ при члена: аще кто по лицу
 бгѣтѣ вы, по досажденію глаголю, зане
 аки мы измелогоголиѣ. Къ нимъ при-
 бавляется шрехчленный періодъ: о
 немже аще дерзаетѣ кто, несмысленно
 глаголю, дерзую и азѣ. Отсюда идушъ
 уже при запятыя вопросительныя,
 и столько же опышиспововательныхъ:
 Евреи ли сѣте? и азѣ Иерчильте ли?
 и азѣ. Сбѣла Авраамле ли сѣте? и азѣ.
 На чепвертую запятую, поже въ видѣ
 вопроса предложеную, опышисповуеши
 не запяною, но прошивоположеніемъ
 члена: Служители ли Христѣвы сѣте?
 Не въ мудрости сѣтею,—наге азѣ. Че-
 тыре слѣдующихъ запятыхъ весьма
 прилично текушъ въ видѣ опдаленнаго
 или скрышнаго вопроса: въ трудахѣ мно-
 жас, въ ранахѣ преболе, въ темницахѣ
 излиха, во смертсхѣ многаци. Между
 ними помѣщается краткій періодъ,
 который должно означать здѣсь пере-
 межающимся пономъ въ произношеніи:
 отѣ Іудей плтъкратѣ—это будетъ
 одинъ членъ, къ коему присовокупля-
 ется другой: четъредесѣтѣ, разѣ еди-
 ныа, прѣлхѣ. Отсюда опышъ идушъ
 при запятыя: Трищи палицами бгѣтѣ
 быхѣ, единою каменни наметѣтѣ быхѣ,
 трикраты корабль опровержесѣ со-
 лкою—слѣдующъ членъ пощъ и дечъ во

глубинѣ сотвори хѣ (г). За нимъ съ са-
мою пріятною быстрою лекуи
четырнадцать запяныхъ: въ пущы хѣ
шесты хѣ множицею: бѣды въ рѣкахъ,
бѣды отъ разбойникѣ, бѣды отъ срод-
никѣ, бѣды отъ языкѣ, бѣды въ гра-
дѣ хѣ, бѣды въ пущыни, бѣды въ мори,
бѣды во лжебратіи. Въ тѣхъ, и вѣд-
визѣ, въ бѣдѣныхъ множицею, во олодѣ
и жажди, въ пощени хѣ многаши, въ са-
мѣ и наготѣ. Послѣ нихъ Апостолъ

- (1) *Примѣтъ* Чѣмъ понять различіе, которое по-
лагаетъ Св. Августинъ между *запаными* (*saena*)
и *зипами* (*stibia*) гдѣбно замѣтивъ слѣдую-
щее Древніе наставники краснорѣчія описали
свойство рѣчи периодической немоты сѣмствомъ, по
и числомъ слоговъ, запаны должны были заключать
въ себѣ свою осемь слоговъ членъ около сечи два-
ти,—равнялся героическому стику или гекзаметру,—
ш. е. или нѣсколько болѣе, или нѣсколько менѣе. Но-
сему и Августинъ называетъ эти чл. 1) *Tetrastichus* *carminis*
sum, 2) *Semel* *lar* *carminis*, 3) *ter* *nav* *frag* *um* *fecer*
ибо въ каждой изъ нихъ заключался сѣмствомъ оный
шеспи до осемь слоговъ Между тѣмъ *Nesci* *ac* *die*
in *profunde* *maris* *fui* — есть членъ, а не шеспи,
ибо здѣсь заключается трина цать слоговъ—См.
Heineccii *fundament* *stilii* *cultoris* p. I c. II у XVIII.
pag. 83—85. *Woson* *comment.* *linguist.* *pag*
II, pag 60 и слѣд. Впрочемъ древніе риторы мно-
гда безразлично употребляли и члены, и запаны:
nunc *colon*, *nunc* *etiam* *comma* *esse* *dicunt*,
замѣчаетъ Россій *ibid.* pag. 58. Такое же безраз-
личіе видимъ и у Августа, въ § *Ad* называя
онъ членомъ. *quoniam* *tribulatio* *patientiam* *ore-*

полагаетъ трехчленный періодъ: *кро-
мѣ внѣшнихъ, нападеніе еже по вся
дни, и попетеніе всѣхъ Церквей.* Къ сему
періоду прибавляетъ онъ два члена
въ видѣ вывѣдыванія (а): *кто изнемога-
етъ, и не изнемогаю? Кто соблазняет-
ся, и азъ не разжизаюся.* Наконецъ весь
эпосъ опривокъ, какъ бы умирая,
кончается двухчленнымъ періодомъ:
аще хвалитися ми подобаетъ, о немо-

gatur; ибо здѣсь заключается 17 слоговъ; но у него
также исчисленъ членомъ и слѣдующее: *probatio*
vero spem; а здѣсь только 7 слоговъ, ш. е. число,
составляющее запятую, а не членъ.— Далѣе— мы не-
поймемъ восхищенія Августинава, которое ощуща-
етъ онъ, разбирая красоты въ приводимомъ имъ здѣсь
отрывкѣ изъ А. Павла, если опять не припо-
мнимъ здѣсь ученія древнихъ о плавномъ, вѣрномъ
и музыкальномъ сочепаніи буквъ и слоговъ. Они
счисляли, измѣряли, соизмѣряли каждый слогъ и
букву въ словѣ, каждое слово въ предложеніи, и палаки-
вали звукъ къ звуку, букву къ буквѣ дошолъ, пока
рѣчь могла улаждать слухъ подобно токамъ музы-
кальнымъ. Запавши, члены, періоды они старались
лигдъ размыщанъ и разнообразить шакъ, чтобы
совокупность ихъ составляла аккордъ, какой и на-
ходишь бл. Августина въ разсужденіи имъ от-
рывкѣ изъ А. Павла (см. *Figurae Harmonicae Eman.*
Thesaur. idea dictionis pag. 100—116 Woss. par.
II. de compositione pag. 40 seqq. Caussini Eloqv.
sacr. et hum. de pedibus periodi pag. 366 seqq.)

- (а) Образованіе между вопросомъ и вывѣдываемымъ см.
Quint Inst. Orator. Lib. IX. cap. II. pag. 421.
6 seqq.

ицѣ моеѣ похваляюся. Не могу выразить, сколько красноты, сколько пріятности заключаеиша въ томъ, что Апостолъ, послѣ столь быстрой и стремительной рѣчи, нѣкопорымъ образомъ опдыхаетъ на крашкомъ повѣствованіи, и заставляетъ съ собою опдыханъ слушателя. Ибо далѣе онъ говоритъ: *Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа вѣсть, сый благословенъ во вѣки, яко не лгу*; и потомъ весьма крашко рассказываетъ, какъ онъ подвергался опасностямъ, и какъ освободился ошъ оныхъ.

XIV.) Не нужно болѣе разбиратъ красноты сего примѣра, или указывать оныя въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія. Если бы я въ приведенномъ мною опрывкѣ изъ Апостола захотѣлъ еще находить Фигуры рѣченій, кои преподаетъ Рипорика; то не показался ли бы чрезъ сіе слишкомъ простымъ для людей слепенныхъ, и слишкомъ недоспапочнымъ для людей приспраспныхъ къ учености? У наславниковъ краснорѣчія подобныя красноты рѣчи за велико почиашся, покупающся дорогою цѣною, и продающся съ непомѣрнымъ хвасповствомъ. Разсуждая объ нихъ такимъ образомъ, я самъ опасуюсь упрека

въ подобномъ хвастовствѣ . Но что дѣлать ! Я долженъ былъ дать оп-
вѣсть этимъ ученымъ невѣждамъ, кои презирають нашихъ Св . Писателей не потому, чѣобы сіи послѣдніе были въ самомъ дѣлѣ не краснорѣчивы, но потому, что они не любящъ величаться надъ мѣру уважаемымъ учеными краснорѣчіемъ .

XV.) Можетъ быть , кто-нибудь подумаетъ , что я избралъ А. Павла съ намѣреніемъ , какъ мужа красно-
рѣчивѣйшаго изъ нашихъ Писателей . (Ибо, хотя онъ и говоритъ о себѣ : *еще и невѣжда словомъ, но не разумомъ*; но это говоритъ онъ , повидимому , дѣлая уступку (concedendo) своимъ по-
рицателямъ, а не то, чѣобы въ самомъ дѣлѣ признавалъ себя такимъ : ибо на-
звавъ себя невѣждою, онъ не замедлилъ однако же признать въ себѣ *разума*, т. е. познаній, безъ коихъ Онъ не могъ бы быть и училелемъ Языковъ) . Дѣйствительно, вышеозначенный обра-
зецъ краснорѣчія Павлова взявъ мною изъ такихъ посланій, важность и силу коихъ не могли опровергнуть самые по-
рицатели его, утѣрпавшіе, что посланія его тяжки и крѣпки , а принесеніе ихъ неумолимо, и слово его уничижено (2 Кор. X, 10.) Въ такомъ слу-

чаѣ я поставляю себѣ въ обязанность сказать нѣсколько словъ о краснорѣчии Пророковъ, у коихъ многія истины выражаются языкомъ иносказательнымъ или переноснымъ (tropologia), не для всѣхъ понятнымъ,— истины, чѣмъ болѣе сокровенныя въ оболочкѣ переносныхъ выражений, тѣмъ болѣе сладостныя, когда раскроешь точный смыслъ оныхъ.— Но здѣсь я долженъ привести такое мѣсто изъ пророчествъ, гдѣ не буду имѣть нужды раскрывать, что сказано, а только—какъ сказано. Я возьму изъ книги такого Пророка, который говоритъ о себѣ, что онъ былъ пасхухъ или сторожъ овецъ, и что Господь отъ спада помя его, и послалъ къ народу пророчествовать (а). Не стану приводить по переводу седмидесяти толковниковъ, кои сами, переводя по внушенію Духа Божія, по видимому—ощущаютъ иногда отъ подлинника—для того, чтобы такимъ образомъ читателя заставитъ изыскивать смыслъ духовный; (почему нѣкоторые мѣста и сдѣлались у нихъ темнѣе, облекшись языкомъ промовъ),— но приведу по переводу съ Еврейскаго языка на Латинскій, сдѣланному Пресвитеромъ Іеронимомъ,

(а) Амос. VII, 14, 15.

искуснымъ какъ въ шомъ, такъ и въ другомъ языкѣ .

XVI.) Обличивши людей нечестивыхъ, надменныхъ, преданныхъ роскоши, и пошому вовсе небрегающихъ о взаимной брашской любви, Пророкъ—пасхуъ, или Пророкъ изъ просхолудиновъ такъ воскликнулъ : горе вамъ, которые богаты въ Сионъ, и которые надѣетесь на горъ Самарійскую, вельможи—главы народа, пышно ходящiе по дому Израилеву! Перейдите въ Халанъ, и посмотрите, и идите оттуда въ Емавъ великій, и сойдите въ Геъ Палестинскій, и ко всѣмъ наилучшимъ царствамъ сихъ народовъ:—обширнѣ ли ихъ предѣлы вашихъ предѣловъ?.. (Горе вамъ), которые отдѣлены на день золъ, и уже близки къ престолу нечестiа, кои спите на одрахъ слоновыхъ и нѣжитесь на ложахъ вашихъ, которые поядаете агнца отъ стада и тельцовъ отъ среды паствы, которые поете подъ голосъ псалтыри! Они думали, подобно Давиду, имѣть сосуды пѣсней, пiя въ фіалахъ вино, и намащаясь наилучшими мастьми. ... и не страдали они ничего въ сокращенiи Иосифовомъ (а). Люди, почишаю-

(а) Амос. VI, 1.

щіе себя учеными и краснорѣчивыми, и презирающіе нашихъ Пророковъ, какъ Писателей необразованныхъ и не-свѣдущихъ въ краснорѣчіи, иначель спали бы выражались; еслибы имъ случилось говорить о такомъ предметѣ, или прошивъ такого же раз-вращеннаго народа, прошивъ какого воспаешь Амосъ?—

XVII.) Ибо чего въ сей рѣчи оста-ется желашъ цѣломудренному слуху?—вникнише въ нее: съ самаго начала, какимъ громомъ отзывается это обличеніе, какъ будто желая пробудить къ бодрствованію усыпленныхъ чувства: *горе валиѡ, которые богаты въ Сіонѡ и надѣтесѣ на гору Самарій-скую,—вельможи— главы народа, пышно ходящіе по дому Израилеву!* Потомъ, дабы показашъ неблагодарность къ благодѣяніямъ Бога, удѣлившаго народу Израильскому обширные предѣлы цар-ства,—народу, кошорый уповашъ на гору Самарійскую, гдѣ поклонялись идоламъ,—Пророкъ говоритъ: *лимо-идите Халану вси, и видите, и преидите въ Емаѡ великій, и снидите отцуцѣ въ Геѡ иноплеменниковѡ, крѣпчайшія отѡ всѣхѡ царствѡ сихѡ, аще больши сущѣ предѣлы ихѡ предѣлѡ вашихѡ?* Собственные имена мѣстъ: Сіонѡ,

Самарія, Халанъ, Емавъ великій и Геовъ Палестинскій— сіи имена, какъ свѣпила, украшають рѣчь Пророка. Далѣе,— какое пріятное разнообразіе въ слѣдующихъ словахъ: вы богаты, вы надѣетесь,—перейдите, идите, низойдите!

XVIII.) За симъ Пророкъ возвѣщаетъ будущее плѣненіе Іудеевъ— при нечестивомъ Царѣ— словами: *вы, которые отдѣлены на день золъ и уже близки къ престолу негестія. Тутъ прибавляетъ онъ описаніе роскоши кои спите на одрахъ слоновыхъ, и нѣжитесь на ложахъ вашихъ, кои поядаете агнца отъ стада, и тельцовъ отъ среды паствы. Шестъ членовъ образовали здѣсь при періода шрехъ— членныхъ. Ибо Пророкъ не говоритъ: вы, которые отдѣлены на день золъ,— вы, которые близки къ престолу негестія, которые спите на одрахъ слоновыхъ, которые нѣжитесь на ложахъ вашихъ, которые снѣдаете агнца отъ стада и тельцовъ отъ среды паствы. Еслибы и такъ было сказано, было бы красиво;— пошому что повпореніемъ одного мѣстоименія— который начинался бы каждый изъ шести членовъ,— и каждый опредѣлялся бы извѣстнымъ измѣненіемъ голоса въ произношеніи. но у Пророка болѣе красоты опъ шого,*

что къ одному и помуже мѣстоименію
относится по два члена, выражаю-
щихъ три мысли: первую—пророчество
о плѣненіи—вы, которые отдѣлены
на день золѣ, и близки къ престолу
нечестія; вторую о роскоши—кош-
мите на одражѣ слоновыхѣ, и нѣжитесь
на ложахѣ вашихѣ; третью о про-
жорствѣ—кои снѣдаете агнца отѣ-
стада, и тельцовѣ отѣ среды паствы;—
дабы опѣвои произносящаго зависѣло
шо,—произнесши ли каждый членъ
особенно, и тогда вышло бы шесть
членовъ; или напрошивъ—первый,
третій и пятый члены произнесши
съ разстановкою, а второй соединяя
съ первымъ,—четвертый съ третьимъ,
шестой съ пятымъ—устроишь такимъ
образомъ три весьма красивыхъ пері-
ода трехчленныхъ:—первый—объ угро-
жающей опасности, второй—о пыш-
номъ ложѣ, третій о распочитель-
номъ столѣ.

XIX.) Далѣ Пророкъ порица-
етъ роскошныя удовольствія слуха.—
Сказавши: вы которые поете подѣ
голосѣ псалтири, и зная, что люди
умные могутъ заниматься музыкою
благоразумно, онъ дѣлаетъ удивитель-
но красивый оборотъ рѣчи,—ослаб-
ляетъ быструю обличенія, и не обра-

щаешься къ роскошнымъ во 2-мъ лицѣ, а говоришь объ нихъ въ 3-мъ, дабы научить насъ—опличать музыку мудреца опъ музыки роскошнаго.—Онъ неговоришь: вы, кои напѣваете подѣ голосѣ псалтыри, и подобно Давиду дѣлаете имѣть сосуды пѣсней: но сдѣлавши имъ упрекъ касательно неумѣреннаго употребленія пѣсней и музыки—вы, которые напѣваете подѣ голосѣ псалтыри,—въ послѣдующихъ словахъ онъ показываетъ нѣкопорымъ образомъ безлично ихъ неумѣренность и неискусство: они дѣлали—подобно Давиду—имѣть сосуды пѣсней, нѣ въ фѣалахѣ вино, и намащавъ наплугниши масломъ.... Сѣи при членѣ—лучше произнести такъ, чѣобы повывивши голосомъ два первыхъ члена въ періодѣ, окончили шрешимъ.

XX.) Послѣднія слова Пророка: *et nihil patiebantur super contritione Ioseph—и нестрадаху ничесоже въ сокращеніи Іосифовѣ*,—(произнесетъ ли ихъ непрерывно однимъ духомъ, дабы вышелъ одинъ членъ; или же на словахъ: *et nihil patiebantur* (нестрадаху нечесоже) переведешъ духъ, и потомъ съ новою силою тона прибавишь: *super contritione Ioseph* (въ сокращеніи Іосифовомъ),—дабы образовался двучленный періодъ),—эти слова Пророка полу-

чають необыкновенную красоту отъ того, что въ нихъ не сказано— *super contritione fratris* (въ сокрушеніи брата-немъ), но вмѣсто слова *fratris*— (братѣ), употреблено слово *Iosифѣ*, дабы каждый братъ былъ ознаменованъ собственнымъ именемъ того изъ нихъ, кто славѣ всѣхъ своихъ братьевъ— какъ въ несчастіи, кошорымъ ему заплашили, такъ и въ счастіи, кошорымъ онъ оплашилъ. Не знаю, преподають ли наша Риторика,— кошорой мы сами учились и учили другихъ,— употребляя столько превосходные пропы, каковъ употребленный здѣсь пропъ— *Iosифѣ*, представляющій подразумѣванъ каждого изъ братьевъ его. Впрочемъ, кто самъ не чувствуетъ, тому и говорить нечего о томъ, сколь красивъ эшотъ пропъ, и какъ пріятенъ онъ для читающихъ и разумѣвающихъ.

XXI.) Можно бы, по правиламъ Риторики, найти очень много и другихъ красотъ въ приведенномъ мною примѣрѣ Св. краснорѣчія: но добрый слушатель не столько получаетъ назиданія отъ тщательнаго разбора, сколько согрѣваетъ свое чувство отъ того, когда ему съ жаромъ и искусствомъ произносятся мѣста Писанія. Ибо сіе последнее создано не усиленіемъ

ми человѣческими, но излилось изъ
Ума Божественнаго,—излилось мудро
и краснорѣчиво, такъ что при семъ не
мудрость искала краснорѣчія, но красно-
рѣчіе ни на шагъ не опустало отъ муд-
рости.—Если правила орашорскаго и-
скусства, по почному мнѣнію красно-
рѣчивѣйшихъ и оспроумившихъ му-
жей, не иначе могли составиться,
какъ чрезъ наблюденія и замѣчанія
красотъ, находящихся въ твореніяхъ
лучшихъ орашоровъ, и чрезъ приве-
деніе оныхъ въ извѣстную систему
или науку: то что мудренаго—на-
ходить сіи правила и красоты въ
писаніяхъ мужей Богодухновенныхъ,
коихъ послалъ Господь, Кто творитъ
умы великіе? По сей-то причинѣ я
смѣло признаю каноническихъ нашихъ
Писателей и Учителей не только
мудрыми, но и краснорѣчивыми въ
отношеніи къ такому роду вишій-
ства, какой былъ совершенно при-
личенъ лицамъ Богодухновеннымъ.

XXII.) Но, заимствуя образцы Св.
вишійства изъ такихъ мѣстъ Писа-
нія, кои безъ всякаго труда можно
понимать, я рѣшиительно не совѣую
★ подражать Богодухновеннымъ мужамъ
тамъ, гдѣ они выражались съ полез-
ною и спасительною шемною, дабы

какимъ-ни-есть образомъ заняты и выпрямишь умы читающихъ, дабы прогнашь скуку, и изощришь охоту учишься желающихъ, и дабы—навремя утѣшишь себя опъ людей нечеспивыхъ,—или для обращенія ихъ къ благо-честію, или же для исключенія ихъ опъ таинспвѣ . То-есть—Св. Писатели выражались темно для того, чтобы люди послѣдующаго времени, желая правильно понимать и изъяснять ихъ,—спарались обрѣтать для сего въ Церкви Божіей благодать новую,—хотя, не равную, покрайней мѣрѣ подобную той, которая была въ нихъ самихъ. Но, исполковавши ихъ не должны въ своихъ исполкованіяхъ принимать на себя видъ такой же таинспвенной важности, какая прилична была мужамъ Богодуховеннымъ;—недолжны изъяснять Писаніе такъ темно, чтобы ихъ изъясненія снова было нужно изъяснять. На прошивъ для Хрисціанскаго наставника первый и главный долгъ есть—во всѣхъ своихъ поученіяхъ быть сколько можно вразумительнымъ, и говорить съ такою ясностію, что развѣ только самый непонятный человекъ былъ бы не въ состояніи понимать насъ; или же причина неудобовразумительности въ рѣчахъ происходила бы не опъ нашихъ словъ, а опъ чрезвычайной

трудности и утонченности предметов, кои мы желаемъ изъяснить и открыть другимъ.

XXIII.) Ибо есть предметы, кои по самой сущности своей не понятны, или кои едва—едва постигаешь, да и по весьма поверхностно, хотябы наставникъ выражалъ ихъ самыми ясными словами. Такихъ предметовъ или вовсе никогда не должно предлагать народу для слушанія, или предлагать весьма рѣдко,—въ случаѣ какой-нибудь необходимости. Впрочемъ требованіе сіе,—необходимое въ общественныхъ поученіяхъ,—не относитъ къ сочиненію книгъ, кои сами собою занимательны бывають для читателя, когда онъ понимаетъ ихъ, и не бывають скучны, когда ихъ—по невразумительности—незахотятъ читать;—не относится также къ частнымъ бесѣдамъ и разговорамъ. Здѣсь, напрошивъ, мы не должны щадить никакого труда для того, чтобы истины, даже самыя трудныя для разумѣнія, но хорошо нами постигнутыя, какимъ-бы то ни было образомъ довести до понятія другихъ, и во чтобы ни стало—перелишь оныя въ душу слушателя; особенно если слушателемъ или собесѣдникомъ нашимъ обладаешь жажда позна-

ній, и если у него есть достаточныя умственные способности. Ибо въ простой бесѣдѣ наставнику вся забота не о томъ, какъ бы краснорѣчивѣе, но о томъ, какъ бы яснѣе и очевиднѣе изложить предметъ свой.

XXIV.) Рачительное стремленіе къ этой ясности (evidentia) вовсе не рачитъ иногда объ изящесствѣ выраженій, заботясь не о томъ, что хорошо звучитъ, но о томъ, что хорошо высказываетъ и проявляетъ истину, которую силится высказать на видъ. Посему-то одинъ Писатель, разсуждая о ясности изреченія, говоритъ, что она бываешь иногда нѣкою щипательною небрежностію; хотя само собою разумѣется, эту небрежностію (а) не такъ разоблачается рѣчь отъ красиваго убранства, чтобы облачать ее въ безобразные покровы. Но какъ бы то ни было, только хорошіе учили вѣ въ ученіи своемъ болѣе всего старающіяся, и должны стараться о ясности; и потому если выраженія,— чистыя и правильныя въ ученѣмъ употребленіи— темны и двусмысленны, а въ простонародномъ употребленіи хотя неправильны, но за то ясны и точны:

(а) Cic. Orator. Tom. I. pag. 255. 20.

по въ такомъ случаѣ они и употребляютъ сіи выраженія уже не пакъ, какъ употребляютъ ихъ ученые, а какъ произносятъ оныя простой народъ. Такимъ образомъ, если наши переводчики не постыдились сказать: *Non congregabo conventicula eorum de sanguinibus*— несоберу соборы ихъ отъ кровей (а);— ибо чувствовали, что предметъ требовалъ употребить здѣсь слово *sanguinibus* (кровей) въ множественномъ числѣ, хотя оно въ ученомъ Лашинск. языкѣ употребляется только въ единственномъ: то почему училелю Вѣры, бесѣдующему съ людьми необразованными, стыдился и не употребить простонароднаго *os/im* (кость) вмѣсто книжнаго *os*, дабы избѣжать двусмыслія въ словѣ, имѣющемъ два значенія— *кость* и *уста*, и различающемся по одному только ударенію въ произношеніи— долгому или короткому (*os ôris*— короткое, *os ossis* долгое),— почему, говорю не употребить, когда грубое Африканское ухо вовсе не умѣетъ судить ни о сокращеніи, ни о продолженіи гласныхъ буквъ?— Какая польза отъ правильности языка, за которую не можетъ слѣдовать понятіе слушающаго, тогда какъ единственная причина и

(а) Цом. XV. 4.

цѣль разговоровъ нашихъ есть та, чтобы насъ понимали люди, съ коими ведемъ разговоръ?

Итакъ, кто учишь, пусть пусть избѣгаетъ выражений, кои не учашъ; пусть избираетъ выраженія правильныя, если это можно сдѣлать, не вредя ясности; если же нельзя—либо пошому, что ихъ вовсе нѣтъ, либо пошому, что онѣ не скоро на умъ приходящъ: то пусть употребляетъ слова не совсѣмъ правильныя, лишьбы только самый предметъ преподавать правильно.

XXV.) Это требованіе касательно ясности и вразумительности должно соблюдать не только въ частныхъ разговорахъ съ однимъ или многими лицами; но еще гораздо болѣе въ общесѣстныхъ поученіяхъ къ народу. Ибо въ частныхъ разговорахъ есть возможность спросить, когда чего не понимаешь: а гдѣ всѣ молчащъ, чтобы слушать одного, гдѣ всѣ къ одному напрягли уста и уши; тамъ спрашивать,—когда чего не понимаешь,—и не въ обычаѣ, и не въ приличіи, слѣдъ; здѣсь наибольшая заботливость оратора должна постоянно представлять на помощь молчаливому слушателю. Народъ, жадный къ познанію;

обыкновенно неперпѣливымъ движеніемъ выражаешь, — понялъ ли онъ проповѣдника. Пока нѣтъ сего движенія, до тѣхъ поръ проповѣдникъ долженъ представлять изслѣдуемый предметъ съ различныхъ точекъ, и облекать оный во всевозможные разнообразныя виды рѣчи. — (Этого не въ состояніи, — замѣчу мимоходомъ, — сдѣлать такіе проповѣдники, кои произносятъ поученія, заранее приготовленныя, и слово — въ слово затверженныя на память.) Но какъ скоро проповѣдникъ поймешь, что его всѣ совершенно поняли: тогда надобно или кончить поученіе, или перейти къ другому предмету. Ибо какъ пріятенъ шопъ, кто проясняетъ предметъ не знакомый: такъ напрошивъ шягосненъ, кто много полкуешь объ извѣстномъ. Впрочемъ онъ шягосненъ для однихъ шѣхъ, у коихъ все вниманіе держится только ожиданіемъ того, чтобы разрѣшили имъ трудность развиваемой истины; а въ другихъ случаяхъ и предметны извѣстные предлагаются слушателямъ съ пріятностію; то-есть, когда вниманіе слушателей обращено не на самый предметъ, а на способъ выраженія предмета. Если же и самый способъ выраженія извѣстенъ, и не смотря на то нравится слушателямъ; то для нихъ по-

чти все равно, бесѣдусъ ли съ ними проповѣдникъ или простой чтецъ (dictor vel lector). Ибо сочиненія, пріятно написанныя, обыкновенно съ наслажденіемъ читающъ не только пѣ, коимъ онѣ въ первый разъ попадаются; но ихъ не безъ удовольствія перечитываютъ и такіе люди, коимъ сіи сочиненія совершенно извѣсны, и находясь у нихъ въ свѣжей памяти;— пѣ и другіе такъ же охотно слушаютъ ихъ. Забудутъ ли что-нибудь изъ нихъ?— забытое снова заучивающъ, только напомнимъ имъ объ этомъ.— Впрочемъ о способѣ нравишься въ рѣчи я неразсуждаю здѣсь: говорю объ одномъ способѣ научать желающихъ учиться.— А самый лучший способъ есть тотъ, чтобы слушатель слышалъ одно истинное, и совершенно понималъ слышимое. Достигнуша эта цѣль? тогда нѣтъ нужды прудиться надъ пѣмъ, чтобы широко и долго поучать извѣстной истинѣ. Развѣ будешь прудиться надъ пѣмъ, чтобы убѣдить и глубже напечатлѣть ее въ сердце? но и въ семъ случаѣ надобно поступать скромно и умѣренно,—дабы не навесили скуки.

XXVI.) Точно,—истинная черта краснорѣчія въ способѣ научать не та, чтобы жесткое и непріятное

сдѣлать пріятнымъ , скучное занимательнымъ, — но та, чѣмъ не ясное предсказавишь яснымъ . Но съ другой стороны , если ты неясное выражаешь ясно , а нисколько не пріятно ; то отсюда получаютъ надлежащую пользу только не многіе — самые ревностнѣйшіе слушатели, — тѣ, кои искренно желаютъ узнать необходимыя для нихъ истины, хотябы сіи истины низко и грубо были выражены. Доспигнувши сего, они сладко насыщаются истиною; и превосходное качество благородныхъ умовъ есть то, чѣмъ въ словахъ безусловно любяшь истину, а не слова . Ибо что пользы отъ золотого ключа , если имъ нельзя отомкнуть того , что мы хотимъ отомкнуть? И напропивъ, какой вредъ отъ деревяннаго , если онъ можетъ отмыкать, — когда отъ ключа именно мы ничего болѣе не пребудемъ , какъ только отомкнуть замкнутое? Но не должно забывать, что учащіеся нѣколпорымъ образомъ похожи на ядящихъ, коимъ хорошо нужно приправлять самую необходимую для поддержанія жизни пищу : ибо большая часть людей склонны къ отвращенію и безгливости .

XXVII.) Одинъ краснорѣчивый Писатель сказалъ, — и сказалъ правду, что ораторъ обязанъ говорить шакъ, чтобы *научать*, чтобы *нравиться*, чтобы *убѣждать*. Попомъ прибавилъ: научашъ естъ долгъ *необходимости*, нравиться — *пріятности*, убѣждать естъ дѣло *побѣды* (1) Первое изъ сихъ требованій, ш. е. необходимость научашъ, — относится къ сущности предметовъ, послѣднія два къ способу выраженія ихъ. Такимъ образомъ, если проповѣдникъ говоритъ для того, чтобы научить; то пусть онъ говоритъ до тѣхъ поръ, пока будетъ совершенно понятъ своимъ слушателемъ. Ибо, хотябы онъ по видимому все высказалъ, что самъ понимаетъ, но если не поняли его другіе, — значить, онъ почти ничего не сказалъ имъ: напрошивъ если его скоро поняли; то онъ все сказалъ, какимъ бы образомъ ни сказалъ. Далѣе, если проповѣдникъ хочетъ нравиться, или убѣдить слушателя; въ шакоемъ случаѣ нельзя ему дѣйствовать на удачу и говорить какъ-нибудь; напрошивъ онъ долженъ тщательно

(1) Сравни. Ciceronis Orator Tom. I. pag. 254, 15. Lambin. Genevae 1684. de optim. genere oratorum pag. 305, 45 ibid.

обдумаешь способъ, какъ именно что сказать. Нравиться должно слушателю для того, чтобы удерживать его при слушаніи;—убѣждаешь для того, чтобы подвигнуть къ дѣйствованію. Нравиться ему, если говоришь пріятно; убѣждаешь, если заставишь любить то, что общаешь,—бояться того, чѣмъ угрожаешь,—ненавидѣть то, что укоряешь,—принимать то, что одобряешь,—скорбѣть тамъ, гдѣ ты возбуждаешь скорбь,—радоваться тогда, когда благоувѣствуешь радостью,—болѣзновать о тѣхъ, коихъ предъ очами его поставлены достойными сожалѣнія,—убѣгаешь тѣхъ, коихъ совѣтуешь съ ужасомъ опровергаться,—и вообще когда употребляешь всѣ другія средства возвышеннаго рода краснорѣчія, возбуждающія души наставляемыхъ не для того, чтобы они знали, что имъ должно дѣлать, но для того, чтобы самымъ дѣломъ исполняли то, что они уже признаютъ необходимымъ для дѣятельности.

XXVIII.) Если же народъ еще не свѣдущъ въ истинахъ вѣры; то—опять повтораю—надобно прежде учить его, и потомъ уже убѣждать. Можетъ быть, предметы, хорошо познанные,

сами пронуть слушателей; такъ что въ послѣдствіи не нужно уже будетъ употреблять сильнѣйшіе способы краснорѣчія. Сіи способы надлежитъ употреблять только тогда, когда нужно,—а нужно тогда, когда слушатели знаютъ, что извѣстный поступокъ должно сдѣлать, но не дѣлаютъ. Вопросъ почему потребность учить есть дѣло необходимости. Ибо люди, могутъ дѣлать и не дѣлать того, что знаютъ: но можно ли сказать, что они должны дѣлать то, чего не знаютъ? Потребность убѣждать не есть дѣло необходимости, поелику она не всегда нужна, коль скоро слушатель въ извѣстномъ предметѣ совершенно согласенъ съ проповѣдникомъ,—либо обучающимъ, либо направляющимъ. Напротивъ убѣждать есть дѣло нѣбды потому, что слушатель можетъ быть и хорошо обучаемъ, и поученіе можетъ ему нравиться, а между тѣмъ онъ можетъ упорствовать и не соглашаться съ проповѣдникомъ. Къ чему жъ въ такомъ случаѣ послужать и способъ научать и способъ нравиться, когда при нихъ не достанетъ способа убѣждать? Способъ нравиться также не имѣетъ безусловной необходимости: ибо раскройте ясно въ рѣчи своей истину,

т. е. употребите хорошо способъ научашь ;— она сама собою будетъ нравиться по простому изъясненію оной , а не по пріямному израженію словомъ . Нравится часто и ложное, если оно удачно обнаружено и опровергнуто; нравится впрочемъ не потому, что оно ложно, но поелику истинно то, что оно ложно ; почему самому нравится и самый образъ изложенія, истинно обнаружившій то, что ложь есть ложь .

XXIX.) Потребность—нравиться немаловажное занимаетъ мѣсто въ краснорѣчій тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ людьми безглыми, коимъ самая истина не иначе нравится, какъ только подъ условіемъ, чтобы нравился самый слогъ оратора . Но самый способъ нравиться бываетъ во все недоспающень, когда у насъ дѣло съ людьми упорными и законѣлыми, кои нехотятъ получать пользы ни отъ способа научашь , ни отъ способа нравиться . Къ чему послужатъ оба сіи способы такому человеку , который истину признаетъ , способъ выраженія оной хвалитъ , а между тѣмъ нисколько не прилагаетъ ее къ собственному чувству и непріемлетъ сердцемъ ;— для чего

именно проповѣдникъ неусыпно и трудится, испощая всѣ роды убѣжденія? Ибо если преподающія предметы, относящіяся къ вѣрѣ и знанію: то слушателямъ ничего болѣе не нужно, какъ только узнать истину оныхъ. Напротивъ, когда преподаются имъ предметы дѣятельности, и преподаются для того, чтобы ихъ исполнялъ: то напрасно ты стараешься увѣрять въ истинности сихъ предметовъ, напрасенъ и пріятный швой способъ выраженія; если ты не говоришь имъ такъ, чтобы они непременно знали поступать по швоимъ словамъ. Отсюда, когда Церковный ораторъ разсуждаетъ о предметахъ дѣятельности; то онъ не только долженъ учить, чтобы быть назидательнымъ, не только нравиться, чтобы быть занимательнымъ, — но и убѣждать, чтобы быть побѣдоноснымъ. Ибо въ послѣднемъ случаѣ возвышеннымъ и величественнымъ краснорѣчіемъ невольно склоняется на убѣжденіе шовъ, у кого прежде не могла испоргнушь признанія ни истина, ясно представленная, ни пріятность, съ какою она выражена въ рѣчи.

XXX.) Пріятности въ рѣчи люди жертвовали великими шрудami: но

не подражать, а убѣгать и гнушаться должно тѣхъ вредныхъ и негодныхъ сочиненій, кои весьма краснорѣчиво написаны вредными и негодными сочинителями не для назиданія, а только для одного удовольствія. Да отвратишь Господь отъ Церкви своей по зло, на которое указываетъ Пророкъ Іеремія, говоря о Синагогѣ Іудейской: *ужасъ и страшная содѣяшася на земли! Пророцы пророчествоваша неправедная, и священницы восплескаша руками своими, и людіе мои возлюбиха таковая, и что сотворите въ послѣдняя сихъ (а)?* (ш. е. въ будущемъ). (О вишійство, тѣмъ ужаснѣйшее, чѣмъ чистѣйшее, и тѣмъ основательнѣйшее, чѣмъ сильнѣйшее,— вишійство, какъ сѣкира, низвергающее скалы! Ибо самъ Богъ чрезъ Іеремію съ сѣкирою сравнилъ слово свое (Іер. XLVI, 22.), которое Онъ изрекъ устами Св. Пророковъ.) Да удалишся отъ насъ, да удалишся по зло, чтобы Священники рукоплескали говорящимъ неправедная, и чтобы народъ Божій любилъ таковая,— да удалишся, говорю, отъ насъ такое безуміе; ибо что сотворимъ въ послѣдняя сихъ? Пусть лучше бу-

демъ мы менѣе понятны въ своихъ поученіяхъ; пусть будемъ менѣе нравиться,—менѣе шregarъ: но мы должны говорить одно истинное, и слушатели наши должны восхищаться однимъ справедливымъ, а не неправеднымъ. Впрочемъ я опять замѣчу, что сего восхищенія нельзя произвести, если предметъ поученія нашего не будетъ имѣть никакой пріятности въ изложеніи.

XXXI.) Людямъ спешнымъ и важнымъ, о коихъ сказано въ псалмѣ: *въ людѣхъ тяжѣхъ*— (in populo gravi) *восхваляю тя* (а),— не нравиться однакожь и пріятность рѣчи, если въ этой рѣчи изображающія надушымъ и слишкомъ обильнымъ слогомъ хотя и не ложныя, но маловажныя и непостоянныя наслажденія,— слогомъ, который неприличенъ и не годится даже для изображеній благъ возвышенныхъ и неизмѣнныхъ.— Блаженный Киприанъ въ посланіяхъ своихъ представилъ образецъ скромнаго и важнаго випійства,— образецъ любезный самъ по себѣ, вожделѣнный для благочестиваго наставника, но вмѣстѣ трудный для подражанія.— Между шѣмъ и у сего великаго Писателя вспрѣчающ-

(а) Псал. XXXIV, 12.

ся примѣры слога надушаго,— можетъ быть, случайно, а можетъ быть и съ намѣреніемъ употребленнаго, дабы изъ противоположности показавъ чиншателью, какого именно слога и языка требуетъ здравая наука Христіанская и какъ благошворно былъ преобразованъ ею языкъ Кипріяна. Такъ, напр. въ одномъ посланіи своемъ Кипріянь говоритъ: „Пойдемъ, сядемъ въ пѣни садовъ; „шамъ сосѣдственныя „одинокія мѣста даюшъ намъ безмолвное „убѣжище; шамъ пріятно колеблющіяся „младыя вѣтви виноградныхъ лозъ, „развѣшиваясь и перевиваясь во кругъ „подставокъ, обремененныхъ ими, об- „разовали для насъ съ побою вино- „градную галлерею съ зеленымъ ли- „свеннымъ покровомъ и пр., (а).“ Въ сихъ словахъ видна удивительная плодовитость краснорѣчія; при всемъ томъ онъ не могутъ нравиться строгому и сщепенному вкусу, ибо слишкомъ распянушыи надушы. Есть люди, кои любяшъ слишкомъ обильный и кудравый слогъ; они думаютъ, что писатели, вы-

(а) Сей ошривокъ, не поправившійся Блажен. Августину по распянутости, или—какъ онъ выражается *nitia profusione*, взявъ изъ Посланія Св. Кипріяна къ Донату о благодати Божіей, переводъ коего напечатанъ въ Хр. чш. 1825 году Книг. VI. Часш. XVIII.

ражающіеся строго и почто, уклоняются отъ обильнаго слога не въ слѣдствіе зрѣлаго сужденія, а въ слѣдствіе своей неспособности выражаться обильно. По сей причинѣ Св. Кипріанъ, дабы отклонить отъ себя нареканіе, показавъ съ одной стороны то, что онъ умѣетъ выражаться обильно, — ибо выразился такъ въ извѣстномъ мѣстѣ; — съ другой то, что нехочетъ говорить подобнымъ образомъ, — ибо сказавъ такимъ образомъ однажды, онъ никогда уже не изъяснялся растянуто.

XXXII.) И такъ нашъ Церковный ораторъ достойно себя дѣйствуетъ тогда, когда предлагаетъ народу одно *справедливое, святое и доброе*, ибо другаго ничего не долженъ онъ предлагать; — достойно дѣйствуетъ, когда, по возможности, умѣетъ *справедливое, святое и доброе* выражать такъ, что его слушаютъ *съ понятіемъ, охотно и покорно* (intelligenter, libenter, obedienter). Но успѣха въ семъ дѣйствованіи долженъ ожидать онъ болѣе отъ благочестивыхъ моливъ, нежели отъ способностей ораторскихъ; — пусть онъ, молясь за себя и за слушателей, сдѣлается прежде моливвенникомъ, чѣмъ проповѣдникомъ. И въ эту самую минуту, когда выходитъ на кафедру, пре-

жде нежели опроверзешь уста свои, пусть онъ вознесетъ жаждущую душу свою къ Богу, да по благодати Его опрыгнешь то, чѣмъ самъ напоенъ, и да изліетъ онъ полноты своей. Ибо если въ всякомъ предметѣ, съ вѣрою и любовью изслѣдуемъ, есть множество спорныхъ, съ коихъ можно открывать оный; если каждый предметъ люди знающіе могутъ выражать многими и различными способами: то кто знаетъ, что именно должно сказать намъ въ такое, или другое время, что выгоднѣе для нашихъ именно слушателей, — кто, — говорю, — знаетъ кромѣ Того, Который видитъ сердца всѣхъ? Кто наставитъ насъ, что должно, и какъ должно сказать, кромѣ Того, въ деснице Коего и мы и слова наши (а)? По этому кто желаетъ и самъ научиться, и другихъ учить, пусть изучаетъ предметы наставленія, пусть пріобрѣтаетъ способность говорить, какъ прилично Церковному лицу: но въ самую минушу сказыванія, пусть лучше приводитъ себя на мысль слова Господа: *не пецѣтесе, како или что возлагаете, дастъ бося вамъ въ той часъ, что возлагаете; не вы бо будете глаголющии, но Духъ*

(а) Прем VII, 16.

Отца вашего глаголюй въ васѣ (а). Когда Духъ Св. глаголетъ въ тѣхъ, кои за Христа предаются гонителямъ; то почему не глаголетъ Ему въ тѣхъ, кои Христа, словомъ благовѣствованія, преподають учащимся?

XXXIII.) Скажутъ: если Духъ Св. производитъ учителей; то люди не должны предписывать правилъ, чему и какъ надлежитъ учить. Но въ такомъ смыслѣ, — пожалуй, — можно сказать, что и молишься намъ не должно; ибо Господь говоритъ: *вѣсть Отецъ вашъ, иже требуетъ, прежде прошенія вашего* (б); можно, — пожалуй, — сказать, что и Ап. Павелъ не имѣлъ права заповѣдывать Тимофею и Тимоти, что и какъ они должны были заповѣдывать другимъ. Между тѣмъ прочтите всѣ три посланія Апостольскія къ Тимофею и Тимоти, кои учитель Церковный всегда обязанъ имѣть предъ глазами. Развѣ не написано въ первомъ посланіи къ Тимофею: *завѣщавай сія и цѣи* (в)? А чему *цѣи*, объ этомъ выше сказано. — Развѣ нѣтъ тамъ наставленія: *старцу не твори пакости, но цѣвшаи якоже отца* (г)? Развѣ во второмъ посланіи не говоритъ

(а) Матт. X, 19, 20 (б) Тамже VI, 8. (в) 1 Тим. IV, 11. (г) Тамже V, 1.

ся: образъ имѣй здравыхъ словесъ. ихъ же отъ мене слышалъ еси (а)? Развѣ не говоришь: потщися себе искусна поставити предъ Богомъ, дѣлателя не постыдна, право правяща слово истины (б)? Тамъ же есть и слѣдующее наставленіе: проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, облиги, запрети, умоли со всякимъ долго-терпѣніемъ и цѣненіемъ (в). Далѣе въ посланіи къ Тимѣу развѣ не говоритъ Апостолъ: подобаетъ епископу... быти держащемуся вѣрнаго словеса по цѣненію, да силенъ будетъ и цѣлѣвати во здравіемъ цѣненіи, и противящіяся обличати (г)? Тамъ же говоритъ онъ: ты же глаголи, яже подобаетъ здравому цѣненію: старцемъ трезвеннымъ быти и проч. (д) Тамъ же: сія глаголи и моли, и обличай со всякимъ повелѣніемъ: да никтоже тя преобидетъ. Воспомянай тѣмъ начальствующимъ и владѣющимъ повиноватися и пр. (е) Чѣто думаешь послѣ сего? Думаешь ли, чѣто Ап. противурѣчишь самъ себѣ, когда онъ сказавши, чѣто учителей производить Духъ Св., самъ между тѣмъ предписываетъ имъ правила, чему и какъ они должны учить?— Напротивъ не

(а) 2 Тим. I, 13. (б) Тамже II, 15. (в)—IV, 2.

(г) Тим. I, 9. (д)—II, 1. (е) II, 15.—III, 1.

лучше ли согласишься, что и люди, при содѣйствіи Св. Духа, не должны осмѣляясь обязанности—учить самыхъ учипелси? Только всегда надобно быть увѣрену, что *ни насаждай есть что, ни напай, но возвращай Богъ* (а)? Вошь почему ни помощь самыхъ Св. людей, ни даже содѣйствіе Св. Ангеловъ одни сами собою никого вполне и правильно не выучиваютъ пайнамъ, относящимся къ внутренней жизни съ Богомъ, аще кто нѣсть опъ Бога наученъ Богомъ (б), къ Коему взываетъ Псалмопвецъ: *научи мѧ творити волю твою, яко ты еси Богъ мой* (в). Вошь почему и Апостоль заповѣдуетъ Тимоѳею, какъ учипель говоря съ ученикомъ: *ты же пребывай, въ нихъ же наученъ еси, и яже въбрена суть тебѣ, въдый, отъ Кого научился еси* (г). Какъ врачевства пѣлесныя, прилагаемыя людямъ опъ людей же, пользуясь только пѣмъ, коимъ доставляетъ здоровье Богъ, могущій и безъ лѣкарствъ уврачевать, и хотя лѣкарства безъ помощи Божіей не дѣйствительны, однакожъ люди и употребляющъ ихъ, и усердное доставленіе оныхъ во всякомъ случаѣ почитается дѣломъ милосердія и благодаренія: такъ

(а) 1 Кор. III, 7. (б) Иоан. VI, 45. (в) Псал. CXIII, 10.

(г) 2 Тим. III, 14.

и пособіи науки, преподаемыя рукою человека, тогда только пользуясь душою, когда дѣлаешь ихъ полезными самъ Богъ, который не опъ человекъ, и не чрезъ человека могъ, если бы восхотѣлъ, дасть человеку самое Евангеліе.

XXXIV.) И такъ кто старается силою слова своего увѣрить другихъ во святомъ и благомъ, не пренебрегая припомъ ни одной изъ трехъ главныхъ обязанностей виційства, ш. е. обязанностей учить, нравиться и убѣждать; пошъ пусть сперва молишь,—и попомъ дѣйствуешь словомъ своимъ такъ, чпобы его слушали, (какъ выше сказано), внятно, охотно и покорно (*intelligenter, libenter, obedienter*). Если онъ совершаетъ сіе съ надлежащею точностію и достоинствомъ, то по справедливости можешь назваться орапоромъ, хотя бы слушатель все еще оставался не убѣжденъ и не согласенъ съ орапоромъ. Мнѣ кажется, что къ шремъ вышеозначеннымъ потребностямъ краснорѣчія—учить, нравиться и убѣждать, глава Римскаго краснорѣчія хотѣлъ опнести и слѣдующія слова: „Истинный орапоръ „будетъ тошъ, кто въ состояніи— „о предметахъ обыкновенныхъ выра- „жаться слогомъ простымъ, о сред- „нихъ—умѣреннымъ, о великихъ и

„важныхъ— слогомъ высокимъ (1). Иаже-
жеся, присоединяя сіи послѣднія
пробованія къ шремъ первымъ, онъ
хотѣлъ изъяснить одну и ту же мысль
слѣдующую: шотъ будеть истинный
ораторъ, кшо въ состояніи—о предме-
тахъ обыкновенныхъ и маловажныхъ
выражашься просто, чшобъ учить;
о предметахъ среднихъ говорить язы-
комъ умѣреннымъ, чшобъ нравиться;
о предметахъ важныхъ говорить сло-
гомъ возвышеннымъ, чшобъ убѣждать.

XXXV.) Впрочемъ ученіе Римскаго
вишіи о предметахъ шрехъ родовъ сло-
га можеть годиться шолько въ судеб-
ныхъ или гражданскихъ рѣчахъ, а не
въ Церковныхъ поученіяхъ, для коихъ
я хочу образовашь моего оратора.
Ибо въ правилахъ о рѣчахъ судебныхъ
обыкновеннымъ называется шо, гдѣ
должно разсуждать о денежныхъ сдѣл-
кахъ или объ имѣніи вообще, важ-
нымъ шо, гдѣ дѣло идетъ о цѣлю-
сти и жизни людей или о дѣлахъ у-
головныхъ; а гдѣ нѣтъ ни шого, ни
другаго,— гдѣ не заставляють слуша-
теля ни дѣлать, ни опредѣлять чшо-
либо, а шолько стараються ему нра-
виться,— шамъ и предметы, занима-

(1) Срав. cicero. orator Tom. I. pag. 254, 15. 257, 55, 10.

ющіе средину между двумя вышепомянутыми родами мащерій, названы какъ-бы средними, и пошому посредспвенными, или умѣренными; (название умѣренныхъ произошло отъ мѣры, и когда мы упошребляемъ слово *умѣренный* въѣсно *маловажный* — *modica pro parvis*, — то говоримъ несобспвенно, а по злоупотребленію.) Напрошивъ того въ нашихъ Церковныхъ поученіяхъ нѣтъ предметовъ обыкновенныхъ и маловажныхъ; ибо всѣ испины, предлагаемыя отъ насъ народу, особенно же испины, относящіяся къ послѣднему изъ двухъ вышеозначенныхъ родовъ, мы должны измѣрять отношеніемъ къ спасенію людей не временному, а вѣчному, или же отношеніемъ къ вѣчной погибели ихъ. Въ семъ случаѣ слово даже о пріобрѣтеніи, или пошерѣ имѣнія и денегъ, предлагаемое Церковнымъ наславникомъ, не должно казаться маловажнымъ, будетъ ли сумма ихъ велика, или мала. Ибо не маловажная вещь есть вѣрность, которую мы должны хранишь и въ маломъ количествѣ денегъ, по слову Господа: *вѣрный въ малѣ, и во мнозѣ вѣренъ есть* (а). Слѣдовашельно малое само по себѣ

(а) Лук. XVI, 10.

есть дѣйствительно мало: но велико то, чтобы въ маломъ быть вѣрнымъ. Какъ причина круглошы, п. е. проведеніе всѣхъ линій равныхъ отъ центра къ оконечностямъ есть одна и шаже и въ большемъ кругѣ (discus), и въ самой малой монетѣ: также точно и въ дѣлахъ справедливости величіе вѣрности не уменьшается отъ того, что обязанности маловажныя исполняются вѣрно.

XXXVI.) Разсуждая о тяжбахъ мірскихъ, (за что болѣе, какъ не за деньги?) Апостоль говоритъ шакъ: *смыетъ ли кто отъ васъ, вещь илиа ко иноу, судитися отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ? Не вѣсте ли, яко святіи мірови илцѣ судити? и аще вами судѣ прииметъ мірѣ, недостойни есте судищемъ худымъ? Не вѣсте ли, яко Ангеловѣ судити имамы, а не тогю житейскихъ? Житейская бо судища аще имате, униженныхъ въ Церкви, сихъ посаждаете. Кѣ срамѣ вамъ глаголю: тако ли нѣсть въ васъ мудрѣ ни единѣ, иже можетъ разсуджати между братій своихъ? Но братѣ сѣ братомъ судится, и то предъ невѣрными? Уже что отнюдѣ вамъ срамъ есть, яко тяжбы имате между собою; пошто не пате обидили есте?*

потѣ не пате лишени бываєте? Но вы сами обидите и лишаете, да еще братію. Или не вѣсте, яко неправдицы царствіа Божія не наслѣдуютъ (а)? За что такъ негодуешь Апостоль, за что такъ упрекаешь, такъ поносишь, такъ обличаешь, такъ грозишь? По какой причинѣ изливаешь страсть души своей въ столь частыхъ и сильныхъ порывахъ? Для чего наконецъ о предметахъ самыхъ малозначущихъ выражается онъ языкомъ возвышеннымъ и напряженнымъ? Неужели одні пусшыя тяжбы по дѣламъ житейскимъ такъ сильно раздражили его?— Нѣтъ, онъ дѣлаешь сіе по справедливости, по любви и благочеснію, коихъ здравый разумъ никогда не почтетъ маловажными даже въ отношеніи къ самымъ малозначущимъ вещамъ.

XXXVII.) Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы писали здѣсь правила обыкновеннымъ лицамъ, какъ онѣ должны вести мірскія дѣла за себя или за ближнихъ предъ судіями Церковными: то мы сказали бы, что ихъ защитительныя рѣчи должны быть излагаемы слогомъ простымъ, когда у

(а) 1 Кор. VI, 1—9.

нихъ дѣло идетъ о маловажныхъ предметахъ. Но мы разсуждаемъ о краснорѣчии такого человѣка, въ лицѣ коего желаемъ видѣть проповѣдника истины, спасающихъ насъ отъ вѣчнаго зла, и содѣйствующихъ къ доспѣженію вѣчнаго блага: а такія истины всегда важны, когда бы—и въ какой бы нибыли онѣ представлены формѣ—въ общественныхъ ли поученіяхъ къ народу, или въ частныхъ наставленіяхъ, предлагаемыхъ одному или многимъ, друзьямъ или не друзьямъ,—въ проповѣдяхъ, постоянно продолжающихся, или въ простомъ разговорѣ,—въ разсужденіяхъ, въ цѣлыхъ книгахъ, даже въ письмахъ самыхъ крапкихъ, равно какъ и самыхъ длинныхъ. Что напр., такъ не важно и малозначуще, какъ чаша холодной воды? Но не уже ли по этому Господь изрекъ самую мѣлкую и незначущую истину, когда сказалъ, что не погубишь мзды своей пошль, кто ученику Его дастъ чашу студеной воды (а)? И хорошо ли поступишь проповѣдникъ, который, предлагая сію истину въ Церкви, подумаетъ, что она очень неважна, и что поному объ ней надобно гово-

(а) Матѣ. X, 42.

речь простымъ и низкимъ языкомъ, а не среднимъ, или не высокимъ слогомъ? Напрошивъ не лучше ли мы сдѣлаемъ, если, при случаѣ говоря къ народу объ эпосѣ предметъ. постараемся изложить его слогомъ болѣе приспосойнымъ, показывая, какъ изъ оной (а) воды холодной истекло нѣкое священное пламя, которое надеждою мзды небесной могло нѣкогда воспламенить даже холодныя сердца людей къ совершенію дѣла милосердія?

XXXVIII.) Впрочемъ Церковный наставникъ, обязанный бытъ проповѣдникомъ истинъ великихъ и важныхъ, не всегда обязанъ выражать ихъ языкомъ возвышеннымъ. Напрошивъ, онъ долженъ употреблять простой слогъ тамъ, гдѣ чему-нибудь въ важномъ предметѣ учить; умѣренный или средній тамъ, гдѣ что-либо хвалить или порицать (2);

(а) 2 Матт. I, 32.

(2) Примѣч. Въ латинск. *vituperatur sive laudatur*. Древніе дѣлали различіе на три рода: на повѣствовательный или описательный, совѣтовательный и судебный. Къ предметамъ повѣствовательнаго рода относили *похвалу* и *порицаніе* чего-либо: для выраженія сихъ предметовъ назначали слогъ средній или умѣренный. См. Cicero. *oratoriae partitiones* opus. omn. Tom. I. pag. 294. 295. Посему и бл.

а гдѣ нужно побуждать къ дѣйстви-
нію, и гдѣ мы бесѣдуемъ съ такими
людьми, кои должны дѣйствовать, но
нехотѣющіе: тамъ предметы важные
необходимо пребудутъ слога высока-
го, соразмѣрнаго потребностямъ—убѣ-
дити упорные умы. Отсюда иногда
одинъ и тотъ же предметъ важный
излагается просто, когда ему участвъ;—
умѣреннымъ или среднимъ слогомъ,
когда описываютъ его качества; выра-
жается возвышенно, когда стараются
привлечь къ сему предмету укло-
нившееся отъ него чувство слуша-
теля... Какой предметъ величе-
ственнѣе и важнѣе самаго Бога? И
однакожъ неужели, по причинѣ сво-
его безпредѣльнаго величія, Богъ не
есть предметъ для изученія? Напро-
тивъ кшо учить напр. догмату о
единствѣ Св. Троицы, тотъ не
долженъ ли выражаться однимъ толь-
ко простымъ слогомъ, дабы пред-
метъ, самъ по себѣ неудобопостижи-
мый, представитъ, сколько можно,

Августинъ, ниже предсказывая примѣръ, какъ должно
говорить о Богѣ, замѣчаетъ, что хвала и просла-
вленіе Бога должны быть выражены слогомъ сред-
нимъ, или *pulehra ac splendida dictione*;—ибо краси-
вое и блестящее выраженіе принадлежало, какъ
мы сказали, къ среднему слогу.

вразумительнѣе? Развѣ здѣсь пре-
бываютъ красноты, а не доводы? Развѣ
здѣсь надобно убѣждать слушающаго
къ какой—нибудь дѣятельности, а
не къ тому, чтобы онъ собственно
старался только учиться великому
предмету? Далѣе, когда цѣль поученія
бываетъ—прославлять Бога или Сама-
го въ Себѣ, или въ дѣлахъ Его: по
какой открывается видъ для средня-
го—прекраснаго и блистательнаго сло-
га такому проповѣднику, ко-
торый можешь (сколько можешь) про-
славлять Того, Кого никто не можешь
хвалить по достоинству,—никто, говорю,
какимъ бы образомъ ни восхвалялъ!
Наконецъ, если случится, что Бога
не почищаютъ, или почищаютъ Его
на равнѣ съ идолами, или даже пред-
почищаютъ Ему идоловъ, демоновъ,
либо какую-нибудь пшарь: въ такомъ
случаѣ надлежитъ говорить языкомъ
возвышеннымъ, дабы показать, какъ
велико сіе зло, и дабы отвратить
отъ онаго людей.

XXXIX) Для ясности моихъ за-
мѣчаній я приведу здѣсь нѣсколько
примѣровъ. Образецъ слога преславаго
есть у Апостола Павла въ Посланіи
къ Галатамъ, гдѣ онъ говоритъ: *Гла-*
голите ми, иже подѣ закономъ хотите

быти, закона ли не слѣдуете? Писано бо есть, яко Авраамъ два сына имѣ: единого отъ рабы, а другаго отъ свободныя. Но иже отъ рабы, по плоти родися: а иже отъ свободныя, по обѣтованію. Яже сѣмь иносказаній: сѣмь бо еста два завѣта: единъ цбо отъ горы Синайскія, въ работу раждаѣ, иже есть Агарь. Агарь бо Сина гора есть въ Аравіи, прилагается же нынѣшнему Иерусалиму, работаетъ же съ тѣмъ своими. А вышній Иерусалимъ, свобода есть, иже есть мати всѣмъ намъ (а), и проч. Вошъ другое мѣсто изъ тогоже Посланія, гдѣ Апостоль посредствомъ умозаключеній изъясняется такъ: Братіе, по словесу глаголю: обае словеснаго предутвержденна завѣта никтоже отнимаетъ, или приповелѣваетъ. Аврааму же речени быша обѣты, и сѣмени его; не глаголетъ же: и сѣменемъ, яко о мнозѣхъ, но яко о единомъ: и сѣмени твоему: иже есть Христосъ. Сіе же глаголю, завѣта предутвержденнаго отъ Бога во Христа, бывый по лѣтѣхъ четыреста и тридцати законъ, не отнимаетъ, во еже разорити обѣтованіе. Аще бо отъ закона наслѣдіе, не тому (уже) отъ обѣтованія: Аврааму же обѣтованіемъ дарова

1) Гал. IV, 21—26.

Богъ. Поелику здѣсь могло прип-
сти на мысль слушащелю возраженіе:
для чего же данъ Законъ, если на-
слѣдіе не опъ Закона? шо Ап. преду-
преждаетъ слушащеля, и самъ себѣ
возражаетъ: *Что убо законъ? попомъ*
опвѣстствуешь: преступленій ради при-
ложися, дондеже придетъ сѣмля, еми
же обѣтовася, вгненѣ Ангелы, рцкою
ходатая. Ходатай же единаго нѣсть:
Богъ же единъ есть. Поелику здѣсь
снова встрѣчалось другое возраже-
ніе: шо Апостоль оянь спрашива-
етъ себя: *Законъ ли убо противу*
обѣтованіемъ Божиимъ? и оянь оп-
вѣчаетъ: да небудетъ. Попомъ при-
водитъ причину, говоря: *аще бо данъ*
бытъ законъ могій оживити, во исти-
ну отъ закона бы была правда. Но
сатвори писаніе всѣхъ подъ грѣхомъ,
да обѣтованіе отъ вѣры *Исусъ Хри-*
стовы дастся вѣрцующимъ и проч. (а).
Изъ сего послѣдняго примѣра видно,
что къ обязанности научать отно-
сится попеченіе не только о томъ,
чтобы опровергать заключенное, и раз-
рѣшать узлы главныхъ вопросовъ;
но вмѣстѣ и о томъ, чтобы пре-
дупреждать случайныя прошиворѣчія
или возраженія, дабы онѣ не ослабляли

(а) Гал. III, 15—23.

и не опровергали главнаго предмета нашей проповѣди; особенно, если на вопросъ у насъ есть гоповое рѣшеніе: то мы имъ паче не должны уклоняться отъ возраженія, котораго избѣжать не можемъ. Случается, что когда при главномъ вопросѣ изслѣдываешь и разрѣшаешь случайные вопросы, а потомъ при случайныхъ еще новыя случайныя же противорѣчія: то вниманіе начинаешь терять въ длинной цѣпи умозаключеній; и изслѣдывашель не иначе можешь возвратишься къ главному своему вопросу или предмету, развѣ только съ помощію самой твердой и живой памяти. Не смотря однакожъ на такіе случаи, весьма доброе дѣло—опровергать всякія случайныя противурѣчія, дабы онѣ не воспрѣпились слушателю въ такую пору, когда нѣкому будетъ отвѣчать ему на оныя; а съ другой стороны, хотя бы и было кому отвѣчать, но поелику слушателъ при сказываніи поученія стоить молча,— не предлагая своихъ сомнѣній:— то онъ можетъ опойти, послѣ проповѣди, неудовлетвореннымъ, если не догадливый проповѣдникъ не разрѣшитъ противорѣчій, приходившихъ на умъ молчаливому слушателю.

XL.) Образецъ слога умѣреннаго или средняго представляють слѣдующія слова Апостола: старцу не твори пакости, но ѹтѣшай яко же отца: юноши, якоже братію: старицы, якоже матери: юныя, якоже сестры со-всѣякою чистотою (а). Такъ же: молю васъ, братіе, щедротами Божиими представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови (б). Да и все почши увѣщаніе это выражено слогомъ умѣреннымъ; красивѣйшія мѣста въ немъ суть тѣ, въ коихъ каждому предмету придается своя самая приличная черта, какъ долгъ каждому должный, слѣдующимъ образомъ: *Имуще дарованія по благодати даннѣи на мѣхъ разлитна: аще пророчество, по мѣрѣ вѣры; аще ли служеніе, во служеніи: аще цѣль, во цѣленіи: аще ѹтѣшай, во ѹтѣшеніи: подавай, во простотѣ: предстояй, со тщаніемъ: милуай съ добрымъ изволеніемъ. Любы нелицемѣрна. Ненавидяще злаго, прилѣпляйтесь благому. Братолюбіемъ другъ ко другу любезни: гостію другъ друга больша творяще: тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе: цѣлованіемъ радующеся, скорби терпяще, во молитвѣ пребывающе: требо-*

(а) 1 Тим V, 1—3, (б) Рим. XII, 1, 2.

ваніємъ святыхъ приобщающихся, страннолюбія держащеся. Благословляйте гонящія вы; благословите, а не кляните. Радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими. Тоже дружѣ ко дружѣ мудрствующе (а). Какъ красиво льется вся эта рѣчь, и потомъ преграждается двучленнымъ періодомъ: не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся! Спустия немного Ап. говоришь: воздадите всѣмъ должная: ему же убо урокъ, урокъ: а ему же дань, дань: а ему же страхъ, страхъ: и ему же тестъ, тестъ (б). Здѣсь опять весьма прилично рѣчь, составленная изъ опдѣльных членовъ, заключается двучленнымъ періодомъ: ни единому же ничемъ же должны бывайте, тогю еже любить дружѣ друга. Еще примѣръ: ночь убо преjde, а день приближися: отложимъ убо дѣла темная, и облегемся во оружіе свѣта. Яко во дни благообразно да ходимъ: не козлогласованіи и пїянствы, не любодѣяніи и стѣдодѣянїи, не рвеніемъ и завистїю: но облекутеся Господемъ нашимъ, Іисусомъ Христомъ, и плоти угодія не творите въ похоти (в). Если бы кто сказалъ сдѣсь такъ: et carnis providentiam ne in concupiscentiis fece-

(а) Рим. XII, 6--16. (б) Тамже XIII, 6--8.

(в) Рим. XIII, 12--14.

ritis вмѣсто: ne feceritis in concupiscentiis (и плоти угоди не творите въ похоти) п. е. глаголь поспавиль бы на концѣ; но безъ сомнѣнія сіе окончаніе было бы пріятнѣе для слуха посвоей плавности (3): но знаменитѣйшій и степенный переводчикъ нашъ не захошѣлъ въ переводѣ своемъ измѣнить даже порядка словъ противъ подлинника. Красива ли и благозвучна ли разстановка словъ вышеозначеннаго отрывка на Греческомъ языкѣ, коимъ говорилъ Апостоль,— объ этомъ пусть разсуждаютъ знамоки Греческаго языка: а мнѣ кажется, что и въ самомъ подлинникѣ недостаетъ плавности окончаній тамъ, гдѣ онѣ находятся въ такомъ же точно порядкѣ, какимъ поспавлены въ переводѣ нашемъ.

-
- (3) Блаж. Августинъ говоритъ, что заключеніе рѣчи было бы плавнѣе numerosior clausula,— и пріятнѣе для слуха, еслибы глаголь feceritis стоялъ на концѣ. Это потому, что тогда весь членъ большой— oblongum,— заключающій въ себѣ болѣе законныхъ 17-ти слоговъ, оканчивался бы стихотворческою стопою дитрохеею (— v— v); что ему предшествовалъ бы слогъ крашій въ союзѣ ne, и что наконецъ дитрохей заключался бы въ одноѣ словѣ feceritis, а не въ двухъ. Въ такихъ окончаніяхъ толкое, привыкшее къ гармоніи ухо Римлянина находило великое наслажденіе. Объ этомъ clausulis см. Bossia comment. Rhetor. Pat II Lib. IV. pag. 77—79.

XLI.) Въ самомъ дѣлѣ надобно при-
 знаваться, что у нашихъ Св. Писате-
 лей иногда недостаетъ той красоты
 рѣчи, которую сообщаютъ ей плав-
 ныя и мѣрныя окончанія (clausula) пері-
 одовъ. Не смѣю утверждать, отъ
 переводчиковъ ли произошелъ сей не-
 достатокъ, или сами Св. Писатели (въ
 чѣмъ я болѣе увѣренъ) съ намѣрені-
 емъ избѣгали сихъ не важныхъ укра-
 шеній,— не смѣю, пошому что,— при-
 знаюсь,— самъ этого незнаю на вѣрно.
 Но знаю то, что если какой-нибудь зна-
 покъ плавности или мѣрности въ рѣчи,
 захочешь расположить окончанія пері-
 одовъ и предложеній у нашихъ Писа-
 телей по закону приема,— а это весь-
 ма непрудно сдѣлать, переславивши
 нѣкоторыя слова, кои нисколько непе-
 ряютъ своего значенія отъ перемѣ-
 ны порядка:— то онъ увидитъ, что
 у Богодуховенныхъ мужей не было
 недостатка и въ семъ мѣлкомъ убран-
 ствѣ рѣчи, которое онъ—какъ пред-
 метъ очень важный— изучалъ въ
 школахъ Грамматики и Риторикъ.
 Даже много найдетъ онъ какъ въ
 нашемъ переводѣ Лашинскомъ, такъ
 особенно въ подлинномъ языкѣ Пи-
 санія,— много найдетъ, говорю, та-
 кихъ украшеній касательно слога,
 какихъ вовсе нѣтъ въ сочиненіяхъ

людей, преимущественно шещеславлящихся разнѣреннымъ складомъ рѣчи. Но надобно опасаться, чтобы придавая Божественнымъ и высокимъ мыслямъ плавность, не опияялъ у нихъ важности. А что нашимъ Пророкамъ былъ очень знакомъ строй и порядокъ рѣчи по способу музыкальнаго искусства, которое во всей полноцѣ излагается науку объ извѣстномъ числѣ или рѣмѣ (4),— свидѣтель тому Геронимъ, мужъ ученѣйшій, который въ нѣкоторыхъ книгахъ Писанія указываетъ даже самый мѣръ (спону),— по Еврейскому впрочемъ некспу: въ переводѣ же своемъ онъ несоблюдалъ мѣровъ въ словахъ поному, дабы соблюсти точность въ смыслѣ.

(4) Число или рѣмъ въ музыкѣ есть сочетаніе тактовъ извѣстнаго темпа; мѣръ есть тактъ. Изъ музыки число и мѣра перешли въ поэзію; по числу построились стихи разныхъ количествъ,—шести—пятни—четырестопные и пр., по мѣрѣ образовались стопы разныхъ качествъ,—хорей, ямбъ и пр. по темнаиъ цѣлямъ пѣсы разнаго тона, напр., элегическія, лирическія и ш. д. Изъ поэзіи число и мѣра переведены въ самую прозу, которая, конечно, волюте уношрѣбляла ихъ, чѣмъ поэзія и музыка, но уношрѣбляла. Такимъ образомъ составилась въ древней рѣчи шѣсикѣйшая связь между музыкою, стихомъ и періодомъ; (см. у самаго Августина de Musica); и носену то можно было сказать: *есть музыка въ рѣчи*. Какъ дорогъ былъ музыкальный

Моя собственная мысль о числѣ и мѣрѣ, — кажущаяся правдоподобнѣею, можетъ быть, мнѣ, нежели другимъ — шакова, что какъ въ моемъ собственномъ слогѣ я не люблю опускающаго складныхъ и мѣрныхъ окончаній, гдѣ щитаю это приличнымъ и не выходящимъ изъ предѣловъ скромности: такъ напрошивъ въ Писаніяхъ Богодухновенныхъ мужей мнѣ болѣе нравились то, что я весьма рѣдко нахожу въ нихъ эти окончанія.

XLII.) Высокій слогъ опличается отъ средняго особенно тѣмъ, что онъ не столько убранъ прикрасами словъ, сколько оживленъ сильными чувствами души. Онъ принимаетъ въ свой составъ почти всѣ красоты слога средняго, если онъ есть, но и не ищетъ ихъ, если онъ сами не являющіяся къ нему. Онъ спрешенъ собственною быстротою и порывами: — вспрѣчающіяся ему красивыя выраженія? онъ

спрой рѣчи у древнихъ риторовъ, прошивъ которыхъ замѣчаетъ Августинъ, объ этомъ см. *Quinct. inst. orat. Lib. I. pag. 52. seq. 22, Lib. IX. pag. 464 seq. om. 45.* Издаи. и замѣч. Геснера, такж. многи мѣста у Цицерона. Слова Иеронима — очень замѣчательныя, — на кои указываетъ бл. Августинъ см. *Praefat. in Job. Том. III, pag. 24, издаи. 1524 год. iafol.*

схватываетъ ихъ силою предметовъ, а не ждетъ отъ заботливости объ украшеніи. Онъ довольствуется однимъ приличіемъ выраженій; хочешь, чтобы онъ повиновались внутреннему жару сердца, а не зависѣли отъ шонкихъ расчесовъ языка. Такъ герой, вооруженный позлащеннымъ мечемъ, осыпаннымъ драгоцѣнными камнями, побѣдоносецъ являющійся на полѣ брани не потому, что его оружіе драгоцѣнно, а потому, что оно оружіе: но пусть онъ будетъ и безоруженъ; все останется героемъ, все будетъ могучъ и силенъ; ибо негодование превратишь для него въ оружіе все, что ни попадется ему подъ руку.

Апостоль разсуждаетъ въ одномъ мѣсцѣ, что за благовѣстіе Христова сладостно переносить всѣ временныя бѣдствія, при помощи и утѣшеніи даровъ Божіихъ. Предметъ возвышенный; но и слогъ, коимъ выражается Апостоль, также высокъ и обиленъ красотою рѣчи. Се нынѣ, говоритъ онъ, время благопріятно; се нынѣ день спасенія. Ни едино ни въ тѣло же дающе претыканіе, да служеніе безпорочно будетъ: но во всемъ представляюще себе, якоже Божія слуги: въ терпѣніи мнози, въ скорбѣхъ, въ

бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ
теменицахъ, въ нестроєніихъ, въ тѣ-
дѣхъ, во бѣдѣніихъ, въ пощеніихъ, во
отщепеніи, въ разумѣ, въ долготерпѣніи,
въ благодати, въ Дусѣ Святѣ, въ люб-
ви нелицемѣрнѣ, въ словеси истинны,
въ силѣ Божіей, оружіи правды десны-
ми и шуйци, словою и безтѣлѣмъ,
важденіемъ и благохваленіемъ: яко лест-
цы, и истинни: яко незнаєми, и позна-
ваемы: яко цѣлующе, и се живи есь-
мы: яко наказуєми, а нецѣмѣрѣєми;
яко скорбяще, присно же радующеся: яко
нищи, а мнози богатые: яко нищо-
же илїице, а вся содержаще (а). Да-
лѣе еще пламеннѣе выражается Апос-
толь: уста наша отверзошася къ
вамъ, Коринѣяне, сердце наше рас-
пространися и проч.

XLIII.) Разсуждая въ Посланіи
своемъ къ Римлянамъ о томъ, что гоне-
нія настоящаго міра побѣждаются
любовію, при несомнѣнной надеждѣ на
помощь Божію, Апостоль подобнымъ
образомъ выражается сколь возвы-
шенно, спольже и краснорѣчиво. Вѣ-
ды, говоритъ онъ, яко любящїмъ
Бога вся поспѣшествуютъ во благае,
сцѣлїмъ по предвѣдѣнію званнѣмъ. Ихъ

(а) 2 Кор. VI, 2—10.

же бо предѣдѣ, тѣхъ и представи
сообразныхъ быти образъ Сына свое-
го, яко быти ему первородну во мно-
гихъ братіяхъ. А ихъ же представи,
тѣхъ и призва: а ихъ же призва, сихъ
и оправда: а ихъ же оправда, сихъ
и прослави. Что убо ретемъ къ симъ?
аще Богъ по насъ, кто на ны? иже
убо своего Сына неощадѣ, но за насъ
всѣхъ предалъ есть его: како убо не
и съ нимъ вся намъ дарствуетъ? Кто
поимлетъ на избранныя Божія? Бое-
оправдай. Кто осуждаей? Христосъ
Иисусъ умерый, паге же и воскресый,
иже и есть одесную Бога, иже и хода-
тайствуетъ о насъ. Кто ны разлу-
титъ отъ любве Божія? скорбь ли,
или тѣснота, или гоненіе, или гладъ,
или нагота, или бѣда, или мѣть?
якоже есть писано: яко тебе ради
умирихъ есмь весь день: вѣни-
хомся, якоже овцы заколенія. Но во
всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбль-
шаго ны. Извѣстихся бо, яко ни смерть,
ни животъ, ни Ангели, ни натала, ниже
силы, ни настоящая, ни грядущая,
ни высота, ни глубина, ни ина тварь
кая возможетъ насъ разлучити отъ любве
Божія, яже о Христѣ Иисусѣ, Господѣ
нашемъ (а).

XLIV.) Хотя Посланіе къ Галашамъ почти все написано простымъ слогомъ, исключая послѣднихъ частей онаго, изложенныхъ слогомъ среднимъ; впрочемъ и въ семь Посланіи есмь мѣсто, которое въ отношеніи къ красотѣ языка хотя не равняется съ вышеприведенными образцами, при всемъ помѣ въ отношеніи къ силѣ чувствованій выражено слогомъ высокимъ. *Дни смотрите, говорите Апостолъ, и мѣсяцы, и времена, и лѣта. Боюсь о васъ, еда како все трудихся въ васъ. Будите, якоже азъ: зане и азъ, якоже вы: братіе, молю вы, ничиже мене обидѣте? Встѣ же, яко за немощь плоти благовѣстихъ вамъ первѣ: и искушенія моего, еже во плоти моей, не унижисте, ни оплевасте, но якоже Ангела Божія пріясте мѧ, яко Христа Іисуса. Когоubo бже блаженство ваше? свидѣтельствую бо вамъ, яко, аще бы было мощно, огеса ваша извертѣши дали бысте ми. Тѣмъ же врагъ вамъ быхъ, истину вамъ глаголю? Ревнуетъ по васъ не добръ, но отлугити васъ хотѣтъ, да имъ ревнуете. Добро же, еже ревновати всегда въ добромъ, и нестогію, всегда приходити ми къ вамъ. Чадца моя, ими же паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ: хотѣлъ*

же быхѣ пріити къ вамѣ нынѣ, и измѣнити гласъ мой, яко недомышляюся о васѣ (а). Есть ли здѣсь разительныя прошивуположности въ словахъ, есть ли фигурная постепенность, благозвучный складъ и разположеніе запятыхъ, членовъ и періодовъ? Нѣтъ; но опъ сего нимало не охладѣло возвышенное чувство, которымъ здѣсь горитъ рѣчь Апостола.

XLV.) Но Посланія Апостольскія, изъ коихъ заимствованы вышеозначенныя примѣры слоговъ, съ одной стороны ясны и свѣплы, а съ другой глубоки; онѣ написаны и преданы памяти потомства такъ, что для нихъ нуженъ не только просто читатель или слушатель, но вмѣстѣ необходимъ и истолкователь, если, неосновываясь на поверхности, желаешь проникнуть во глубину мыслей. Инакъ опъ Посланій Апол., обратимся теперь къ родамъ слоговъ у такихъ Писателей, кои чтеніемъ слова Божія пріобрѣли глубокое познаніе о вещахъ Божественныхъ и спасительныхъ, и свое знаніе завѣщали Церкви въ своихъ Писаніяхъ, кои можно легко читать безъ толкователя. Блаженный Кипріанъ, въ посланіи сво-

(а) Гал. IV, 20—21.

емъ къ Цецилію разсуждая о таинствѣ Евхаристіи (de sacramento calicis), употребляетъ слогъ проспый. Онъ рѣшаетъ тамъ вопросъ: „Чаша Господня одна ли воду имѣть должна, или вмѣстѣ и вино, смѣшанное съ водою?“ Для примѣра я приведу здѣсь нѣсколько словъ изъ сего посланія. Послѣ извѣстныхъ мыслей въ началѣ письма, Св. Кипріанъ (а), приступая къ рѣшенію предложеннаго вопроса, говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Знай же, любезный Цецилій, что мы твердо убѣждены въ томъ, что Чаша возносимая по преданію Господню; и мы ничего иного не дѣлаемъ здѣсь, какъ только то, что прежде насъ самъ Господь сдѣлалъ за насъ; и. е. чтобы въ Чашѣ, приносимой въ Его воспоминаніе, приносилось вино, смѣшанное съ водою. Ибо когда Христосъ говоритъ: *Азъ есмь лоза истинная* (vitis—виноградная лоза): то кровь Христова не есть одна вода, но вмѣстѣ и вино. И нельзя видѣть искупившей и оживотворившей насъ крови Спасителя въ Чашѣ, если нѣтъ въ ней вина, означающаго кровь Христову, которая проповѣдуется таинствами и свидѣ-

(а) Cyr. oper. epist. 63 Baluz. Parisiis 1726 pag. 104.

„шельствомъ всѣхъ Вешхозавѣстныхъ
 „Писаній. Такъ въ книгѣ Бышій (а) мы
 „находимъ прообразование сей крови, и
 „изображеніе (figura) спраданій Госпо-
 „днихъ въ таинствѣ лица Ноева—и
 „именно въ томъ, что Ной пилъ ви-
 „но, что онъ упился; что обнажился
 „въ дому своемъ; что спалъ съ обна-
 „женными и опкрытыми чреслами;
 „что сія нагота опца замѣчена была
 „среднимъ сыномъ, а большимъ и мень-
 „шимъ прикрыва;—находимъ и дру-
 „гіе признаки, коихъ не нужно при-
 „водишь здѣсь: довольно знашь, что
 „Ной, представляя собою образъ (typus)
 „будущей испины, пилъ не воду, а
 „вино; и такимъ образомъ предна-
 „черпалъ въ себѣ спраданіе Господне.
 „Прообразование таинства Господня
 „видимъ также въ Священникѣ Мел-
 „хиседекѣ, о коемъ свидѣтельству-
 „етъ Писаніе, говоря: *и Мелхиседекѣ,*
 „*Царь Салимскій, изнесе хлѣбы и ві-*
 „*но: бляше же Священникѣ Бога вышня-*
 „*го* (б). А что Мелхиседекъ почно
 „представлялъ образъ (typus) Хри-
 „ста, это изъясняетъ Духъ Свяшій
 „въ псалмахъ, отъ лица Бога Отца
 „говоря къ Богу Сыну: *прежде денни-*
 „*цы родихѣ тя; Ты еси Іерей во вѣкѣ*

(а) Быш. IX, 21. (б) Быш. XIV, 18.

„по тину Мелхиседекову (а).“ Сіе и послѣдующія мѣста посланія Кипріянова изложены простымъ слогомъ, что легко могутъ усмотрѣшь сами читатели.

XLVI.) Подобный примѣръ предсказываетъ намъ Св. Амвросій, когда разсуждаетъ о Св. Духѣ, дабы доказать равенство его съ Отцемъ и Сыномъ. Предметъ важный; но слогъ для выраженія онаго употребленъ Св. Амвросіемъ простой: ибо самый предметъ, по возвышенности своей, требуетъ не красоты словъ, не сильнаго чувства для убѣжденія сердца, а доказательствъ и поясненій. Между прочимъ Св. Амвросій (б) говоритъ: „Когда Гедеонъ, подвижнутый прорицаніемъ, услышалъ (в), что Господь „избавляетъ отъ враговъ народъ Свой „не тысящами воиновъ, а посредствомъ одного человѣка: то принесъ „козлице отъ козъ; мясо его и хлѣбы прѣсные, по повелѣнію Ангела „возложилъ на камень, и близь юху излилъ: Ангелъ Господень прикоснулся концемъ жезла своего къ мясамъ „и хлѣбамъ прѣснымъ, и возгорѣлся

(а) Псал. CLX—4. (б) Ambr. oper. Tom. VI, Lib. I. pag. 595 Venet. 1784. (в) Суд. VI, 19.

„огнь изъ камене, и поялъ жертву,
 „копорую приносилъ Гедесѣй. Симъ
 „знаменіемъ, кажеши, объяснено, что
 „вышепомянутый камень былъ обра-
 „зомъ (typus) плѣа Христова; ибо
 „написано: *плѣху отъ послѣдующаго*
 „камене, камень же бѣ Христосъ (а).—
 „Сіи слова Апостола относяся не къ
 „Божеству Спасителя, а къ плоти Его,
 „копоруя престоупающимъ источни-
 „комъ крови своей обильно напоила
 „сердца жаждущихъ народовъ. Такимъ
 „образомъ еще древлѣ таинственно
 „предызображено было, что распятый
 „Господь Іисусъ во плоти своей упразд-
 „нилъ грѣхи всего міра, и не только
 „вины и прѣступленія дѣла, но даже и
 „похоти сердецъ. Ибо мясо козлища
 „относится къ очищенію вины дѣла,
 „юха же къ омытію нечистоты пре-
 „дѣльныхъ похотей, по оному слову
 „Писанія: *и общій народъ, иже въ нихъ*
 „похотѣша похотѣніемъ (гнуснѣйшимъ),
 „и рекоша: кто ны питаетъ мясы? (б).
 „А простертый жезлъ Ангела и при-
 „косновеніе онымъ къ камню, изъ ко-
 „его изшелъ огнь, показываетъ, что
 „плоть Господа, исполненная Боже-
 „свеннаго Духа, погашаетъ всѣ грѣ-
 „хи людскія. Почему и Господь гово-

(а) 1 Кор. X. 4. (б) Числ. XI, 4.

„рипѣ: огня придохъ во вѣщи на земли (а),“ и пр. Такимъ-то образомъ изъясняется Св. Амвросій, старающійся о томъ, чтобы научить читающаго, и доказать свой предметъ.

XLVII.) Образецъ слога средняго представляешь намъ Кипріанъ,—въ своей знаменитой *похвалѣ Дѣвствы*.—
 „Къ дѣвамъ нынѣ слово мое, говоришь онъ,—къ дѣвамъ, шѣмъ болѣе, имѣющимъ нужду въ попеченіи, чѣмъ возвышеннѣйшая предоставлена имъ слава. Дѣвственницы—это цвѣтъ лѣтораслей Церковныхъ, слава и украшеніе благодати духовной, веселое выраженіе хвалы и похвалы;—это невинное и неповрежденное созданіе, образъ Божій, сообразный святынь Господа;—это свѣтозарнѣйшая часть спада Христова. Ими веселился, и въ нихъ изобиліе, но цвѣтеть славное плодородіе матери Церкви: и чѣмъ болѣе увеличивался число славнаго дѣвства, шѣмъ болѣе умножается радость сей Матери“. Вошь другой примѣръ, заимствованный изъ тогоже посланія, въ концѣ: „Якоже, говоришь Апостолъ, *облекохомся во образъ пер-*

(*) Лук. XII. 49.

„стнаго, да облечемся и во образъ Небеснаго (а). Сей образъ Небеснаго носить на себѣ дѣвство, носить непорочность, носить святость и истинна (б); носятъ плѣ, кои выну помнятъ оправданія своего Бога, кои хранятъ правду и благочестіе, кои поспоынны въ вѣрѣ, смиренны въ страхѣ Божиѣмъ, мужественны во всякомъ терпѣніи, крошки въ перенесеніи обидъ, легки къ совершенію, дѣлы милосердія, единомышленны и согласны въ брашскомъ мирѣ. Каждую изъ сихъ добродѣтелей, вы, о дѣвы добрыя, должны почитать, любить и исполнять,—вы досужныя для Бога и Христа, кои посвятивъ себя Господу, предходите къ Нему важнѣйшею и лучшею спезею, нежели мы. Спаршія представляйте собою училище для юнѣйшихъ; младшія совершайте служеніе спаршимъ, возбуждайте рвеніе въ равныхъ вамъ; ободряйте себя взаимными увѣщаніями, зовите другъ друга къ славѣ, каждая въ себѣ являя образецъ добродѣтели, достойный соревнованія; мужественно продолжайте; духовно спремьтесь; щастливо достигайте. Не забудьте и объ насъ въ шо

(а) 1 Кор. XV, 49. (б) Есс. IV, 1—4.

„время, когда ваше дѣвство начнешь
„въ васъ прославляясь (а).“

XLVIII.) Св. Амвросій также выражается среднимъ красивымъ слогомъ, когда успѣвшимъ въ добродѣтельной жизни дѣвамъ представляешь слѣдующій образецъ совершенства въ видѣ примѣра для подражанія. „Она была Дѣва не только по плѣту, но и по душѣ; даже плѣню при-, шворства не омрачила она внутренняго чистаго расположенія. Смиренная сердцемъ, важная въ словахъ, благоразумная въ намѣреніяхъ, чѣмъ болѣе бережливая и оспорожная въ разговорахъ, тѣмъ ревностнѣйшая въ чтеніи Писаній,— полагающая надежды свои не въ богатствѣ невѣрномъ, но въ смиренныхъ мольбахъ, всегда преданная занятіямъ, цѣломудренная въ рѣчахъ,— она привыкла Судію и посредника своихъ мыслей, видѣть въ одномъ Богѣ, а не въ чловѣкѣ; привыкла всѣмъ желать добра, никого не оскорблять, съ почтеніемъ вставать предъ старшими, не завидовать равнымъ себѣ, убѣгать тщеславія, слѣдовать разсудку, любить добродѣтель. Оскорбила ли она ко-

(а) Сург. oper. Tractat de discipl. virgin. pag. 174.

„гда-нибудь своихъ родителей, хо-
 „щая одною миною непріятною? Раз-
 „ногласила ли когда съ своими при-
 „ближенными? Тщеславилась ли чѣмъ-
 „нибудь предъ низшими? Насмѣхалась
 „ли когда-нибудь надъ слабымъ?— Она
 „любила посѣщать собранія только
 „такихъ людей, кои не стыдились
 „дѣлать милосердія, и коихъ поступки
 „украшались цѣломудріемъ. Не было
 „во взорахъ ея ни малѣйшей сурово-
 „сти, въ словахъ ни малѣйшей дерзо-
 „сти, въ поступкахъ ни малѣйшей не-
 „скромности; ея движенія были крош-
 „ки, походка приспойна, голосъ все-
 „гда ласковъ и пріятенъ; въ ея на-
 „ружности выливалась чистая ду-
 „ша ея, и все шло представляло
 „образецъ внутренней непорочности.
 „Такъ прекрасный домъ можно узнать
 „по передней комнаѣ,—и первый шагъ
 „въ оный показываетъ, что внутри
 „его нѣтъ темноты! Такъ свѣильникъ,
 „зажженный внутри лампы, ярко из-
 „ливаетъ свѣтъ свой наружу! Чѣмъ
 „сказать объ ея воздержности каса-
 „тельно пищи, и объ излишесствѣ, каса-
 „тельно исполненія многоразличныхъ
 „должностей,—объ излишесствѣ, ко-
 „торое превышало природу, о воз-
 „держности, для которой почти
 „недоставало природы? Тамъ не-

„знала она никакихъ промежутковъ
 „въ исполненіи служенія: здѣсь всѣ
 „дни ея сочешавались и удвоялись
 „поспомъ; и если приходила ей охо-
 „та дать себѣ отдыхъ и вкусить
 „пищу, она употребляла первую
 „встрѣтившуюся ей пищу только для
 „того, чтобы не истощить совершен-
 „но себя воздержаніемъ, а не для шо-
 „го, чтобы удовлетворить прихо-
 „тямъ (а).“—Сей опривокъ я почи-
 шаю образцемъ слога средняго попому,
 что Амвросій разсуждаетъ здѣсь не о
 помъ, какъ бы убѣдить къ дѣйстви-
 тѣльнѣ, кои еще не посвящили себя оному,
 а о помъ, каковы должны быть дѣвы
 уже посвятившіяся. Если бы нужно было
 убѣждать къ сему важному предпрі-
 ятію; въ такомъ случаѣ надлежало
 бы употребить высокій слогъ, какъ
 наиболѣе способный къ возбужденію
 и воспламененію чувства. Съ другой
 стороны надобно замѣтить, что
 блаженный Кипріанъ Мученикъ пи-
 салъ собственно о одеждѣ (*habitus*)
 дѣвъ, а не о расположеніи принявъ
 дѣвство, и попому выражался сред-
 нимъ слогомъ; а Св. Амвросій, въ
 другихъ мѣстахъ сочиненія своего о

(а) Ambros. op. de virgin. Lib, II. cap. II. Tom .
 V. pag. 27.

Дѣвственницахъ, возвышеннымъ витій-
ствомъ своимъ возбуждаетъ и самое
расположеніе къ принятію дѣвства.

XLIX.) Приведу теперь изъ двухъ
вышеозначенныхъ Писателей образцы
слога высокаго. Оба они сильно на-
падають на пѣхъ женщинъ, кои кра-
сящъ, или, лучше, безобразящъ лице
свое румянами. Кипріанъ, рассуждая
о семъ предметѣ, между прочимъ гово-
ритъ: „Если бы искусный живописецъ
„самымъ вѣрнымъ пѣлеснымъ цвѣтомъ
„изобразилъ на каршинѣ лице и станъ
„человѣка; и еслибы въ то время, ко-
„гда карпина уже нарисована и
„ошдѣлана, другой кто-нибудь,
„почишая себя искуснѣе, наложилъ
„на нее свою руку, чѣобы по его
„мнѣнію поправить то, что уже вѣр-
„но сдѣлано и живо представлено: то
„последній причинилъ бы первому
„художнику тяжкую обиду, и возбу-
„дилъ бы справедливое негодованіе. А
„ты думаешь избѣжать наказанія,
„если дерзкою и нечесливою швоею
„безразсудностію нанесешь оскорбле-
„ніе Художнику Богу? Подъ соблазни-
„тельными цвѣтами и прикрасами ты
„хочешь опѣ людей ушаишь свой стыдъ
„и распустиство; но чрезъ сіе дѣлаешься
„ты гнуснѣйшею любодѣею, испор-

„пивши и распливши въ себѣ то ,
 „что Богъ создалъ! Думая украсишь
 „лице , искусно убрать волосы, ты
 „разоряешь зримъ швореніе Божіе и
 „предательскивуешь истину . Вотъ
 „голосъ Апостола, убѣждающій тебѣ:
 „отистите ветхій квасъ, да будетъ ново
 „смишеніе, якоже есте безквасни: ибо
 „пасха наша за ны пожренъ бысть
 „Христосъ: тѣмъ же да празднуемъ не
 „въ квасъ ветхъ , ни въ квасъ злобы и
 „лукавства, но въ безквасіихъ чистоты
 „и истины. Но можетъ ли шоржество-
 „вать и праздновать чистота и испи-
 „на шамъ , гдѣ чистое оскверняетъ-
 „ся поддѣльными цвѣтами, гдѣ истин-
 „ное и подлинное превращается во
 „лжу аптекарскими пришираньями?
 „Господь швой говоришь : Неможе-
 „ши власа единаго бѣла , или тер-
 „на сотворити (а) ; а ты хочешь
 „быть сильнѣ Господа швого, что-
 „бы одержать побѣду надъ словомъ
 „Его! Съ дерзкимъ шцаніемъ и свяшо-
 „шатскою небрежностію красишь ты
 „свои волосы : злополучное предвѣ-
 „спіе! Симъ самымъ ты пророчишь
 „себѣ въ будущемъ огненные власы
 „ада (б).“ Дабы не сдѣлашься обшир-

(а) Матт. V, 30. (б) Cypr. in tractatu de disciplina et habitu virginum.

нымъ, не выпиcываю дальнѣйшихъ мыслей Кипріана .

Л.) Св. Амвросій, бесѣдуя о томъ же предметѣ, говоритъ : „ Откуда-
 „по происходятъ первые зародыши
 „пороковъ , что женщины расписы-
 „вають лица свои выисканными цвѣта-
 „ми; боясь не понравиться мужчинамъ,
 „они поддѣлываютъ наружный видъ
 „свой, а поддѣлкою наружности пор-
 „тятъ и внутреннюю чистоту нрав-
 „ственную . Какъ это безумно —
 „измѣнять живой образъ природы,
 „искать себѣ личины въ живописи, и
 „опасаясь сужденія мужчинъ, выспа-
 „влять на показъ свое собственное не-
 „выгодное о себѣ сужденіе ! Ибо та-
 „ первая произноситъ судъ о самой
 „себѣ , которая хочетъ перемѣнить
 „въ себѣ то , чѣмъ она рождена ; и
 „явно показываетъ , что прежде всѣхъ
 „она самой себѣ не нравилась, когда
 „сидишь понравилась другимъ . О
 „женщина, женщина! какого правдивѣе
 „искаешь намъ судіи безобразія твоего,
 „кромя тебя самой , когда ты боишь-
 „ся казаться тѣмъ , что ты дѣйстви-
 „тельно ? Если ты прекрасна , для
 „чего скрываешься въ румянахъ ? Если
 „безобразна, для чего лжешь , что ты
 „красива, когда припомъ шимъ при-

„творсшвомъ ты ничего неможешъ вы-
 „играть ни въ собственномъ тво-
 „емъ сознаніи, ни опъ ошибки друга-
 „го! Ибо, смотри, ты хочешь нравишься
 „одному, а онъ любитъ другую; и ты
 „сердишься, если топъ любитъ дру-
 „гую, который у тебя самой на-
 „чается искусству припворяться. Ху-
 „дая ты наславница къ собственному
 „вреду; поелику соблазняшь въ чужую
 „пользу не спанешь даже та, кошо-
 „рая сама нѣкогда принимала соблаз-
 „нищеля: и хопъ будь она самая пу-
 „спая женщина; но ошибку дѣлаешь
 „ради себя самой, а не ради другихъ.
 „Такимъ - то образомъ едва ли не
 „менѣ преступленія въ явномъ пре-
 „любодѣяніи, нежели въ поддѣльваніи
 „лица; ибо тамъ нарушается цѣло-
 „мудріе, а здѣсь чинишься любодѣй-
 „сшво съ самою природою (а).“—

Мнѣ кажется, подобное краско-
 рѣчіе довольно имѣетъ силы, что-
 бы возбудить въ женщинахъ стыдъ
 и страхъ— не поршить лица своего
 ненужнымъ украшеніемъ. Поэтому я
 отношу приведенныя мною слова не
 къ простому, не къ среднему, но къ
 высокому слогу. У Кипріана и Амбро-

(a) Ambros. Lib. I. de virginibus.

сія, представленныхъ мною за образецъ, равно какъ и удругихъ Церковныхъ Писателей можно весьма много найти примѣровъ для всѣхъ шрехъ родовъ орашорскаго слога ;— весьма много припомъ у нихъ и прекрасныхъ мыслей и прекраснаго способа изложенія, п. е., по свойству раскрываемыхъ предметовъ, изложенія умнаго, краснорѣчиваго и пламеннаго . Ревностный любитель Церковной словесности можеть переселишь въ себя и духъ и языкъ сихъ Писателей, если щастливо и неутомимо будетъ чипать и слушать ихъ, особенно же дѣлать опыты и упражненія въ подражаніи онымъ .

LI.) Не маловажное искусство—умѣть произвести сколько можно приличное смѣшеніе въ слогахъ, и о разнообразить проповѣдь свою всѣми способами выраженія. Если поученіе слишкомъ долго и пространно выражается однимъ какимъ-либо изъ шрехъ вышеозначенныхъ слоговъ : то скоро наскучиваетъ слушащелю. Напротивъ если дѣлаеть приличные опливы и переходы отъ одного слога къ другому, тогда и длинная проповѣдь бываетъ гораздо занимательнѣе. Конечно, въ рѣчахъ искусныхъ орашоровъ каждый слогъ самъ по себѣ получаетъ свои особыя

опишѣнки, свое разнообразіе, которое недопускаетъ пому или другому слогу— ни слишкомъ заспывать, ни слишкомъ нагрѣваться въ чувстввахъ слушателей: но вообще, гораздо легче и долѣе можно слушать и выносить одинъ простой слогъ, нежели одинъ слогъ высокій, долго плывущійся. И потому чѣмъ важнѣе потребность—возбуждать сильныя движенія души, дабы испоргнувъ согласіе и чувство у нашихъ слушателей: тѣмъ короче должно быть сіе возбужденіе, дабы именно остановившись тамъ, гдѣ душа слушателя распространена до надлежащей степени. Всегда надобно опасаться, дабы,—спараясь поднять выше и выше то, что уже поднято,—не уронишь чувство слушателя съ той точки, на которую сила рѣчи возвысила оное. Но умѣйте кснати примѣшать въ вашей проповѣди слогъ простой;—тогда вамъ хорошо будетъ переходить, гдѣ нужно, къ слогу возвышенному, дабы печеніе и спремительность вашей рѣчи поочередно измѣнялась, какъ приливъ и опливъ моря. Отсюда происходитъ, что высокій слогъ, (если есть нужда продолжить сный на значительное пространство), никогда не долженъ быть употребляемъ одинъ, самъ по себѣ; но должно разнообразить его примѣ-

шеніемъ другихъ слоговъ. Ибо вообще образъ изложенія мыслей опноситсѣ къ тому роду слога, кошорый оказываешся преобладающимъ въ рѣчи.

II.) Какой слогъ съ какимъ именно слогомъ должно смѣшивашь? Въ какихъ случаяхъ прилично взаимное сочешаніе оныхъ?—Въ слогъ высокій всегда, или почти всегда съ доспоинствомъ и приличіемъ могутъ входить начала и основанія слога *средняго*. Равнымъ образомъ опъ воли оратора зависипъ—выражапъ *простымъ* слогомъ нѣкошорыя чершы такихъ предметовъ, о коихъ можно говорить слогомъ *высокимъ*, дабы слогъ возвышенный опъ сравненія съ простымъ слогомъ предсшавлялся еще возвышеннѣе, и сшоя какъ-бы въ нѣкоей тѣни, являлся тѣмъ свѣшоноснѣе. Далѣе,—въ каждомъ слогѣ нужно бываетъ разрѣшапъ извѣстные узлы вопросовъ и возраженій; слѣдовашельно въ каждомъ слогѣ нужна шонкость (*асипен*) или проицашельность; а шонкость есть собшвенная принадлежность (5)

(5) Примѣч. Чшо асипен. или шонкость и остроша, по древней теоріи вишійства, шочно принадлежала къ слогу простому, объ этомъ см. *Quintil. Lib. XII, 10, 55—60, pag. 650, 631*. Также *Cicero. Orator. Tom. I, pag. 504*.

слога проспаго . Поэтому *простой* слогъ необходимо долженъ входить въ составъ другихъ двухъ слоговъ, и именно шамъ, гдѣ встрѣчаются вопросы для рѣшенія. Также почно и *средній* слогъ долженъ входить въ составъ и проспаго и высокаго слога въ такихъ случаяхъ, гдѣ нужно бываетъ что-нибудь или хвалить, или порицать; но гдѣ впрочемъ главная цѣль рѣчи не есть ни рѣшительное осужденіе чего-либо, ни оправданіе, ни убѣжденіе къ извѣстному дѣйствию. И такъ въ высокомъ слогѣ имѣющъ свои мѣста проспой и средній слогъ; въ проспомъ также могутъ быть средній и высокій; а средній слогъ, если не всегда, то иногда имѣешь нужду въ проспомъ, ш. е. (какъ выше сказано), когда ему встрѣчаются вопросы, необходимые для рѣшенія; или когда нѣкоторыя мысли, сами по себѣ способныя къ красотѣ, не украшающіяся, но выражающіяся простымъ языкомъ для того, чтобы другимъ мыслямъ доспавить, какъ бы въ брачной храмѣ красотъ, блистательнѣйшее мѣсто. Но эпюль же средній слогъ не имѣешь нужды въ слогѣ высокомъ; ибо цѣль средняго есть нравиться, а не убѣждать сердца.

LIII.) Не признакъ, не доказательство возвышеннаго и сильнаго слога, когда Проповѣднику воздають громкія похвалы и частыя рукоплесканія: ибо шже самое дѣйствіе производящъ и оспрошъ слога проспаго, и красосы слога умѣреннаго или средняго. Напрошивъ возвышенный слогъ тяжестію и силою своею задушаешъ хвалебныя клики, но испоргаешъ искреннія слезы.... Въ Мавришанскомъ городѣ, Кесаріи, былъ варварскій обычай, называвшійся *катервою*;— это было народное игрище, похожее на междоусобную войну, и даже хуже, чѣмъ на междоусобную. Въ извѣстное время года собирались въ назначенное мѣсто не только Граждане, чужіе другъ другу, но даже близкіе родственники, братья, опцы и дѣти; по жеребьямъ дѣлились на двѣ спороны;— въ печеніи нѣсколькихъ дней сряду шоржественно производили бишвы, и поражали, нерѣдко до смерти, другъ друга, кто кого чѣмъ могъ. Мнѣ надлежало поученіями своими отклонишъ народъ отъ сего обычая: и пошому я упошреблялъ, сколько можно, сильный и возвышенный шонъ рѣчи, чшобы испоргнушъ и уничтожитъ въ сердцахъ и нравахъ моихъ слушателей столь жестокое и, отъ давности, глубоко вкоренившееся зло.

Но о надлежащемъ дѣйствіи моихъ поученій узналъ я не тогда, когда слышалъ одобришельные клики народа, а тогда, какъ примѣшилъ на глазахъ его слезы. Клики народные показывали, что мои слушатели понимаютъ меня, и что я нравлюсь имъ; а слезы ихъ свидѣтельствовали, что они шочно убѣждены мною. Какъ скоро увидѣвъ я эши искренія слезы: тогда вполнѣ увѣрился, что я побѣдилъ эшотъ варварскій обычай, переданный отъ отцовъ, отъ дѣдовъ и даже отъ дальнѣйшихъ предковъ бѣднымъ пошомкамъ, — обычай, злодѣйски осаждавшій, или лучше сказать, совершенно державшій въ плѣну сердца народа. Тотъчасъ окончивши мое слово (а), я обратился сердца и очи къ небу, дабы возблагодарить Господа. И вонъ, по милосердію Хри-

(а) Эшо слово говорено было въ Септѣбрѣ, 418 года; ибо къ эшому времени отнесено пребываніе бл. Августина въ Кесаріи Мавританской. см. Epist. 160 и 195, 1. Также Oper. Augusti stud. Monach. ord. Bened. parisiis 1788, Tom. IX. praefat. sub finem и Lib de Gest. cum Emerito pag. 625. seqq. Сакаго слова не находимъ въ швореніяхъ бл. Августина; есмь иное слово, говоренное въ томъ же городѣ къ простому народу, по случаю распростра- нившейся тамъ ереси Донатистовъ, — весьма замѣ- чательное по силѣ мыслей, особенно же по агризости языка. Том. IX. pag. 617.

ста моего, прошекло уже почти семь, или болѣе годовъ, какъ варварская забава не возобновляетъ. Много есть и другихъ опытовъ, шорые научили меня, что по дѣйствіе на слушателей, произи мое высокимъ слогомъ, благораз употребляемымъ въ словѣ, вырлось не хвалебными восклицаніями повѣднику, а болѣе глубокими хами, иногда даже слезами, а нецъ переменною образа мыслей.

LIV.) Поученія, изложенныя спымъ слогомъ, также многихъ и мѣнили; но переменили только въ ошеніи къ предметамъ вѣденія и ры, а не въ отношеніи къ предмет дѣятельности: т. е. слушатели ли изъ сихъ поученій то, чего же не знали,—повѣрили тому, прежде казалось имъ не вѣроятн но если, они не хотѣли дѣлать что впрочемъ признавали необиымъ для дѣятельности, то и не дѣ Ибо чтобы побѣдить упрямство л упорныхъ, убѣждая ихъ къ дѣяте ссти, для сего нужно употреблать высокій. Равнымъ образомъ и средній или умѣренный, краснорѣ изображающій предметы похвалъ порицанія, такъ сильно дѣйств

на нѣкоторыхъ людей, что они не только восхищаются краснорѣчіемъ въ изображеніи похвалъ и порицаній; но въ тоже время самымъ дѣломъ стремятся къ похвальному, и избегаютъ укоризненной жизни. Между тѣмъ всѣ ли тѣ измѣняютъ образъ жизни, кои восхищаются слогомъ умѣреннымъ, какъ всѣ дѣйствуютъ надлежащимъ образомъ, коихъ убѣждаетъ слогъ высокій—и всѣ, научаемые слогомъ простымъ, дѣйствительно знаютъ то, чему ихъ учать, или вѣрно пріемлютъ за истину то, чего они не знаютъ?...

LV.) Отсюда слѣдуетъ, что высокій и простой—слоги, имѣющіе цѣлю дѣйствовать на душу, вообще необходимы такимъ орапорамъ, кои хотятъ научать народъ мудро и краснорѣчиво. А средній или умѣренный слогъ, имѣющій въ виду—нравиться однимъ наружнымъ краснорѣчіемъ, не долженъ быть употребленъ самъ для себя; употребивъ его надобно употребить только для того, чтобы онъ своею пріятностію израженія нѣсколько легче возбуждалъ, и крѣпче удерживалъ мысль и чувство слушателя на тѣхъ предметахъ, кои излагаются съ пользою и достоинствомъ; и пусть проповѣдники берутъ эпитетъ слогъ въ пособіе

себѣ тогда, когда не видяшъ нужды въ слогѣ назидающемъ и убѣждающемъ, уже имѣя у себя слушателей свѣдущихъ и благонастроенныхъ. Ибо если главный и всеобщій долгъ краснорѣчія въ каждомъ изъ трехъ означенныхъ слоговъ есть—говоришь языкомъ, способнымъ къ убѣжденію; если вообще главная цѣль вишійства есть,—дѣйствительно убѣдить своею рѣчью въ шомъ, въ чѣмъ намѣреваемся убѣдить: то ораторъ, какой бы онъ ни употреблялъ изъ трехъ слоговъ, конечно, вездѣ будетъ говоришь языкомъ, принаровленнымъ къ убѣжденію; но истинной цѣли краснорѣчія достигнетъ онъ только тогда, когда совершенно и не сомнительно убѣдитъ въ предлагаемыхъ истинахъ. Ораторъ убѣждаетъ посредствомъ слога простаго, когда старается увѣрить въ истинѣ предлагаемыхъ имъ предметовъ;—убѣждаетъ посредствомъ слога высокаго, когда заставляетъ слушателей немедленно дѣлать то, что они знаютъ, но не дѣлаютъ;—убѣждаетъ наконецъ посредствомъ слога средняго: но въ чѣмъ? только въ шомъ, что рѣчь его красива и убрана. А въ такой цѣли убѣжденія что намъ нужды? Пусть къ ней стремятся тѣ, кои любяшъ щеславиться искусствомъ и обра-

божественностию языка; пусть хвастающуею въ панегирикахъ и шакихъ рѣчахъ, гдѣ нѣтъ надобности ни назидать, ни убѣждать къ двѣшественности, а только нравиться слушателю. Напротивъ мы, Христіанскіе наставники, должны эшу цѣль замѣнить другою, болѣе существенною цѣлю; ш. е. средній слогъ долженъ имѣть у насъ одну и ту же цѣль, какую имѣетъ слогъ высокій, именно—возбужденіе въ слушателяхъ любви къ благонравію и обращенія отъ худой нравственности. Пусть онъ ошличается у насъ достоинствомъ слога возвышеннаго, дабы съ одной стороны исправить людей, еще не совсѣмъ чуждыхъ жизни безнравственной, а съ другой—людей добрыхъ болѣе утвердить въ добродѣтели, и сильнѣе поощрить къ дальнѣйшему совершенству Христіанскому. Тогда выдешъ, что и красотою слога средняго мы будемъ пользоваться не для хвастовства, а по благоразумію; не будемъ довольствоваться шѣмъ, чтобы только нравиться слушателю; но будемъ употреблять сей слогъ, какъ вспомогательное средство, къ убѣжденію въ истинно благомъ, въ коемъ желаемъ убѣдить народъ.

LVI.) Ишакъ , при выше мною предложенныхъ (а) требованіяхъ ,— въ силу коихъ говорящій мудро , и вмѣстѣ жадающій говоритъ красно-рѣчиво, обязанъ говорить *внятно, пріятно и убѣдительно*,—эти требованія должно понимать не шакъ, чтобы каждое изъ нихъ порознь усвоить каждому изъ прехъ слоговъ , то-есть , слогу простому усвоить одну внятность или вразумительность, среднему—одну пріятность, высокому—одну убѣдительность; но шакъ , чтобы, употребляя шомъ или другой слогъ, въ каждомъ изъ нихъ имѣть на виду всѣ требованія вмѣстѣ, и въ каждомъ, по возможности, выполнять ихъ. Я ни какъ не хочу, чтобы мною пренебрегали и скучали за то, что въ извѣстномъ случаѣ я говорю слогомъ простымъ; а по этому я и здѣсь хочу говорить нешолько внятно, но и пріятно. Чего инаго мы домогаемся, уча народъ свидѣніямъ Господнимъ, какъ не того, чтобы заставили слушать насъ съ покорностію, ш. е. чтобы произвели твердую вѣру въ сіи свидѣнія, утверждаясь на словахъ Пророка: *Свидѣнія твоя цвѣришася зѣло* (б)? Чего другаго, какъ не вѣры желаешь дости-

(а) Сл. § XXXII. (б) Псал. XСХII, 5.

гнуть опъ учениковъ своихъ насѣвникъ, излагающій имъ извѣстные предметы слогомъ простымъ? Но съ другой стороны кто захочетъ слушать его, если онъ и въ простомъ изложеніи неплѣняетъ слушателя извѣстною степенью пріятности слога? Наконецъ кто не знаетъ, что нельзя того слушать ни съ охотою, ни съ покорностію, кто говоритъ невразумительно?

Часто рѣчь, изложенная самымъ простымъ слогомъ, возбуждаетъ столько не пришеворныхъ похвалъ, что при оныхъ почти совсѣмъ забываешь о простотѣ изложенія. Это случается тогда, когда сія рѣчь, не смотря на свой простой слогъ, разрѣшаетъ самые трудные вопросы и проливаетъ не ожидаемый свѣтъ и ясность; когда она остроумнѣйшія мысли выводитъ наружу, извлекая оныя какъ бы изъ нѣксей сокровенной глубины, откуда ихъ вовсе нельзя было надѣяться; когда побѣдно ииспровергаетъ заблужденія простивника, и точно представляетъ ложнымъ то, что казалось ему неопровержимымъ; особенно, когда въ ней есть красота неизысканная, а нѣкоторымъ образомъ прирожденная; есть плавность въ окончаніяхъ періодовъ, не

изъ хвасповства упошребленная, но какъ бы необходимая, и изъ свойства самыхъ предметовъ, такъ сказать, насильно испоргнушая. Выходя на борьбу съ прошивникомъ неубранною, безоружною, такая рѣчь побѣждаетъ его одною наготою своею, одною внутреннею силою и крѣпостию; могучими членами своими она низпровергаетъ и разрушаетъ упрямую ложь. Откуда въ семь случаевъ происходящихъ частыя и многочисленныя рукоплесканія оратору? Откуда, что здѣсь нравишься сама истина, будучи просто, но вѣрно изъяснена, защищена и представлена непобѣдимою. И вошъ какимъ образомъ нашъ Христіанскій наставникъ и проповѣдникъ въ самомъ простомъ слогѣ можетъ и долженъ говорить не только внятно, но вмѣстѣ и пріятно и убѣдительно!

LVII.) Равно и краснорѣчіе, собственное среднему слогу, у искуснаго проповѣдника не терпитъ ни излишней небрежности, ни не приличнаго украшенія; не стремится къ тому одному, чтобы нравишься, какъ это бываетъ обыкновенно у свѣтскихъ ораторовъ; напрошивъ, пріятно изображая предметы, достойныя хвалы или порицанія, и стараясь возбудить

сильнѣйшее стремленіе и постоянство въ достохвальномъ, произведши отвращеніе и презрѣніе къ достойному презрѣнію,—это краснорѣчіе хочеть быть не только пріятнымъ, но и вяшнымъ и убѣдительнымъ. Если оно не вяшно, не вразумительно: то не можеть быть и пріятно для слушанія. Отсюда, хошя главный характеръ слога средняго естъ пріятность, или занимательность (*delectatio*); но онъ долженъ соединять въ себѣ и другія требованія краснорѣчія, т. е. долженъ стремиться къ тому, чшобы въ одно и тоже время слушатели и понимали его, и плѣнялись, и покорствовали ему.

LVIII.) Далѣе,—когда нужно прогашь и убѣждашь слушателя, (а нужно бываетъ тогда, когда слушатель самъ признается, что проповѣдникъ поучаетъ его съ достоподобною истинною и пріятностію, а онъ между шѣмъ нехочеть исполнять то, чему учашъ его): въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, надлежитъ употреблять возвышенный слогъ или родъ краснорѣчія. Но можно ли пронуть слушателя, если онъ не понимаетъ того, что ему проповѣдуютъ? Можно ли заставить его слушать съ охотою, если поученіе

не плѣняешь его своею пріятностію?—
нельзя; слѣд. и высокій слогъ, имѣю-
щій цѣлю свою—посредствомъ могу-
чаго вишійства плѣнишь въ послуша-
ніе ожесточенное сердце слушателя,
не можешь быть убѣдительнѣе, если
онъ въ одно и тоже время не есть
вразумительнѣе и пріятнѣе.

LIX.) Между тѣмъ какъ бы ни-
была возвышенна проповѣдь наша,
но въ дѣйствительной побѣдѣ надъ слу-
шателями всегда болѣе имѣешь вѣсу
и силы жизнь проповѣдника, нежели
слово его. Правда, кто другимъ
проповѣдуетъ мудро и краснорѣчиво,
а самъ живетъ неключимо, шопъ,
безъ сомнѣнія, научаешь многихъ рев-
ностныхъ любителей истины, хотя
своей души неключимъ есть (а), по
Писанію. Почему и Апостоль говоритъ:
*еще виною (лицемѣріемъ), еще исти-
ною Христосъ проповѣдаемъ есть* (б)
и проч. Это значить, что Христосъ
есть истина; но что и эта чистѣйшая
Истина можешь быть возеѣцаема не
истиною, ш. е. правое и истинное мо-
жешь проповѣдывать шопъ, кто имѣ-
ешь неправое и лживое сердце.—Такъ
проповѣдуютъ Иисуса Христа обык-
новенно такіе люди, кои ищутъ сво-

(а) Сирах. XXXVII, 22. (б) Филип. I, 18.

ихъ си, а не яже Христова сущь. Добрыя Христіане съ покорностію внимають въ этомъ случаѣ— не челоуѣку, каковъ бы онъ ни былъ, а самому Господу, рекшему: *вся, елика аще рекѹтъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите, по дѣломъ же ихъ не творите; глаголютъ бо и не творятъ* (а): по этому они съ пользою и благопопрѣбно слушають шакихъ учителей, кои сами живутъ непопрѣбно. Ибо сіи учители хотя стараются своего *искать*, но не смѣютъ *своемѹ* поучать, — не смѣютъ по причинѣ свяшоспи и величія церковной каяедры (престола), копорую устанавила здравая наука Христіанская. Посему-то и самъ Господь, намѣреваясь говорить о подобныхъ учителяхъ, прежде всего прибавилъ слѣдующія слова: *на Мойсеовѣ сѣдалищи сѣдоша* (б). То-есть, каяедра, не книжникамъ а Моисею принадлежащая, заставляла ихъ преподавать одно доброе, хотя они сами не дѣлали добраго; и хотя жизнь свою вели они по своему, но преподавать свое и по своему не позволяла имъ чужая каяедра.

І.Х.) Ишакъ многимъ,— говорю,— приносятъ пользу проповѣдники, про-

(а) Матѣ. XXII, 3. (б) Тамже XXII, 3.

повѣдующіе другимъ то, чего сами не исполняютъ; но не сравненно большему числу людей доставили бы они существенную выгоду когда бы сами не передъ исполняли то, о чемъ проповѣдуютъ другимъ. Ибо малоли есть такихъ слушателей, кои защиты свое порочной жизни ищутъ въ поведеніи самихъ настоятелей и учителей своихъ, помышляя въ душѣ своей, или въ недобрый часъ, — даже въ глаза говоря проповѣднику: „для чего ты самъ того не дѣлаешь, что мнѣ заповѣдуешь?“ — Вотъ откуда происходитъ что люди не внимаютъ съ покорностію тому, кто самъ не внимаетъ себѣ, вмѣстѣ съ проповѣдникомъ пренебрегая слово Божіе, которое проповѣдуешь имъ. И, вотъ почему Апостоль, пиша къ Тимоѳею, и сказавши: *никто же о юности твоей да не радитѣ*, тотчасъ прибавилъ причину за что никто да не радитъ: *образъ буди, говоришь, вѣрнымъ словомъ житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою истотою* (а).

LXI.) Чтобы заставишь — съ покорностію слушать себя, наставникъ служащій образцомъ для другихъ, — про

повѣдуешь ли слогомъ просхимъ, или среднимъ, или высокимъ, — всегда проповѣдуешь непостыдно; ибо живешь неукоризненно. Благоразумно распоряжаемая имъ добрая жизнь нисколько немѣшаетъ ему заслуживать добрую славу; напрошивъ, боясь Бога и промышляя о людяхъ, онъ по мѣрѣ силъ своихъ всегда заботишься о томъ, что доброхвально предъ Богомъ и человеками (а). И въ самыхъ поученіяхъ своихъ ему всегда благоутонѣе покажется угождать вещами, нежели словами; одно по почтенью онъ въ выраженіи лучше и краснѣе, что выражается истиннѣе и вѣрнѣе; и не спанешь думая, что учишель долженъ быть рабомъ словъ, но что напрошивъ слова должны работать и производять учишелью. Сіе — по разумѣешь Апостоль, когда говоришь: *не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ* (б). Таковую же силу имѣють слова, сказанныя имъ Тимоеею: *сія воспоминай, за свидѣтельство предъ Господомъ, не словопретися, ни на куюже потребу, на разореніе слышащихъ* (в). Не для того сказано не словопретися, чѣмъ бы мы оставались вовсе безъ слова за истину предъ противниками, нападающими

(а) 2 Кор. VIII, 21. (б) 1 Кор. I, 17. (в) 2 Тим. II, 14.

ми на истину;— ибо касательно борьбы за истину есть другое наставление у Апостола, гдѣ онъ, изображая характеръ Епископа, между прочимъ говоритъ: *да силенъ будетъ и чтѣнати въздравльмъ чтеніи, и противлящїмся облигати* (а);—но для того, что словопрешился или ратовать на словахъ значить—заботиться не о томъ, какъ бы истинною побѣдиль ложь, а о томъ, какъ бы своя проповѣдь,— по своей наружной красотѣ,—заслужила предпочтеніе предъ проповѣдью другаго. Но кто ратуешь не словами, а дѣломъ, тошъ и въ просномъ, и въ среднемъ, и въ высокомъ слогѣ всегда имѣешь одну цѣль словъ: чшобъ въ словахъ истина сама себя раскрывала, чшобъ истина благоужждала, чшобъ истина трогала (б). Безъ истины и самый важнѣйшїй предметъ, какъ напр. Хрисціанская любовь,—конецъ заповѣди и исполненіе Закона,—никакимъ образомъ не можешь быть справедлива, если то, что любишь, не есть истинно, а ложно. Съ прискорбіемъ смотришь на чловѣка, прекраснаго шѣломъ, но безобразнаго душою, и думаешь: лучше бы ужъ и шѣломъ быть ему безобразну.

(а) Тим. I, 19. (б) Ut veritas pateat, veritas placeat, veritas moveat.

Такъ точно и ораторы, краснорѣчиво изображающіе предметы ложные, болѣе достойны сожалѣнія за свое искусство въ выраженіи, чѣмъ если бы они, по неискусству, выражали сіи предметы дурно и безобразно.

Ипакъ чтожь такое значить—быть и мудрымъ и вмѣстѣ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ?—То, чтобы съ одной стороны избирать предметы проповѣди по существу своему истинные и достойные слушанія; съ другой, чтобы для изображенія сихъ предметовъ употреблять выраженія въ простомъ слогѣ *удовлетворительныя* (*sufficientia*), въ среднемъ *красивыя и блестящія* (*splendentia*), въ высокомъ *сильныя и поразительныя* (*vehementia*). Если кто не въ состояніи—разомъ выполнитьъ обоихъ требованій: пусть лучше говоритъ мудро то, чего неумѣетъ сказать краснорѣчиво, нежели говоритъ краснорѣчиво то, чего не умѣетъ сказать мудро. Если же кто ни того ни другаго не можетъ сдѣлать: пусть ведетъ себя ипакъ, чтобы не только себѣ стяжать небесную награду, но и другимъ подать собою примѣръ: пусть образъ жизни его и поведенія будетъ всегдашнимъ безмолвнымъ поученіемъ.

LXII.) Есть люди, которые могут хорошо произносить проповѣди, но не могут выдумать того, что произнеси,— не могут сами писать проповѣдей. Въ такомъ случаѣ нѣтъ грѣха и безчестія—заимствовать другихъ мудро и краснорѣчиво написанныя поученія, выучивать ихъ на память, и предлагать народу. Это одинъ изъ истинно полезныхъ способовъ распространять истину; и черезъ него дѣлаются вдругъ многіе проповѣдниковъ и провозвѣстниковъ истины, безъ умноженія числа учителей (а);—если только всѣ они проповѣдуютъ одно и то же ученіе истиннаго Учителя, и нѣтъ между ними раздѣленія (schismata.— Проповѣдники, сказывающіе чужія сочиненія, отнюдь не должны приходить въ смущеніе отъ гласа Пророка Іереміи, черезъ коего Богъ объявляетъ имъ, *иже крадутъ словеса его кѣждо отъ искренняго своего* (б). Ибо крадетъ пошль, кто похищаетъ чужое; а слово Божіе не есть чужое для шльхъ, кои повинуются Богу; скорѣе пошль говоритъ чужое—краденое,—кто свое говоритъ хорошо, живетъ худо: все, что говоритъ

(а) Справк. Іак. III, 1.—1 Кор. III, 4—9.—Мат. XXIII, 7, 8. (б) Іер. XXIII, 50.

онъ хорошаго, хопя съ одной спороны и кажешся произведеніемъ его собственнаго ума, но съ другой это у него чужое,—по отношенію, по-есть, къ его нравамъ или сердцу. Слѣдовательно, шашиами своего слова Богъ назвалъ шѣхъ, кои хопяшъ казашся добрыми, красно проповѣдуя то, что собственно принадлежишъ Богу, но кои въ самой вещи злы, дѣлая то, что собственно принадлежишъ имъ.—И точно,—если шщашельно вникнуть въ слова шакихъ учителей, найдешъ, что они, говоря хорошее, говорятъ какъ будто не сами. Ибо какъ же это—на словахъ они говорятъ то, что опшвергающъ на дѣлѣ?—Не напрасно Апостоль пишешъ объ нихъ: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, дѣлы же отлещутся его* (а). Слѣдовательно, сіи люди въ одно и поже время нѣкоторымъ образомъ говорятъ сами, нѣкоторымъ образомъ—не сами: и то и другое истинно, по свидѣпельству самой Истины. Ибо Истина, изьясняясь о подобныхъ учителяхъ, въ одномъ мѣспѣ говоритъ шакъ: *вся елика аще рекутъ вамъ, творите; но дѣломъ же ихъ не творите* (б): ш. е. что слышите изъ устъ ихъ—дѣлайте, что

(а) Тит. I, 10. (б) Мат. XXIII, 5.

видите въ дѣлахъ ихъ, не дѣлайте *глаголютъ* бо прибавляетъ Она, и не *творятъ*; — слѣдовательно хотя не шворають, однакоже глаголють. Н въ другомъ мѣстѣ, таже Испина обличая ихъ, говоритъ: *лицемѣри, как можете добро глаголати, зли суще* (а).
Слѣдовательно все, что иговораяши эти училиши, говоря хорошее, говоряши не сами; поколику собственна воля и поступки ихъ рѣшительны опровергають то, что они говорятъ. А изъ сего выходитъ, что краснорѣчивый но худой человѣкъ проповѣдывая своей воли какъ бы для того именно и сочиняетъ хорошее поученіе, что бы проповѣдалъ оное другой, хотя и краснорѣчивый, но добрый человѣкъ: и въ такомъ случаѣ сочинитель самъ опираясь себя производить и передаетъ чужое а проповѣдникъ или сказыватель опирается чужаго пріемлетъ свое. Если же добрые Христіанскіе наставники ссылаются свои сочиненія добрымъ же проповѣдникамъ, то здѣсь оба—и сочинители и сказыватели проповѣдуютъ свое, а чужое: поелику у обоихъ у нихъ и Богъ свой, коему принадлежишь то, что они проповѣдуютъ и сочиненія чужія дѣлаются своими

(а) Маше. XII, 31.

для пѣхъ, кои, немогши сочинитъ своихъ, живутъ чинно по чужимъ сочиненіямъ.

LXIII.) Впрочемъ намѣревается ли Христіанскій наставникъ говорить свое слово предъ цѣлымъ собраніемъ или предъ нѣсколькими лицами, намѣревается ли продиктовать проповѣдь свою другимъ, желающимъ и способнымъ сказать ее предъ народомъ,—во всякомъ случаѣ пусть онъ усердно молился, да дастъ Господь во уста его слово благо. Ибо если Царица Есѣирь, приготавливаясь предъ Царемъ Артаксерксомъ говорить за временное спасеніе народа своего, молилась, чѣобы Господь далъ *слово благоугодно во уста ея* (а): то не паче ли долженъ молился о полученіи сего важнаго дара инопъ, кто прудится надъ словомъ и ученіемъ о вѣчномъ спасеніи людей?—Далѣ,—лица, намѣревающіяся говорить чужія,—опъ другихъ заимствованныя проповѣди,—до полученія пусть молялся за пѣхъ,—опъ коихъ думаютъ получить, да дастся имъ то, чѣо онѣ дѣйствительно желаютъ получить; а по полученіи пусть молятъ

(а) Есѣир. IV, 17.

ся во первыхъ за себя, чѣобы хорошо произнести; во вторыхъ за слушателей, дабы они хорошо приняли произносимое къ нимъ; наконецъ за щасливое окончаніе проповѣди пусть возносятъ благодареніе Тому, оупъ Коего, безъ сомнѣнія, зависѣлъ успѣхъ ихъ,—дабы хвалящійся хвалился о томъ Единомъ, *въ руку когго и мы и слова наша* (а).

LXIV.) Книга моя вышла гораздо обширнѣе, нежели какъ я хотѣлъ, и какъ думалъ. Впрочемъ если она для кого-нибудь изъ моихъ читателей или слушателей пріятна, то непокажется обширною; а кому покажется обширною, топу пусть читаетъ ее по частямъ, если хочетъ имѣть сообщенныя въ ней познанія; если же кто лѣнится пріобрѣтать познанія, тому не для чего жаловаться и на обширность. А я съ своей стороны приношу благодареніе Богу моему за то, что въ чепырехъ частяхъ своей книги изложилъ, по мѣрѣ силъ моихъ, свои мысли—не о собсѣвенныхъ, по многимъ отношеніямъ недоспапшочныхъ, дарованіяхъ проповѣдническихъ, а о надлежащемъ ха-

рактеръ того, кто ревностно желаетъ шрудиться на поприщѣ здраваго ученія Христіанскаго, какъ для себя, такъ и для другихъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, и всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

**Посетите наш сайт в интернете по адресу:
<http://www.axion.org.ru>**

На сайте Вы сможете:

- ✓ получить подробную информацию о новоизданных книгах,
- ✓ бесплатно скачать электронные версии многих книг (их текст легко читать, копировать и использовать на любом компьютере),
- ✓ заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте,
пожалуйста, по электронной почте:
info@axion.org.ru**